

Альманах
библиофила

*Выпуск
второй*

*«Альманах библиофила»
рассказывает
о
книгах и книжниках
прошлого и современности,
о
библиотеках и библиофилах,
о
поисках и находках
в книжном мире,
о
делах минувших
и
о современной жизни книголюбов
в разных концах нашей страны
и
в других странах*

Альманах библиофила

*Выпуск
второй*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
«АЛЬМАНАХА БИБЛИОФИЛА»:

Осетров Е. И.
(главный редактор)

Маркушевич А. И.

Сидоров А. А.

Утков В. Г.

Наппельбаум Л. М.
(ответственный секретарь)

Художник
В. Вагин

УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СЪЕЗДУ ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ

Дорогие товарищи!

Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза горячо приветствует делегатов учредительного съезда Всесоюзного добровольного общества любителей книги и в их лице миллионы советских людей, всех, кто любит и ценит книгу, кто ее создает, печатает, пропагандирует и распространяет.

Партия высоко ценит воспитательную, мобилизующую и организующую роль книги в формировании нового человека, в развитии и приумножении материальных и духовных ценностей советского общества. Народность и партийность, научная аргументированность и достоверность, правдивость и высокий идейно-художественный уровень снискали нашей литературе большой авторитет во всем мире.

Выпуск книг в Советском Союзе достиг поистине грандиозных масштабов. Ежегодно в нашей стране выходит свыше полутора миллиардов книг более чем на ста языках. К услугам советских людей 360 тысяч государственных и общественных библиотек. Советский Союз по праву называют самой читающей страной в мире. Любовь к книге стала ныне неотъемлемой чертой советского образа жизни.

Благородное движение книголюбов, объединяющее миллионы рабочих и ученых, колхозников и студентов, людей различных поколений и профессий,— яркое свидетельство высокого культурного уровня нашего народа, его разносторонних духовных запросов. Любители книги, объединенные во Всесоюзное добровольное общество, будут стремиться к тому, чтобы полнее использовать огромную силу печатного слова в пропаганде бессмертных идей марксизма-ленинизма, в распространении политических, научных и технических знаний, воспитании активных строителей коммунистического общества.

Одной из важнейших задач движения книголюбов является формирование читательских интересов и вкусов молодежи, воспитание у подрастающих поколений любви к книге, умения работать с ней, бережного отношения к этому замечательному творению человеческого гения.

Центральный Комитет КПСС желает учредительному съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги успехов в работе и выражает уверенность, что общество внесет достойный вклад в дело дальнейшего развития культуры в нашей стране, воспитания трудящихся в духе беспредельной верности идеалам коммунизма.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

«Правда», 1974, 3 окт.

СРАЖАЮЩАЯСЯ КНИГА

Кто из нас, если говорить положа руку на сердце, не мечтает написать биографию своей библиотеки? Потрогаешь корешки знакомых изданий — и сладко защемит сердце. Жизнь и приключения книг не менее увлекательны, поучительны, красочно-прекрасны, чем дела и дни их создателей. Книги — путешественники, отшельники, трибуны, воители, солдаты. Книги — миры, имеющие свою собственную жизнь и свои законы...

Глаза древних фолиантов — приглядитесь к ним в «доме Пашкова» — видели современников Ярослава Мудрого, и его неутомимых переводчиков-переписчиков, записывавших в стенах Софии Киевской изустные предания дедов и прадедов о походах на Царьград и о том, как звонко копыта поют на привольном Дунае... Нас не может не будоражить мысль о том, что вот эта в кожаном переплете книга, лежащая перед нами на столе, вышедшая из типографии Университета в канун «грозы двенадцатого года», современница совсем еще юного Пушкина, уже известных Василия Жуковского и Константина Батюшкова, озаглавленная «Победы графа Суворова», счастливо пережила пору, когда «шумел-горел пожар московский». Написанная Федором Бунаковым, украшенная изысканными гравюрами, книга проникнута совершенно непосредственным, на наш взгляд, даже бытовым восприятием личности непобедимого полководца, автор гениальной «Науки побеждать». Легко представить, как читалось вдохновенное жизнеописание Суворова теми, кому пришлось сражаться под Бородино, кто шагами измерил старую Смоленскую дорогу, сокрушая полчища Наполеона. Титульный лист книги Федора Бунакова набран литерами, которые позднее стали называться шрифтом 1812 года — одним

из красивейших по своему штриховому силуэту. Рассматриваешь гравюры в «Победах Суворова» и возникает перед мысленным взором облик читателя-воина той поры, скажем, Дениса Давыдова, листающего книгу при свете бивуачного костра. Пламя разгорается все сильнее, колеблющиеся блики высветляют лица — близкие и родные — и среди них мы видим то одного, то другого вглядывающихся в лик Суворова героев «Войны и мира». Не Петя ли Ростов читает эту книгу?

Коллекционеры, как известно, высоко ценят украшенные виньетками — с неизменными колчанами и стрелами — издания, связанные с эпохой 1812 года. Разве можно равнодушно пройти мимо солдатской песни Ивана Кованько, напечатанной в 1814 году в журнале «Сын Отечества», написанной в разгар военных действий и предугадавшей события: «Хоть Москва в руках французов, это, братцы, не беда. Наш фельдмаршал, князь Кутузов на смерть их пустил туда». Пленительна графика первых десятилетий минувшего века — от сатирических карикатур на захватчиков до рисунков, любовно воспроизводящих образы героических защитников родной земли. Недаром прославленный знаток, собиратель и публикатор Д. Ровинский писал в свое время: «1812 год так же памятен для России, как и год Мамаева нашествия... Ни одно событие не было так роскошно иллюстрировано в народной галерее нашей, начиная от истинно художественных карикатур талантливых мастеров Теребенева и Иванова и кончая копеечными Долбилами и Гвоздилами растопчинского измышления: около 200 картинок представляют нам, так сказать, лицевые ведомости всего того, что происходило в это достопамятное время, день за днем: геройские подвиги русских Курциев и Сцевол, наполеоновские неудачи и бегства и конечное истребление его армии». Совершенно невозможно удержаться и не вспомнить — с самой задушевной любовью — изданные в ту пору крыловские басни, иллюстрированные И. А. Ивановым; всем нам знакомый рисунок изображает отощавших наполеоновских солдат на фоне московского Кремля.

Новые времена — новые песни. Героическая книжная традиция, вобрав в себя огромный исторический и социальный опыт, приняв бесконечно разнообразные формы, с особой силой сказала в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Теперь, по прошествии трех десятилетий, оглядываясь назад и вспоминая огненные сороковые, мы

можем сказать, что в бой с врагом шли не только танки и самолеты, не только «царица полей» — бессмертная пехота, но и Книга, ибо печатное слово тогда было действительно приравнено к оружию, действовавшему безотказно.

Сражающаяся книга — явление, рожденное всенародным духовным подъемом, неодолимой решимостью отстоять родную землю от посягательств захватчиков. Книга-воин, проделавшая путь от Волги до Эльбы, от апельсиновых рощ Адриатики до Порт-Артура, еще нуждается в обстоятельном философском осмыслении как нечто небывалое — единственное и несравненное — в истории культуры. Конечно, книга всегда влияла на людские дела, участвуя в революциях, войнах, путешествиях как полноправный и полномочный представитель автора-создателя. Недаром Гоголь говорил, что в литературном мире нет смерти и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые. Грандиозность происходящего не могла не породить и духовный опыт, невиданный по своим масштабам. Поэт, слагающий строфы перед атакой. Художник-график, рисующий в блокадном Ленинграде. Хранитель книг, уносящий из пылающего здания на своих плечах раритеты. Героическое время драматизировало и восприятие произведений, заставив всех нас как читателей в минуту смертельной опасности увидеть в них то, что едва замечалось в обычных условиях.

Мы не можем не гордиться тем поистине планетарным звучанием, которое обрела, скажем, толстовская «Война и мир» в дни, когда бесчисленные капитаны Тушины сдерживали натиск врага к Москве, насмерть стояли на берегах Волги. В вещевых солдатских мешках вместе с необходимым запасом сухарей находились и любимые книги — от «Слова о полку Игореве», от Пушкина и Лермонтова до стихов Сергея Есенина...

В тягчайшие годы люди, мечтая о мире, о возвращении домой, к созидательному труду, думали — с неизменной нежностью и теплотой — о книгах, о встречах с прекрасным и возвышенным миром книжного искусства. Пламенная мечта о книге выразительно была запечатлена в одном письме Николая Тихонова из осажденного врагами города на Неве: «Ленинградец давно не навещал своей квартиры, но, вспомнив про одну любимую книгу, решил пробраться в дом и отыскать ее. А вдруг она сохранилась?! Когда дом был охвачен пламенем, пожарные щедро лили воду на

огонь, и в поисках книги ленинградец ступал теперь по толстому слою прозрачного льда, покрывавшего старинный разноцветный паркет. В шкафах книги не было. И вдруг он увидел ее, она лежала на паркете, и можно было прочесть каждое слово на раскрытой странице сквозь толстый прозрачный лед. Книга жила, но читать ее можно было только через эту холодную голубую преграду. Это походило на сказку. В комнате, сквозь дыры крыши и пробоины стен, сияло солнце. Ленинградец читал книгу, став на колени на лед, волнуемый самыми разнообразными чувствами». Нельзя не согласиться с Николаем Тихоновым, когда он говорит, что в этом сказочном факте, подлинном, как сама жизнь, есть и мудрость притчи. Чаемая весна победы принесла и торжество справедливости, и радость мирного труда, и возрождение к бытию всего того, чем дорога жизнь, со всеми ее радостями и заботами.

Книги, газеты, листовки, плакаты, журналы военной поры. Пожелтевшие, побывавшие в окопах и траншеях, напечатанные на грубой и теперь уже ломкой бумаге; нередко неказистые на вид, но — бессмертные. Отмеченные стремлением к продуманной простоте, они пережили время, чтобы напоминать и нам, и потомкам, как народ отстаивал и отстоял не только независимость, не только честь и достоинство страны, но и самые возвышенные идеалы мира, прогресса и гуманизма. Прав был поэт, высказавший то, что думали миллионы: «Смертный бой не ради славы, ради жизни на земле».

Друг-однополчанин показал мне конволют, который нынче представляется мне ценностью особого рода. Некогда на страницах «Красноармейской правды», одной из популярных фронтовых газет, печатались главы из «Теркина». Легко западавшие в память строфы читались и перечитывались, а затем один из бесчисленных поклонников книги, создаваемой на войне, вырезал их из газеты и отсылал домой. Позднее он одел эти газетные вырезки в бесхитростный переплет — и вот перед нами «Теркин» в том виде, в каком его читали солдаты на походных привалах. Ныне «Теркин» по своей популярности может смело соперничать с самыми прославленными книгами мира. Поэма Александра Твардовского вошла в обиход народного чтения, как пушкинские сказки и лермонтовская «Песня про купца Калашникова...», как бессмертный «Конек-Горбунок».

Теперь нельзя не вспомнить о том, что буквально в первые месяцы войны Михаил Шолохов — тогда военный корреспондент — начал работать над эпопеей «Они сражались за Родину», публиковавшейся главами в газете «Правда». Существует крылатая фраза о том, что у нас реки породнились с великими именами. Люди говорят, что Нева — это Пушкин, Днепр — Шевченко, Волга — Максим Горький, а Тихий Дон — это Шолохов. Есть литературный жанр — надписи на полях книги — маргиналии. Поэт Николай Рыленков в стихотворении «Надпись на романе «Тихий Дон» сказал: «Есть вечные глубины в «Тихом Доне», то, что народ наш совестью зовет. Гремит гроза иль ясен небосвод, мы вновь и вновь, забыв дорогам счет, как в первый раз, придем к нему и вот — все мелкое ушло. Душа бездонней. Святая жажда дела — жжет ладони, святая жажда правды — сердце жжет».

Листая периодику тех лет, мы находим материалы, послужившие отправной точкой для создания крупных художественных полотен. В ходе войны громко заявило о себе и новое литературное поколение, печатавшее первые поэтические и прозаические опыты на страницах солдатских газет и других летучих изданий. Памятно, что в сорок пятом году издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник «Солдатская песня» — в нем мы находим имена тех, чьи стихи прочно вошли теперь в сознание как поэзия победы. Едва отгремели пушки, как появилась на свет заново переведенная — труд был начат еще до войны — «Божественная комедия» Данте. О многом говорит этот факт. Недаром в самые тяжелые военные месяцы Бернард Шоу вдохновенно писал: «Когда Россия сокрушит Гитлера, она станет духовным центром мира».

...Седеющий человек взял с витрины книгу, одетую в глянцевый супер, и прочел мне вслух: «Но уж темнеет вечер синий, пора нам в Оперу скорей: там упоительный Россини, Европы баловень — Орфей». Знакомые с детства слова прозвучали с поразительной новизной — человек перелистал любовно книгу и сказал:

— Всегда восхищаюсь Кузьминым и его рисунками к «Онегину»...

В этом признании не было ничего неожиданного — кто не влюблен в знаменитое иллюстрированное издание. Поразительно другое. Разговор происходил в магазине Русской книги, находящемся на Унтер ден Линден в Берлине. Ду-

мал я и о другом. Накануне я побывал в гостях у своего немецкого друга, страстного библиофила, коллекционирующего волшебные сказки и старые эпические сказания. Никогда еще мне не приходилось до этого держать в руках так прекрасно изданных «Нибелунгов». Я восхищался и гравюрами, и буквицами, и бумагой — мы говорили о том, что книга сближает и отдельных людей, и народы.

Пройдут года. Будущее неотделимо от настоящего и прошлого, оно — звено в нескончаемой цепи времен. И мы можем не сомневаться в том, что все, связанное со сражающейся книгой, будет всегда привлекать внимание изучающих нашу эпоху — трудную, трагическую и прекрасную. Нашим верным спутником, боевым товарищем, помощником и соратником всегда была, есть и будет книга — и старая, и новая. Мы знаем, что, входя в книгохранилище, мы попадаем в мир, спасенный дорогой, безмерно дорогой ценой. Напомню то, что завещали нам отцы и деды:

— Будем всегда уважать книгу из-за любви и почтения к человеку!

Книга
И
ЖИЗНЬ

СОВЕТСКОЕ БИБЛИОФИЛЬСТВО

ЧТО ГОВОРЯТ СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ?

Что такое библиофильство? Известный «Лексикон книговедения» И. Кирхнера (Lexikon des Buchwesens, J. Kirchner. Stuttgart, 1952) определяет его как любовь к таким книгам, которые ценятся в качестве объектов собирательства. Библиофил же характеризуется как собиратель книг, ценность которых состоит в их редкости (первые издания), древности (средневековые рукописи, инкунабулы), происхождении из прославленных типографий (издания Альдов, Эльзевиров, Бодони), иллюстрациях, материале (издания на пергаменте, на бумаге тончайшей выделки), формате (фолианты, миниатюрные издания), принадлежности бывшим знаменитым владельцам, или, наконец, в содержании книг. Формально с этим согласуется и данное в Большой Советской Энциклопедии (изд. 3-е. Т. 3, 1970) понимание библиофильства как собирательства редких и ценных изданий. Существенно, однако, то, что здесь к этому добавлена и оценка его значения: личного — в том, что оно способствует духовному развитию самого собирателя, общественного — в том, что благодаря ему возникают и собираются выдающиеся собрания книг и рукописей, по большей части вливающиеся позднее в общественные (национальные) библиотеки.

Несомненно, в этом определении и в этой двойкой оценке верно названы общие, не устаревающие черты библиофильства. Но это, так сказать, общие множители, выносимые за скобку из конкретной формулы библиофильства в разное время и в разных социальных и культурных условиях. Наивно думать, что библиофилы всех времен образуют некое всемирное братство, и в одном строю стоят герцог де Лавальер, и, скажем, Н. П. Смирнов-Сокольский.

Дело в том, что библиофильство есть явление общественное, способное к развитию и изменению. Помимо названных общих компонентов оно имеет и другие, богатые оттенками, но менее устойчивые во времени. В ходе развития одни компоненты библиофильства теряют свое значение или вовсе отмирают, другие зарождаются. Соответственно изменяются роль и общественное значение библиофильства.

БИБЛИОФИЛЫ-СТЯЖАТЕЛИ

Издательство Гюи ле Прат в Париже выпустило в 1970 г. для начинающих собирателей небольшое справочное пособие, посвященное книге и автографу как объектам вложения денежных средств (Michel Vaucaire. Le livre. Valeur de placement, suivi de Patrice Henessy. L'autographe. Valeur de placement). Пособие начинается с советов, как стать библиофилом. Компетентный автор — Мишель Вокер — утверждает: «Покупать книги, которые могут сделать вас образованнее, которые так хорошо идут к вашим стенам и поражают друзей, — уже неплохо, но знать также, что это превосходное помещение денег и что благодаря этому вы можете разбогатеть — еще лучше!» Неправда ли, трудно ярче и выразительнее характеризовать сущность буржуазного библиофильства как *типичного* явления? Разумеется, мы далеки от мысли, что в приведенных словах М. Вокера выражено *profession de foi* всех без исключения библиофилов буржуазного общества!

Не следует думать, однако, что изложенное только что понимание библиофильства — порождение нового времени. Еще в конце прошлого века С. А. Венгеров критиковал тех «библиофилов», любителей книжных редкостей, для которых «самое содержание книги — вещь довольно-таки второстепенная, а главное — переплет, формат, место издания и еще превыше всего — возможность вызвать выражение страдания и зависти на лице другого библиофила» (Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 3. Спб., 1892, с. 72). К этой острой характеристике он добавлял свои наблюдения над коллекционерами-библиофилами. В подавляющем большинстве случаев, утверждал Венгеров, «нет того самого „страстного“ коллекционера, у которого в глубине души не сидела бы надежда перепродать свое собрание во сто раз дороже...» (там же, с. 76).

Итак, подчеркнута эгоистический характер, стремление к наживе — довольно устойчивые черты буржуазного собирательства (в частности, библиофильства): мы наблюдаем их в разные времена и в различных странах.

ПИРКГАЙМЕРОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

Пример принципиально иного рода — деятельность Пиркгаймеровского общества, созданного в ГДР в 1956 г. и названного так в честь выдающегося немецкого гуманиста — библиофила Виллибальда Пиркгаймера (1470—1530). Вот выписка из устава общества: «Цель Пиркгаймеровского общества — поддерживать ценные традиции немецкого книжного искусства, содействовать социалистическому книжному искусству и представлять его. Оно ставит задачей пропаганду красивой и ценной книги прошлого и настоящего среди населения ГДР и углубление знаний по истории и современным проблемам книги».

В этой формулировке на первый план выдвигается одна сторона хорошей книги, а именно эстетическая. Недаром начиная с 1968 г. журнал общества «Marginalien» имеет подзаголовок: «Журнал книжного искусства и библиофилии». Он стал органом не только библиофилов, но и собирателей произведений графики. Такое направление отвечает давней библиофильской традиции, отдававшей предпочтение собиранию иллюстрированных книг и книг в художественных переплетах, а начиная с последней четверти XIX в., — главным образом, под влиянием У. Морриса, — включившей в сферу библиофильской деятельности также содействие выпуску малотиражных, так называемых библиофильских изданий, в лучших из которых участвовали выдающиеся мастера ручного книжного дела, в частности тот же У. Моррис.

Для нас, однако, важно, что в самой формулировке задач Пиркгаймеровского общества личные, эгоистические интересы библиофила не занимают первого места. Оно отведено интересам служения обществу в определенной излюбленной библиофилом области. Это, с нашей точки зрения, существенная характеристическая черта библиофильства в социалистическом обществе. Вот почему один из видных деятелей Пиркгаймеровского общества профессор Хорст Кунце в центр своей статьи «Библиофилия при социализме» («Marginalien», Н. 26, 1967) ставит деятельность Пиркгай-

меровского общества и подчеркивает ее активный характер. Не случайно жюри ежегодных конкурсов «Прекраснейшие книги года в Германской Демократической Республике» систематически возглавляется руководителями общества (профессорами Бруно Кайзером и Хорстом Кунце). Отметим, что в состав жюри привлекаются также художники книги из других социалистических стран. Пропаганда красивой книги, которую общество ведет различными средствами (выставки, конкурсы, журналы), оказывает определенное влияние на художественное оформление книги не только в ГДР, но и в других социалистических странах.

ТРАДИЦИОННЫМ ПУТЕМ

Прослеживая развитие библиофильства в нашей стране после Октябрьской революции, мы обнаруживаем, что на протяжении 20-х годов оно не проявляло еще достаточно полно нового, социалистического характера, хотя годы эти и были отмечены деятельностью Московского Русского общества друзей книги (РОДК) и Ленинградского Общества библиофилов (ЛОБ).

Без сомнения, Пиркгаймеровское общество, возникшее на 30 лет позднее, имеет общие черты со своими предшественниками, в первую очередь — преимущественный интерес к внешности книги. Инициативная группа РОДК (1920), по словам его председателя В. Я. Адарюкова, видела основные цели и задачи Общества в изучении художественного облика книги, разработке приемов для дальнейшего развития книги в художественном отношении и объединении библиофилов, коллекционеров книг и художников — мастеров книги (Берков П. Н. История советского библиофильства (1917—1967). М., 1971. Дальше коротко: ИСБ, с. 89). Декларация основателей ЛОБ (1923) гласила: «Одной из главных задач библиологии является изучение художественных и редких изданий в прошлом и настоящем. Вопрос о внешности книги, в тесной связи со всеми видами графического искусства, объединяет вокруг себя интересы искусствоведов, художников, издателей и любителей книг» (ИСБ, с. 129—130).

Характерно, однако, что один из основателей РОДК — А. А. Сидоров, дополняя сведения П. Н. Беркова в его монографии, указывает, что и теоретическую и практическую деятельность в области искусства книги и ее истории он и

его соратники вели в Государственной академии художественных наук, созданной в Москве «под эгидой Наркомпроса и лично А. В. Луначарского», тогда как «РОДК, с его дружескими еженедельными собраниями в Московском Доме ученых, носило характер «клуба», чуждавшегося дискуссий, зато устраивавшего регулярные выставки, литературные вечера, аукционы, выступления артистов» (Сидоров А. А. Друг книги — советский библиофил. — ИСБ, с. 10—11). Как самое ценное, что удалось совершить РОДК, он называет издание «Домика в Коломне» с оригинальными гравюрами В. А. Фаворского, действительно одно из лучших «библиофильских» изданий тех лет. Конечно, эта изящная книжка, изданная тиражом в 500 экземпляров (впрочем, довольно большим с точки зрения традиций западной библиофилии), сохраняет для нас и сегодня все свое обаяние и прелесть. Но окказало ли ее появление, как и вся предшествующая деятельность РОДК и ЛОБ, непосредственное влияние на культуру изданий советской книги того времени, да и пытались ли эти организации всерьез оказать такое влияние? Возможно, я не прав, но эти организации, столь милые моему библиофильскому сердцу, а такое все же бьется в моей груди, оставались организациями общественно пассивными. Оформление и новое содержание советской книги, общественно-политической, художественной, учебной, массовой, за немногими исключениями, не затрагивало их интересов. Не в этом ли одна из причин того, что жизнь РОДК и ЛОБ прекратилась почти одновременно с прекращением нэпа?

ДИСКУССИИ 20-Х ГОДОВ

Не удивительно, что именно к 20-м годам относятся непрекращающиеся дискуссии о месте библиофильства в советском обществе. Нет нужды входить здесь в известные всем подробности. Достаточно напомнить, что А. М. Ловягин исключал из библиофильства соби́рание книг для удовлетворения любознательности или для научных занятий. Исходя из тех же, по-видимому, позиций, ленинградские антиквары много позже отказывали П. Н. Беркову в звании библиофила, с чем он, естественно, не мог согласиться. Возвращаясь к Ловягину (Ловягин А. М. Основы книговедения. Л., 1926, с. 138), напомним, что он сводил библиофильство к охоте за «раритетами и курьезитетами», объявлял такое соби́рательство «порождением капиталистической эры» и,

вполне последовательно, заключал, что библиофильство прекратится вместе с нею. Напротив, ленинградский библиофил и экслибрисист М. Я. Лерман (и несколько позднее М. Н. Куфаев), используя некоторые высказывания И. П. Павлова, прямо объяснял коллекционерство и, в частности, библиофильство рефлексом цели, выводимым из хватательного рефлекса, т. е. выводил библиофильство из психофизиологической природы человека. Лерман заключал отсюда, что «коллекционерство, как наиболее резкое проявление рефлекса цели, нужно лелеять в себе, как драгоценную часть своего существа» (Труды Ленинградского общества экслибрисистов, 1925, вып. 4, с. 8). В результате библиофильство, лишенное общественного содержания, приобретало вечную и как бы независимую от общественных условий жизнь. Разумеется, я напомнил эти наивные рассуждения не для того, чтобы спорить с ними. Моя цель здесь иная: показать, что содержание библиофильства в значительной степени оставалось традиционным (исключительное внимание к художественной стороне книги, причем, в отличие, например, от Пиркгаймеровского общества, преимущественно к малотиражной книге «для немногих»).

ЗАРОЖДЕНИЕ МАССОВОГО КНИГОЛЮБИЯ

Между тем уже в первые годы революции зарождалось новое, советское книголюбие, вдохновляемое ленинской оценкой той роли в построении коммунизма, которую играет освоение всех культурных богатств, накопленных человечеством. Именно отсюда, из понимания этой решающей роли, проистекало отношение советских людей к книге как к источнику света и знания, великому средству борьбы за новое общество. «...Новые книголюбцы, — писал П. Н. Берков, — коренным образом отличались от прежних библиофилов. Это были в основном рабочие, солдаты, молодые советские служащие, передовая часть крестьянства, — словом, люди, искренне преданные революции. И собирали они не книжные редкости и дорогостоящие русские и иностранные изящные издания, а политические брошюры и книжечки революционных лет, дешевые переиздания классиков, выпускавшиеся Литературно-издательским отделом Народного комиссариата по просвещению, современную революционную беллетристику, печатавшуюся различными издательствами Советов депутатов Москвы, Петрограда и других

городов, произведения выдающихся иностранных авторов, входившие в состав обширного плана издательств, например издательства «Всемирная литература», возникшего по инициативе А. М. Горького... Из этого книголюбия постепенно сложилось современное советское библиофильство» (ИСБ, с. 14—15).

Нет необходимости проследивать здесь этап за этапом становление и развитие советского библиофильства. Эта задача разрешена в книге П. Н. Беркова, к которой мы уже неоднократно обращались в этой статье. Отметим только, что развитие библиофильства в 50—60-е годы (период, завершающий его книгу) П. Н. Берков рассматривает под знаком двух характерных явлений, начало которых относит к первой послевоенной пятiletке. На первом месте он называет «возникновение особого вида полухудожественной, получерковой литературы с библиофильской тематикой, но обращенной к широкой читательской аудитории, а не к узкому кругу библиофилов» (ИСБ, с. 198). Пионерами этой «библиофильской массовой литературы» были Н. П. Смирнов-Сокольский и В. Г. Лидин, начавшие выступать с 1945 г. в газетах и журналах с очерками и рассказами о книгах примечательной и редкой судьбы, а также акад. И. Ю. Крачковский, книга которого «Над арабскими рукописями», вышедшая впервые в том же 1945 г., вызвала исключительный интерес многочисленных читателей к такой, казалось бы, рафинированной теме. Рядом и в связи с этим примечательным явлением, подобного которому не знала еще история библиофильства, П. Н. Берков называет и отчетливую тягу к объединению отдельных разрозненных библиофилов в оформленные научно-общественные организации (ИСБ, с. 199).

ПОСЛЕВОЕННЫЙ РАСЦВЕТ

Названные явления несомненно сыграли определенную роль в расцвете библиофильства у нас в 50—60-е годы. Однако они не смогли бы сами по себе привести к сколько-нибудь значительному развитию библиофильства, если бы не совпали по времени с начальным этапом того взлета науки, техники и культуры, который осознается нами теперь как научно-техническая революция. И в самом деле, колоссальные успехи человеческого разума во всех областях науки, ознаменованные первыми советскими спутниками, расширение человеческих интересов до космических размеров,

триумфальное шествие электронно-вычислительных машин, успехи теории строения вещества и теоретической биологии, по-новому осветившей вековую загадку наследственности, развитие социологии и экономической науки, замечательные лингвистические и археологические открытия — всё это выявило значение интеллектуальной деятельности и интеллектуальных интересов и для настоящего и в особенности для будущего общества с полнотой и убедительностью, неизвестными предшествующим периодам истории человечества. Это не могло не вызвать в самых широких кругах населения нового мощного роста интереса к книге как основному источнику знаний и культуры в стране, избравшей научно-технический прогресс главным инструментом строительства нового общества. Такой рост сопровождался значительным расширением тематики издаваемой у нас оригинальной и переводной современной и классической художественной и научной литературы, изданием собраний сочинений отечественных и зарубежных классиков, почти полностью вытеснивших из букинистических магазинов издания Пантелеева, Маркса, Сойкина, которые в течение десятилетий бойко продавались по высоким ценам, изданием общих и отраслевых энциклопедий и справочников по всем областям знания и культуры, монографий по искусству, новых серийных изданий и новых журналов. И, конечно, тут нельзя не упомянуть общее улучшение материального положения широких масс населения, успехи жилищного строительства, рост свободного времени, распространение технических средств информации, введение всеобщего обязательного восьмилетнего обучения (вместо семилетнего) с 1958 г., общее увеличение числа лиц, получающих полное среднее и высшее образование, развитие народных университетов, в особенности университетов культуры и т. п. Все это, вместе взятое, и определило ту плодотворную почву, на которую падали семена таких сеятелей, как Н. П. Смирнов-Сокольский и В. Г. Лидин и их преемники.

НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ, НОВЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

Тяга советских библиофилов к объединению в оформленные библиофильские организации, которую отмечал П. Н. Берков, проявляется начиная с 50-х годов все сильнее и отчетливее. Поражает и радует растущее разнообразие библиофильских интересов, широта их спектра, в котором,

наряду с традиционными линиями иллюстрированных изданий, первых и прижизненных изданий писателей, книг с автографами, старопечатных книг и рукописей, книг в художественных переплетах, миниатюрных изданий и экслибрисов, появляются и разгораются ярким светом новые линии. Таковы, например, Лениниана, нелегальные революционные издания царской России, книги по искусству, первые и прижизненные издания классиков науки и техники и т. п. Любопытно отметить, что старая библиофильская традиция почти полностью игнорировала не только книги политико-революционного содержания, но и естественные и точные науки. Из области техники и ремесел допускались лишь архитектура как область, пограничная с изобразительным искусством, воздухоплавание, пиротехника, артиллерия и фортификация, а также — без всяких ограничений — кулинария. Своеобразные интересы библиофилов «доброе старое время» очень метко охарактеризовал В. В. Стасов в отзыве о пособии для собирателей русских книг с гравюрами и литографиями В. А. Верещагина «Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720—1870)» (СПб, 1898). «Что за капризный выбор, что за капризный взгляд, что за капризное распределение! — писал Стасов. — Все, что не касается высших классов, их занятий, службы и развлечений и потех, мало привлекает к себе внимание автора» (Стасов В. В. Статьи и заметки. Т. 1. М., 1952, с. 287).

Однако новые явления в библиофильстве последних десятилетий не могут быть сведены только к расширению тематики собирательства, общая тенденция которого — перевес интереса к содержанию книги над интересом к форме. Существенно то, что деятельность современного советского библиофила все реже сводится к одному только собирательству.

Если, например, для библиофилов конца прошлого века, по наблюдению С. А. Венгерова, была превыше всего возможность вызвать выражение зависти на лице другого библиофила, то библиофил социалистического общества ставит превыше всего возможность поделиться с другими радостью познания книги и любования ею, стремится привить другим любовь, которую сам испытывает к книге. Именно это преобладающее чувство заставляет его искать объединения в библиофильских организациях, а различные библиофильские организации заставляет стремиться к вза-

имному общению и сотрудничеству. Поэтому библиофильская деятельность часто включает устные выступления и доклады, а в отдельных наиболее благоприятных случаях — печатные статьи и даже книги, в которых отражены результаты общения с книгой и ее изучения собирателем. Все это значительно обогащает творческое содержание библиофильства. Конечно, активное и целенаправленное собирательство уже само по себе можно рассматривать как творческий процесс, растягивающийся на продолжительное время, может быть на всю жизнь. Теперь оно дополняется другими творческими процессами, в которых не сама книга, а рассказ о ней служат конечной целью.

Самое парадоксальное, на первый взгляд, в современном библиофильстве — то, что любовь к книге в ее высшей форме заставляет иногда отступить на второй план такое неперемное условие библиофильства, как собирательство книг для себя. Вместо этого мы наблюдаем такие явления, когда книги с тем же энтузиазмом собирают для библиотек на общественных началах, призванных бесплатно обслуживать жителей одного дома, квартала, населенного пункта, или когда та же страстная любовь к книге заставляет отдавать свободное время, силы и знания пропаганде и распространению книги.

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СОВЕТСКОЕ БИБЛИОФИЛЬСТВО?

Было бы нелегким делом охарактеризовать все многообразие объединений библиофилов, друзей и любителей книги в нашей стране. Рядом с кружками, секциями и клубами, действующими при предприятиях и учреждениях, учебных заведениях, Домах ученых, писателей, клубах работников искусств, библиотеках, Дворцах и Домах пионеров и школьников, должны быть названы также клубы, организуемые при книжных магазинах и среди них такие самобытные, как, например, клуб «Эврика» при Доме научно-технической книги или клуб книголюбов при Доме военной книги — оба в Москве. Объединение книголюбов нового типа — народный книготорг Ярославского моторного завода, распространяющий многие сотни тысяч книг на самом предприятии и в рабочих поселках (см. статью Г. Мартиросяна «Общество любителей книги» в журнале «В мире книг», 1974, № 3). Нет сомнения в том, что теперь, с созданием Всесоюзного добровольного общества любителей кни-

ги активность книголюбов многократно возрастет. И все же можно ли все массовое движение книголюбов с его замечательным настоящим и прекрасными видами на будущее приравнять к библиофильству, относить его успехи на счет библиофильства? Полагаю, что нет. Мы уже приводили выше суждение П. Н. Беркова, которое считаем вполне справедливым, что современное советское библиофильство постепенно сложилось из книголюбия, определившего свой особенный, советский характер уже в первые годы после Октябрьской революции. К этому можно добавить, что оно продолжает расти и наполняться новым содержанием вместе с ростом книголюбия в целом, составляя сильную, не теряющую свойственных ей красок, струю в общем течении. Каковы же эти краски, каковы же эти черты, позволяющие различить библиофильство в книголюбии и сохранять за ним традиционное наименование при меняющемся содержании?

Не пытаясь исчерпать предмет, мы выдвигаем две важные черты библиофильства, тесно между собой связанные. Первая черта, выделяющая библиофила из всей массы любителей и друзей книги, — то, что он, отдавая должное содержанию книги, которое, по сути дела, можно представить себе отвлеченным, абстрагированным от самой книги как вещи и, скажем, отображенным на экране, ценит книгу также как предмет материальной культуры, как вещь, сделанную многими умными и заботливыми руками по законам технологии и искусства книжного производства. Он умеет видеть и ценить мастерство бумажников, изготовивших для книги именно данную, а не иную бумагу, с ее цветом, фактурой и плотностью, художников, создавших рисунок шрифта, и мастеров, этот шрифт изготовивших, искусство, с которым произведен набор и верстка, качество типографской краски, пропорции зеркала шрифта и полей, буквицы, заставки и концовки, книжные иллюстрации и то, как они сочетаются с текстом, рисунок обложки и переплет со всеми его элементами. А кроме того, ему не безразлично, когда, где и кем была издана книга, как соотносится это издание с другими изданиями того же произведения, и — если эта книга была в употреблении — в чьих руках побывал этот экземпляр. Конечно, не всегда эта программа полностью осознается и целиком выполняется библиофилом. Но нельзя назвать человека библиофилом, если ни один из перечисленных элементов его не привлекает и не может служить

для него источником живой радости или столь же непосредственного огорчения. Другая, столь же существенная и связанная с первой черта — то, что, соединяя в себе двоякую любовь к книге как к произведению проникновенной мысли и вдохновенных рук, библиофил стремится окружить себя книгами и в быту, у себя дома и при этом оберегает их от преждевременного увядания, как оберегают нежные и хрупкие цветы. Какое счастье, что книга не вянет, как цветок, и может сохранять свой облик свежим и прекрасным на протяжении многих десятилетий и даже столетий! И если в музеях и отделах редких книг государственных библиотек и книгохранилищ нашей страны и других стран мира мы можем наслаждаться книгами прошлых веков, в том виде, в каком они впервые вышли из рук мастера, то в этом важная заслуга перед обществом многих поколений библиофилов, сохранивших эти книги для нас.

Очень хорошо, конечно, если, собирая и оберегая книги, библиофил может еще рассказывать, что ему удалось открыть в них, и передавать свою любовь к книге другим людям. Но это дается не всем и не рассматривается нами как непременная черта библиофильства.

Итак, в общей сокровищнице культурных богатств, созданных человечеством, мы, строители первого в истории социалистического общества, унаследовали библиофильство как пылкую и бескорыстную любовь к книге, любовь, очищенную от всего постороннего и наносного, что порой пришивалось к ней в прошлом. По мере того, как будет расти свободное время человека, которое во все большей степени будет посвящаться всестороннему физическому, интеллектуальному и нравственному развитию наших людей, по мере этого будут расти и совершенствоваться наиболее высокие и благородные чувства и привязанности человека и среди них, конечно, любовь и привязанность к книге. Вот почему библиофильству, которое уже сумело приобрести у нас новый, социалистический облик, суждено счастливое будущее!

Виктор Утков

ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

«СУРОВЕЖИНСКИЕ ЧЕТВЕРГИ»

На набережной Яузы, речки малой, но прославленной началом великих дел Петра, неподалеку от бывшей Немецкой слободы, стоит большой многоэтажный дом. Он растянулся почти на полкилометра. Население дома — несколько тысяч человек. Не дом, а целый городок! Но не многолюдием своим он известен в Москве...

Каждый четверг, вечерами, вот уже около 20 лет к этому дому со всех концов столицы едут люди, чтобы провести здесь два-три часа, окунуться в любезную их сердцам атмосферу книголюбия. Приходят они в квартиру Суровежиных — Николая Ивановича и Натальи Алексеевны...

Двери квартиры Суровежиных по четвергам открыты для каждого, кому дорога книга, кто хочет познакомиться с редкими изданиями, книжными новинками, с замыслами писателей, находкой коллекционера, отметить юбилей писателя или книги, послушать рассказ бывалого человека, вернувшегося из интересной поездки. Эти вечерние собрания называют по имени их хозяев — «суровежинскими четвергами». Состоялось уже более 900 таких «четвергов», на них побывало около 15 тысяч человек, самых различных профессий, возрастов — писатели и журналисты, художники и музыканты, книготорговцы и библиотекари, рабочие фабрик и заводов, полиграфисты и издатели, коллекционеры, краеведы, школьники, пенсионеры...

Хозяева ведут «Дневник» «четвергов». Вот, например, записи, сделанные в апреле 1973 г.:

854 четверг. 5 апреля

С. В. Рахманинов. 100-летие со дня рождения.

А. И. Герцен. Литература, вышедшая в России в 1912 году к 100-летию со дня рождения А. И. Герцена.

Обзор новинок.
Присутствовало — 21 человек.

855 четверг. 12 апреля

А. Н. Островский. 150 лет со дня рождения.
Демьян Бедный. 90 лет со дня рождения.
День космонавта.
Обзор новинок.
Присутствовало — 21 чел.

856 четверг. 19 апреля

«Новодевичий монастырь — пантеон русской славы». Сообщение московского краеведа Я. А. Грибкова с демонстрацией фотографий.
Ф. П. Толстой. 100 лет со дня смерти, жизнь и творчество. Доклад преподавателя Московского городского пединститута Н. Козловой.
Обзор новинок.
Присутствовало — 26 чел.

857 четверг. 26 апреля

Ярослав Гашек. 90 лет со дня рождения. Чтение избранных юморесок Я. Гашека.
Обзор новинок.
Присутствовало — 16 чел.

Основа «четвергов» — книжное собрание Н. И. Суворежина, около 20 тысяч томов. Собрание напоминает богатейшую рудную залежь, из которой ее хозяин щедро черпает сокровища. Пласт за пластом собрание отражает интересы, которые владели и владеют Суворежиным, его духовный мир. К каждому «четвергу» Суворежин готовится заранее, подбирает книги, иллюстрации, оповещает постоянных посетителей «четвергов» о теме очередного. На большом стенде, установленном в комнате, Суворежин устраивает тематическую выставку. А так как собрание Суворежина поистине уникально, то всегда находятся в нем интересные книги, редкие иллюстрации, первоиздания и т. п. Так, на 854-м «четверге» были продемонстрированы собравшимся русские газеты и журналы, отметившие в марте 1912 г. 100-летие со дня рождения А. И. Герцена. Герцен — давняя любовь печатателя, в библиотеке Суворежина — богатый подбор печатных материалов, посвященных Искандеру. На 855-м «четверге» собравшиеся познакомились с редкими первоизданиями произведений Демьяна Бедного, с его автографами на книгах, услышали рассказ о его богатейшей библиотеке, которая сейчас находится в фондах Государственного литературного музея, познакомились с библиофильским обликом поэта. На 856-м «четверге» участники его увидели прекрасную подборку силуэтных рисунков Ф. П. Толстого,

мастерски передающих эпоху. На 857-м «четверге» Суровежин продемонстрировал подборку изданий «Похождения храброго солдата Швейка» и других произведений Я. Гашека, выпущенных в нашей стране.

«Четверги» проходят по-домашнему. Участники их расаживаются за длинным столом, Наталья Алексеевна с помощью кого-либо из гостей готовит чай. Беседа идет живо и непринужденно. Стол накрыт скатертью, на которой вышиты гладью подписи участников «четвергов». Скатерть появилась недавно, но на ней уже более 500 автографов...

Двадцать тысяч томов закрывают все стены в комнате, в коридоре, перебрались даже на кухню. Новому человеку поначалу собрание кажется хаотическим нагромождением книг, в котором невозможно разобраться. Однако стоит присмотреться, как замечаешь строгий порядок — квадраты, в которых размещены книги, пронумерованы, каждая книга обернута бумагой, на корешке написано название. Хозяин собрания находит любую книгу сразу же, как только она понадобится... И за 900 «четвергов» едва ли не каждая книга побывала в руках Суровежина и его гостей. Собрание не похоже на мертвое хранилище, где книги тихо стареют в бездействии, в забвении...

В собрании — отличный подбор первоизданий и редких изданий советских писателей и поэтов. Известный литературовед И. С. Зильберштейн, увидев у Суровежина свою книгу «Репин и Тургенев», выпущенную тиражом 3000 экз. в 1945 г., делает на ней надпись: «Николаю Ивановичу Суровежину, владельцу гигантской библиотеки. Рад, что эта, — ныне весьма редкая, книга попала именно к Вам. 24 апреля 1970 года. И. Зильберштейн». Поэтесса Вероника Тушнова, обрадованная тем, что у Суровежина имеется ее «Первая книга», изданная в 1945 г. и давно ставшая редкостью, написала на экземпляре хозяина собрания: «Николай Иванович! Очень тронута тем, что Вы храните такую древность — первую мою книгу. 30 июня 1964 года. Вероника Тушнова». Нередко сами авторы не имеют тех книг, которые сохранил Суровежин, и обращаются к нему за помощью.

Интересен для историков печати раздел, в котором собраны книги, выпущенные в нашей стране в военные годы. Много в собрании книг, посвященных Москве и Подмосковию. Есть в собрании книги с автографами писателей — Андрея Белого, Демьяна Бедного, А. Новикова-Прибоя, М. Азадовского и других дореволюционных и современных

писателей. Многие книги (их до 500) имеют дарственные надписи — память о встречах Суровежина с писателями, художниками, поэтами — И. Эренбургом, С. Михалковым, А. Яшиным, Н. Рыленковым, О. Берггольц, Б. Ефимовым, Н. Кузьминым, В. Боковым, М. Луконым и другими. Есть и подлинные раритеты — среди них не только издания XVIII и начала XIX в., но и редкие книги первых лет Советской власти...

Книжное собрание Н. И. Суровежина подобно громадному дереву, чьи ветви широко и могуче раскинулись во все стороны. И так же, как дерево вырастает из маленького семечка, так и собрание Суровежина началось с одной книги, любовь к которой не исчезла с десятилетиями, а только крепла год от году и помогла создать своего рода ядро всей библиотеки — необыкновеннейшее, не имеющее себе подобных собрание одной единственной книги.

Книга эта — «Конёк-Горбунок» П. П. Ершова...

«ЖАРОПТИЦЕВО ПЕРО»

Когда будущему библиофилу исполнилось одиннадцать лет, его бабушка Александра Романова, крестьянка из подмосковного села Очаково, бывшая крепостная, подарила ему копеечную книжку — сказку Ершова. Сказка не была новой для внука — бабушка рассказывала ее не раз. Да и внук почти всю ее помнил. Однако именно эта дареная книжка чуть их не рассорила. Внук, прочитав сказку, решил, что бабушка рассказывает ее неверно. Бабушка говорила: «И с телегою пустой возвращались домой», а в книжке было напечатано: «И с набитою сумой возвращались домой». Бабушка говорила: «Но конька не отдавай ни за яхонт, ни за злато, ни за царскую палату», а внук же читал в книжке — «...ни за пояс, ни за шапку, ни за черную, слышь, бабку». Были и другие несовпадения. Внук, веря больше печатному слову, заявил при всех домашних, что бабушка не знает сказки. Та обиделась... Только много лет спустя Суровежин понял, что спорить было не из-за чего — просто бабушка запомнила текст сказки первого издания, а внуку подарила книжку, в которой был напечатан текст четвертого издания, в которое сам Ершов внес некоторые поправки...

Необыкновенная сказка Ершова, поистине поэтическое чудо, в то время была широко распространена в народе, бы-

товала в устных пересказах, ходила по рукам в списках, была близка народу всем своим сказочным ладом, языком, оптимистичным финалом. Эта поразительная, не стареющая уже второе столетие сказка и положила начало книжному собранию Н. И. Суровежина. Более того, с тех пор сказка Ершова сопутствовала семье Суровежиных на всем ее житейском пути. Бабушкин дар приобрел характер некоего символа, определяющего отношение Н. И. Суровежина к житейским перипетиям...

Жили Суровежины трудно. Семья ютилась в девятиметровой каморке, в страшной тесноте. Наталья Алексеевна вспоминает — дело прошлое — в доме порой не хватало денег на хлеб, на картошку. Росли дети — их у Суровежиных трое, надо было их учить, одевать, кормить, бюджет семьи был сжат до предела, однако на книгу всегда находились деньги. Когда разговоришь Суровежиных и они начинают вспоминать о своем житье-бытье в старом доме на 2-ой Мещанской, пережитые трудности окрашиваются доброй иронией, нет в их рассказах ни ожесточения от несправедливых порой испытаний, ни зависти к более удачливым соседям, ни горечи от незаслуженных обид. Кажется, не так уж и трудно было... В таком отношении к испытаниям и трудностям есть что-то от неиссякаемого оптимизма русской сказки...

— Порой казалось все в черном свете, как на краю черной ямы стоишь, вот-вот рухнешь в нее... — говорит Николай Иванович. — А возьмешь в руки «Конька», окунешься в волшебную музыку его стихов, побеседуешь с Иванушкой и с его другом — глядишь, впереди огонек засветился, как жароптицево перо... Стряхнешь с себя мерехлюндию и скажешь жене: «Не горюй, Алексеевна, все образуется»... И посветлеет все вокруг...

Суровежин словно подобрал в начале жизненной дороги волшебное перо Жар-птицы, о котором Горбунок предупреждал Ивана:

Но для счастья своего
Не бери себе его,
Много, много непокою
Принесет оно с собою...

Как и сказочный герой, юноша Суровежин не побоялся поднять жароптицево волшебное перо — любовь к книге. Непокойная жизнь ожидала его...

ИСТОКИ

Любовь к книге не возникает на пустом месте. Библиофильство всегда имеет корни в биографии самого собирателя. Нельзя полюбить книгу случайно, стать подлинным книголюбом, следуя только моде, поветрию, из тщеславия или подражания, хотя и подражание, достойный пример, нередко может привести человека к библиофилии, как бы проявить дремавшие до этого силы и склонности...

Кажется, ничто в детские годы не предвещало Суровежину библиофильской судьбы. В семье — тринадцать детей, на пятерых одни ботинки. Мать — москвичка-белощвейка, отец — выходец из Ярославской губернии, пришедший в столицу на заработки. До книг ли тут, когда и на хлеб досыта порой не хватало?! И все же именно в детских годах, в семейном окружении нужно искать истоки будущего библиофильства Н. И. Суровежина.

Отец его, Иван Афанасьевич, был человеком незаурядным, непокорным и беспокойным. Он рано ушел из родной деревни — Захарьино, Угличского уезда, — на заработки в Москву, с трудом выбился из-под власти отца, сурового и жестокого человека, и, наверное, сгинул бы в бродягах, если бы не встреча с земляком — поэтом И. З. Суриковым. Сошлись они на песне — очень уж хорошо пел русские песни Иван Суровежин. Суриков приспособил земляка к делу — торговать углем и приохотил к чтению. Поэт-самоучка Суриков знал цену образованию, не один раз он беседовал с юным земляком, который учился «у дьячка за меру картошки», о силе книги, о могуществе разума. В то время для человека из «низов» был только один путь к знанию — книга, самообразование... Кто знает, может быть и встал бы на иную дорогу Иван Суровежин, да умер в 1880 г. Суриков, когда его подопечному было всего двадцать лет... Снова начались скитания. Непокорный характер мешал Ивану Суровежину закрепиться на одном месте. Беспокойный правдолюбец, человек, одержимый поисками смысла жизни, он сменил много профессий, объехал почти всю Россию, побывал за рубежом. Во Францию он попал, нанявшись кочегаром на грузовое судно, в Китае он очутился на пути в Тибет, к далай-ламе, у которого надеялся решить ряд важных вопросов, касающихся смысла жизни, в Японию приехал «кухонным мужиком» на пароходе и пытался добиться свидания с микадо для обсуждения тех же «проклятых

вопросов». Из Франции его выдворили, в Китае избили буддийские монахи, заподозрив в нем конкурента, а японцы отправили его в Россию под конвоем, приняв за шпиона... В поисках правды у Ивана Суroveжина не последнее место занимала *Книга*, та таинственная, скрытая за семью печатями, легендарная *Книга*, в которой написано про все... Не обрета ни счастья, ни покоя, не найдя той правды, которую искал, причинив немало хлопот и огорчений своей семье, пришел он к концу своего житейского пути... Он умер в мае 1917 г.

От отца и досталась юному Суroveжину вера в могущество Книги как воплощения разума, бескорыстная, всепоглощающая любовь к ней, стремление к знанию... Но учиться не пришлось, едва только он подрос, пришлось зарабатывать на хлеб.

И вот здесь-то был сделан шаг, который определил его судьбу. Был Суroveжин рослым, сильным и ловким мальчиком, знал грамоту, его взяли бы на завод, на фабрику, в любую лавку. Но ни на одну из этих дорог мальчик не вступил. Он выбрал другую, казалось, менее выгодную — стал работать у Сытина, торговать книгами вразнос. Может быть, и сам еще не сознавая, он тянулся к книге.

Работа у Сытина была нелегкой, требовались дополнительные расходы на обувь, на платье — разносчик все время на ногах, у неряхи не купят книгу... Но любовь к книге подобна любви моряка к морю. Безбрежный океан книг влечет к себе, манит новыми открытиями, поисками сокровищ, неожиданными встречами. Пустившись раз в плаванье по книжным морям, Суroveжин уже не мог остановиться. Книга взяла его в плен, люди книги — старые букинисты, короли книжных развалов у Китайгородской стены, сундучники с Сухарева рынка, странники-офени — не похожий ни на что мир — принял его в свой колдовской круг. С первого шага, сделанного с холщевой сумкой, выданной в конторе Сытина на Пятницкой, и по сей день он верноподданно и бескорыстно служит книге...

Малограмотный мальчик, решительно вступивший на книжную тропу, идя по ней всю жизнь, стал специалистом высокого класса — до ухода на пенсию Суroveжин возглавлял отдел всесоюзной книготорговой организации. За эти годы он приобрел ту особую интуицию книжника-профессионала, которую не могут воспитать никакие учебные заведения и которая дается только многими годами тесного

общения с книгой, которая позволяет опытному книжнику, взяв книгу в руки, безошибочно определить ее истинную ценность.

Это и помогло ему поймать свою Жар-птицу, создать подлинное библиофильское сокровище.

«КНИЖНАЯ ПАЛАТА КОНЬКА-ГОРБУНКА»

Простое перечисление изданий сказки П. П. Ершова, собранных за шестьдесят лет Суroveжиным, заняло бы не одну страницу. Собрание почти исчерпывающе характеризует книжную судьбу сказки, от ее появления в третьем томе журнала «Библиотека для чтения» за 1834 г. и до наших дней. Недаром порой Суroveжин называет свое собрание «Книжная палата Конька-Горбунка»...

Собрание создавалось не легко. Сказка Ершова быстро стала любимым произведением детей, а детские книжки сохраняются, как правило, плохо, юные хозяева чаще всего зачитывают их до дыр. Это крайне затрудняло поиски экз

земпляров сказки. За шестьдесят лет Суroveжину удалось все же собрать более ста различных изданий «Конька-Горбунка».

Отдельные экземпляры собрания представляют собой подлинные редкости. К ним, несомненно, нужно отнести первое издание сказки Ершова — тоненькую книжку с многоточиями цензурных купюр. Вышла она в 1834 г. в Петербурге и продавалась в лавке А. Смирдина. По свидетельству современников, она была распродана чуть ли не в один день. Еще бóльшая редкость — второе издание «Конька-Горбунка», выпущенное в 1840 г. московским книгопродавцем К. И. Шамовым, — небольшого формата с удивительно четкой мелкой

П. Ершов. «Конек-Горбунко»,
изданный в 1958 г. в Варшаве.
Художник Я. М. Швангер

печатью, просто и изящно оформленная. К редкостям можно отнести и экземпляры сказки Ершова, увидевшие свет в XIX и начале XX в., а также первые советские издания «Конька-Горбунка». И они имеются у Суровежина.

Наиболее часто экземпляры сказки попадали в его руки от друзей и знакомых, а иногда и от людей, только слышавших о московском собирателе. Большую помощь оказали Суровежину московские букинисты и среди них такие знатоки книги, как А. С. Бурдейнюк, А. Г. Миронов, В. Н. Алексеев. Букинисты помогли Суровежину приобрести издание «Конька-Горбунка», вышедшее в 1922 г. в Берлине на русском языке с красочными иллюстрациями Георга Шлихта. Подобное издание на немецком языке у Суровежина уже имелось. Находка букинистов помогла уточнить, что издательство Отто Кирхнера одновременно выпустило два издания сказки Ершова, одинаковые по оформлению — на русском и немецком языках. Друзья-букинисты нашли для Суровежина итальянское издание «Конька-Горбунка», вышедшее в Риме с оригинальными, выполненными в гротесковой манере, рисунками художника Джулиано Мажжиоре. Сказка Ершова переведена на итальянский язык прозой. Через букинистические магазины были приобретены и многие другие издания «Конька-Горбунка». Друзья и знакомые Суровежина, уезжая в командировки, всегда получали напутствие — привести экземпляр сказки Ершова, и многие выполняли этот наказ. Так появился в собрании «Конек-Горбунок», выпущенный в Ташкенте, Киеве, Минске, Свердловске, Омске, Хабаровске и в других городах страны.

Собрание изданий «Конька-Горбунка», охватывающее период с 1834 г. по наши дни, т. е. за 140 лет, ценно само по себе, как яркое свидетельство неувядаемой популярности

Иллюстрация
к «Коньку-Горбунку»,
изданному в 1949 г. в Италии.
Художник Джулиано Мажжиоре

*П. Ершов. «Конек-Горбунук»,
изданный в Японии.
Художник Нагаи Томоцу*

*П. Ершов. «Конек-Горбунук»,
изданный в 1959 г. в Калуге.
Художник Н. А. Ращектаев*

сказки Ершова. Представляет оно ценность и для историков книги, полиграфистов и особенно для художников-иллюстраторов.

До революции иллюстрировали сказку Ершова всего три художника (не считая различного рода ремесленных поделок) — Р. Жуковский (1856 г.), Е. Самокиш-Судковская (1902 г.) и А. Афанасьев (1913 г.).

Иную картину мы видим в нашей стране после 1917 г. Первое и второе советские издания сказки Ершова вышли в 1920 и 1923 гг. с иллюстрациями А. Афанасьева. В середине 1920-х годов появляются первые оригинальные иллюстрации к сказке советских художников: В. Конашевича (красочные) и Т. Глебовой (выполненные в скупой графической манере). Начиная с конца 1930-х годов и далее наблюдается своего рода «иллюстративный взрыв» — сказку Ершова иллюстрирует множество художников в Москве, Ленинграде, Куйбышеве, Омске, Свердловске, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Ташкенте, Горьком, Воронеже, Хабаровске, Калуге и других городах. Выпускается много подборок иллюстраций к «Коньку-Горбунку», детские альбомы для раскраски с рисунками разных художников на темы «Конька-Горбунка», на экраны выходит рисованный

мультфильм по сказке Ершова и т. д. Этот необыкновенный интерес художников к сказке Ершова не мог оставаться незамеченным. В книге В. В. Пахомова («Книжное искусство». Т. 2. М., 1962) делается первая попытка обобщить обильный материал по иллюстрированию «Конька-Горбунка», как отечественный, так и зарубежный. Но с тех пор появилось немало новых иллюстраций...

И вот, когда рассматриваешь у Суровежина издание за изданием «Конька-Горбунка», отечественные и зарубежные, дореволюционные и современные, поражаешься обилию и разнообразию трактовок основных образов сказки. До революции чаще всего сказка

*П. Ершов. «Конек-Горбунок»,
изданный в 1959 г. в Хабаровске.
Художник В. В. Васильев*

Ершова издавалась с иллюстрациями Р. Жуковского, гравированными на дереве Л. Серяковым. Эти иллюстрации заслуженно пользовались успехом — они динамичны и полны реальных подробностей. Последнее издание сказки с этими иллюстрациями вышло в 1917 г. До революции же наметились и две другие трактовки сказки художниками: Е. Самокиш-Судковской — слащаво-сусальная и А. Афанасьева — нарочито карикатурная. Наибольшее разнообразие художнического понимания сказки Ершова мы находим в советских изданиях. Однако нельзя сказать, что все иллюстрации наших дней хорошо выражают существо «Конька-Горбунка». Знакомясь у Суровежина с многочисленными изданиями сказки, мы находим среди них исполненные в реалистической манере, приятные для глаза по цветовой гамме рисунки Н. Кочергина и не совсем правомерную попытку выразить действие сказки современными стилизованными средствами в иллюстрациях В. Андриевича и Б. Маркевича (1968 г.); совершенно чуждые духу сказки литографии Н. Розенфельда (1934 г.) и удачные рисунки Ю. Васнецова, по-сказочному романтичные и яркие.

По собранию Суroveжина можно проследить, как менялось со временем толкование художниками сказки Ершова, ее персонажей, видно, каких успехов в иллюстрировании «Конька-Горбунка» добились художники нашего времени. Недаром у Суroveжина любят бывать иллюстраторы книг. Однажды к нему пришла даже целая делегация из издательства «Художественная литература» во главе с художником К. М. Буровым. Они намеревались за полчаса просмотреть издания и решить, с какими рисунками лучше выпустить очередное издание сказки. Они пробыли у Суroveжина более четырех часов, просмотрели множество иллюстраций, жестоко поспорили друг с другом, но так и не смогли решить, какой художник в своих рисунках наиболее точно выразил существо сказки Ершова...

Отдельный раздел собрания посвящен изданиям сказки Ершова в переводах на языки народов СССР: украинский, белорусский, узбекский, латышский, эстонский, азербайджанский, молдавский, туркменский, татарский, кабардинский, чувашский, марийский. Есть в собрании и зарубежные издания «Конька-Горбунка», выпущенные в Варшаве, Праге, Братиславе, Париже, Берлине, Лондоне, Риме, Токио — на польском, чешском, словацком, французском, немецком, английском, итальянском, японском языках, а также зарубежные издания сказки на русском языке...

«Конек-Горбунок» Ершова вызвал множество подражаний и подделок. Учесть их полностью сейчас не представляется возможным. Просмотр книготорговых каталогов и других библиографических материалов позволил установить, что только с конца 1860-х годов по 1900 г. в России вышло более 60 подобных изданий. Сама сказка Ершова за эти же годы была выпущена всего 14 раз! В собрании Суroveжина отражена и эта сторона «биографии», если можно так сказать, ершовского «Конька-Горбунка». Ему удалось достать прекрасно сохранившийся экземпляр «Нового подражания сказке П. Ершова», изданного в 1878 г. известным книгопродавцем, выпускавшим лубочную литературу, — Манухиным. От сказки Ершова в этом издании осталось только название и персонажи, дубовые вирши прославляют царя и богатеев. Есть у Суroveжина и первое издание «Конька-Скакунка» (1906 г.) С. Басова-Верхоянцева, революционного памфлета, который, по словам В. Д. Бонч-Бруевича, высоко ценил В. И. Ленин. В связи с этим изданием следует рассказать еще об одном раритете собрания Суroveжина —

полицейском издании «Новый «Конек-Скакунок»» (1907 г.), редчайшей книге, которую подарил Суroveжину известный московский букинист Н. А. Старицын. Эту махрово-черносо-тенную по своему содержанию книжонку царские власти пытались противопоставить популярности сказки Ершова и памфлета Басова-Верхоянцава. Ничего из этой затеи, конечно, не получилось, кроме чудовищной путаницы для нижних полицейских чинов, обязанных вылавливать крамольную сказку...

Много времени и сил отдал Суroveжин собиранию изданий сказки Ершова, многие люди бескорыстно помогали ему в этом... Но собрание Суroveжина, посвященное «Коньку-Горбунку», включает в себя не только книги.

ЧУДНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Сказка Ершова удивительно богата различными, неожиданными порой превращениями. Вскоре после ее появления в печати, уже в начале 1840-х годов, множатся рукописные варианты «Конька-Горбунка», бытующие в городах и селениях России. Затем, еще при жизни автора сказки, на сцене петербургского Мариинского театра ставится балет «Конек-Горбунок», или «Царь-девица» (1864 г.), а предприимчивый лубочный издатель приспособливает сказку Ершова к популярной в то время народной игре и выпускает тиражом 2400 экз. книжку «Новая увеселительная игра Конек-Горбунок, с приложением марок, фишек, игровой кости и плана» (М., 1866, тип. Орлова).

Чем ближе к нашему времени, тем все многообразнее становятся превращения сказки Ершова... Собрание Суroveжина хорошо раскрывает эту сторону судьбы «Конька-Горбунка».

Более двух десятков папок заполнены газетными и журнальными вырезками, описаниями различных театральных постановок, иллюстративными материалами, связанными со сказкой и ее автором. Среди этих разнообразных свидетельств давнего и глубокого проникновения сказки Ершова в жизнь нашего народа мы встречаем либретто и рецензии на постановки балета «Конек-Горбунок», отзывы о кинофильмах на тему сказки Ершова, снимки новых быстроходных глиссеров и мотороллеров, которым конструкторы дали имя «Конька-Горбунка», статьи о балете на льду «Конек-Горбунок» и о феерическом цирковом представлении на сю-

жет сказки Ершова, репродукцию шкатулки палехского художника А. Берунова с красочными миниатюрами, рисующими эпизоды сказки, марки и почтовые конверты, открытки и конфеточные обертки с рисунками на сюжеты сказки Ершова и т. д. и т. п.

Есть в собрании профессиональные и народные (Гжель) скульптуры на темы сказки, бытовые предметы и сувениры, в которых так или иначе отразилась сказка Ершова и ее персонажи.

Пополнение этой части собрания порой сопровождалось трагикомическими эпизодами. Впрочем, только сейчас эти эпизоды окрашиваются в комические оттенки, в свое время они казались иными... Вот хотя бы история приобретения Суровежиным скульптурной группы В. Орлова «Чудо-кони» и «Иванушка верхом на Горбунке» из цветного глазированного фарфора. Как-то скопили Суровежины деньги на новый костюм Николаю Ивановичу. Настал день, и глава семьи, напутствуемый наставлениями Натальи Алексеевны, отправился в универмаг. Он шел с твердым намерением купить костюм, но по пути заглянул в магазин сувениров, что в Столешниковом переулке, а там, как на грех, в тот день была выставлена скульптурная группа В. Орлова. Стоимость ее как раз укладывалась в сумму, которая лежала в кармане у Николая Ивановича... Словом, вернулся он домой в старом костюме, но с огромным тяжелым свертком в руках, в котором была тщательно упакованная скульптурная группа. Тут, как принято было говорить в старину, мы опускаем занавес... Наталья Алексеевна и сейчас не очень охотно вспоминает об этом случае...

Порой странное чувство охватывает человека, знакомящегося с этой удивительной коллекцией,— подобно «машине времени» она то уносит в прошлое, то ставит на грань будущего. Вот я держу в руке небольшую конфетную обертку — «фантик», как говорят дети, на которой изображен Иванушка верхом на Горбунке, летящий к месяцу. На обертке напечатано с буквой ять, с твердым знаком — «Карамель «Конек-Горбунок», торгового дома Г. и Е. Леоновых, Лубянский проезд...» И вот — другое: вырезка из газеты «Правда» со стихами С. Я. Маршака, посвященными «сказке дедушки Ершова», крестьянскому сыну Иванушке, который мчится на быстроногом Горбунке к месяцу:

А теперь не в сказке детской
И не в смутном сне

Гордый вымпел наш советский
Рдеет на Луне¹

Поразительная судьба сказки П. Ершова встает в экспонатах собрания Н. И. Суровежина. Для «Конька-Горбунка» словно нет никаких преград, никаких границ. Его любят и понимают во многих странах, он проникает всюду — в искусство, в быт, в нашу повседневность. Даже в таких, кажется, совсем уж несовместимых со сказкой проявлениях современной жизни, как наука, авиация, космонавтика, мы нередко сталкиваемся с «Коньком-Горбунком» Ершова, с персонажами сказки...

«Конек-Горбунок» был любимой сказкой К. Э. Циолковского, и сытинское издание сказки Ершова всегда лежало на его столике у кровати. Академик С. И. Вавилов в книге «О «теплом» и «холодном» свете» для главы ««Холодный свет» и люминесценция» эпиграфом взял известные строки из «Конька-Горбунка» о пере Жар-птицы — «чудо-огоньке», который «светит поле словно днем», но «не греет, не дымится». Первый советский самолет сельскохозяйственной авиации носил имя «Конек-Горбунок» и в 1920-х годах успешно помогал землеробам бороться за урожай. Добрые труженики — вертолеты, бороздящие небо над родиной автора сказки, получили от изыскателей и нефтяников в западносибирской тайге имя Горбунков... Пришелся по душе Горбунок и нашим космонавтам — рассказывая о своих полетах, они нередко обращаются к образу волшебного конька:

Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал!

Собрание Н. И. Суровежина ярко раскрывает изумительную судьбу неувядаемого шедевра П. П. Ершова, удивительное проникновение сказки о крестьянском сыне Иванушке и другие его Коньке-Горбунке в самую толщу народной жизни...

СОКРОВИЩА БИБЛИОФИЛИИ

Книжное собрание Н. И. Суровежина широко известно в нашей стране, он получает много писем из разных городов и селений с просьбой поделиться своим библиофильским опытом, посоветовать, как лучше организовать библиотеку,

¹ «Правда», 1959 г., 15 сент.

что собирать и т. д. Нередки и неожиданные посещения квартиры Суровежиных, совсем незнакомые люди находят дорогу в дом на берегу Яузы. К Суровежиным приходят и приезжают целые коллективы. Так, побывали у него сотрудники центрального сельскохозяйственного издательства — сразу пришло тридцать человек, с трудом они разместились в комнате и стали участниками внеочередного «четверга» (хотя и был вторник), посвященного сказке Ершова. Недавно к Суровежину пожаловали гости из села Спас-Заулок Клинского района — двадцать семь школьников шестых и седьмых классов приехали в «Книжную палату Конька-Горбунка» на специальном автобусе за сто с лишним километров. Более четырех часов они беседовали с хозяином собрания. Говорили о многом, но главной темой была Книга, ее роль и значение в жизни человека, особенно молодого, стоящего на пороге самостоятельного житейского пути. Обе стороны остались довольны друг другом и договорились повторить встречу, на этот раз уже в Спас-Заулке, в школе. Гости оставили на память о себе вымпел — красочный «Конек-Горбунок», вышитый рукодельницами школы...

Бывают и такие посещения — в середине мая 1974 г. в квартиру Суровежиных пришла молодая женщина. Она с порога сказала хозяевам:

— Так вот вы какие!.. А я из Баку. Читала о ваших «четвергах» и захотела увидеть вас и сказать вам большое-большое спасибо! То, что вы делаете — изумительно... Вот, примите от меня, как знак уважения к вам...

Неожиданная гостья протянула Суровежину книгу — одно из изданий «Конька-Горбунка» Басова-Верхоанцева.

— Вы уж извините, больше ничего не смогла достать, — сказала она. — Надеюсь, это издание будет для вас интересно...

Гостья торопилась, Суровежин успел только запомнить, как ее зовут, у нее было редкое имя — Анелия...

— Как метеор промелькнула, — говорил потом Суровежин.

Нередко Н. И. Суровежина приглашают рассказать о своем книжном собрании в различные клубы и учреждения. Он выступал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, перед многочисленной аудиторией студентов и преподавателей. С большим вниманием слушали рассказ Суровежина о его книжных сокровищах библиотекари, заведующие клубами, массовики домов отдыха, собравшиеся на семинар

работников культуры Московской области. Слышали выступления Суroveжина и члены клубов книголюбов Центрального Дома литераторов, Московского Дома ученых, Центрального дома работников искусств и других организаций...

Известно собрание Суroveжина и за рубежом — чехословацкое посольство прислало ему в дар издание «Конька-Горбунка» на чешском языке, выпущенное в 1956 г. в Праге. В Токио в одном из популярных журналов опубликован большой очерк о Суroveжине-библиофиле и его коллекции, посвященной сказке Ершова. Японская писательница Канако Танака, приехавшая в Москву, провела не один час в беседе с хозяином собрания в доме на набережной Яузы, побывала на очередном «четверге» и на прощанье оставила следующую надпись на подаренной книге (сохраняем орфографию):

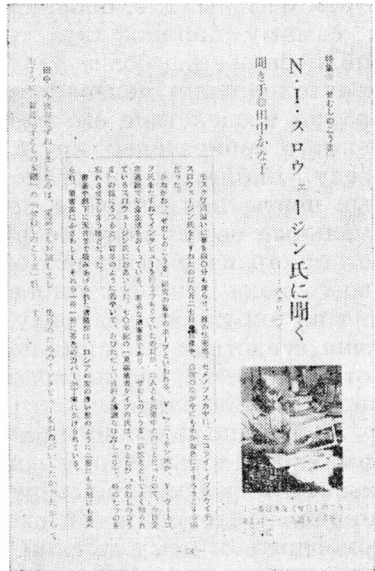
Уважаемый Николай-Иванович-сан
на память посещения чудесный четверг

Катя Танака, 1972-6-26

Парижский почитатель прислал в дар Суroveжину издание «Конька-Горбунка», выпущенное в 1965 г. на французском языке...

Библиофильская практика Н. И. Суroveжина неизбежно наводит на размышления о характере библиофилии в нашей стране. Наряду с чертами, которые были присущи лучшим библиофилам прошлого, советский библиофил имеет и отличительные признаки, рожденные новыми социальными условиями нашей страны и необыкновенно расширившимся общественным значением книги.

Если прежде библиофильство представляло своего рода замкнутый круг, силы которого были чаще всего центро-

Статья о Н. И. Суroveжине
в японском журнале

стремительны, т. е. обращены внутрь круга, к его центру — к самому библиофилу, то для современного советского библиофильства более характерны центробежные силы — при сохранении целевой замкнутости библиофильского собрания воздействие его распространяется за пределы очерченного собирателем круга, как бы вовне, в окружающую среду. Библиофилии становятся присущи ярко выраженные черты подлинной демократичности. Сохраняя индивидуальные особенности собирателя, она вместе с тем приобретает характер активного общественного деяния, становится своего рода центром широкого просветительского воздействия на окружающую среду, оставаясь, как и в прежние времена, средством создания непреходящих ценностей, значение которых неизбежно перерастает первоначальные цели и намерения собирателя.

В библиофильской практике Н. И. Суровежина мы видим характерные черты советской библиофилии. Он сумел поставить свое личное собрание, созданное на основе субъективных влечений и намерений, на службу людям, сумел приобщить к нему тысячи людей. Оставаясь библиофилом в полном смысле этого слова, он как бы разорвал железное кольцо собирательства, сумел объединить вокруг своего собрания книголюбов и не книголюбов, а многим из тех, кто ранее соприкасался с книгой только по утилитарной необходимости, раскрыл неисчерпаемую прелесть Книги, привил любовь к ней, возбудил благородную страсть библиофила...

Н. И. Суровежин создал ценнейшее книжное собрание, а коллекция, посвященная сказке Ершова, уникальна, подобной нет ни в одном книгохранилище, ни в одном из музеев страны. Это, по существу говоря, готовый музей сказки. То, что собрано Н. И. Суровежиным за многие годы самоотверженного собирательства, уже перестало носить личный характер, стало явлением общественным и в этом самая высокая награда для библиофила...

Александр Лейфер

«ВОЛЬНОСТЬ НЕ ДАЕТСЯ ДАРОМ...»

Поистине удивительными бывают иногда судьбы вещей. Раз созданные, они порой живут долго, молчаливо служа людям и оставляя после себя осязаемый след. Больше всего, пожалуй, это касается книг.

История книги, о которой я хочу рассказать, началась сто с лишним лет назад. В 1871 г. в Петербурге вышел первый том сочинений Николая Васильевича Шелгунова — борца против царизма, человека 60-х годов. Один из экземпляров попал в земскую библиотеку-читальню села Шаркан (ныне территория Удмуртской АССР). Вряд ли шелгуновские очерки пользовались в этом глухом селе популярностью. Но вот наступило время, которое резко изменило не только судьбы книг, но и судьбы миллионов людей. Том сочинений Шелгунова оказался в походной библиотечке красного партизанского отряда. Бывшие униженные и оскорбленные — вчерашние герои публицистики Шелгунова — в перерывах между боями учились читать по его сочинениям.

Тогда-то и начали появляться на свободных от текста местах книги отрывочные дневниковые записи, торопливо сделанные одной и той же рукой. Именно они привлекли в первую очередь внимание, когда я увидел эту книгу. А попала она ко мне в Казани случайно...

Вот первая (самая большая) надпись:

«Осенью 1918 года Кронштадтский партизанский отряд ехал на Пермский фронт. На ст. Чепца эшелон наш был задержан, так как железнодорожный мост чехами был взорван. Выяснилось, что чехи, заняв Пермь и прорвав фронт, шли на город Котлас для соединения с Северным фронтом.

Нашему отряду пришлось принять бой в селе Шарканы, мы встретились с превосходящими силами противника, однако Шарканы мы заняли. Настоящая книга была взята из сельской волостной библиотеки, но вернуть ее не удалось, т. к. мы быстро погнали белых на Воткинск и дальше в Сибирь.

Первую Октябрьскую революцию мы отпраздновали в Воткинске. Зимой наш отряд был переброшен на Северо-Западный фронт, поэтому в Шарканах быть не удалось.

Партизан Шишкин.

Чистополь, ул. Фрунзе, д. 43».

Дальше шло больше десятка надписей, рассказывающих о пути отряда уже на Северо-Западном фронте. Вот некоторые из них:

«Дрохин долго мучился в госпитале и умер в марте 1919 года. У него были отморожены руки и ноги при наступлении на Парнау».

«Отряд получил знамя, благодарность. Январь 1919 год».

«Жители Салас Коржавина похоронили в красном гробу, провожало все село. Январь 19 год».

«Поражен не тот, кто честно сложил голову в бою, а тот, кто с поля битвы ушел вон».

«Вольность не дается даром,
Чтоб владеть таким товаром,
Кровью платят, не деньгами.

Петефи»

«Убит Григорьев».

«Коля Сиц убит на станции Лебяжье. Паю остался жив, Волков тоже».

«Цыган ходил в глубокий тыл белых и принес шпига больше пуда. Февраль».

«Паю достал картошки».

«Убит Антошка. Январь».

«Ранен Паю. Февраль».

«Из тыла был командир и сказал: убиты Либкнехт и Роза Люксембург».

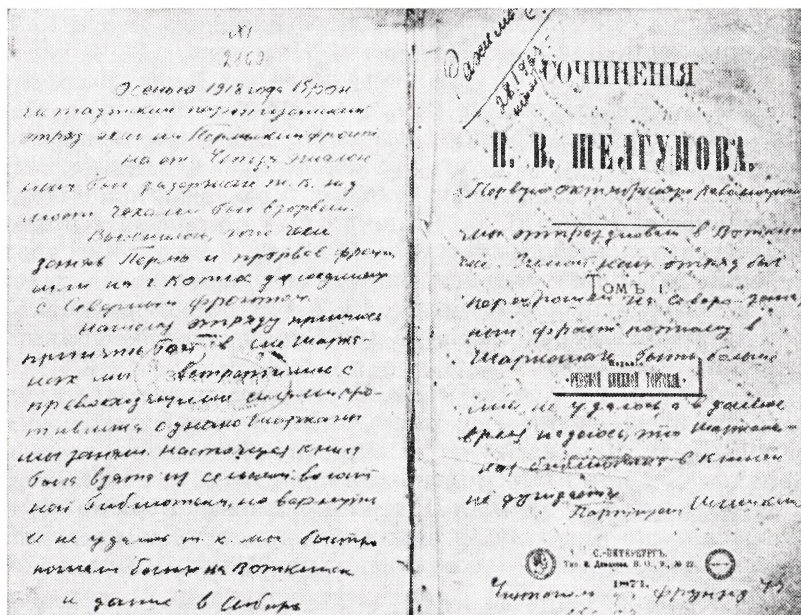
«Сиберенков попал в плен».

«В Вольмаре убит командир Коля Бразовский, Козловский, ранен Паю Саша, убит комвзвода Планец».

«В январе первый раз в Гайнаше ранен гранатой я сам».

«Поморозил руки в феврале».

«В госпиталях лежал: в Риге, Туле и в Кронштадте».

История партизанского отряда на страницах старой книги

Десятки фамилий, географических названий, дат... Рядом с именами убитых — строки стихов, вместе с упоминанием о боевых операциях — записи о картошке и шпиге.

Я написал несколько писем: в Кронштадт, в некоторые музеи. Написал, на всякий случай, и в Чистополь, хотя не очень-то надеялся, что Шишкин до сих пор живет там. Но случилось почти невероятное — первым как раз был ответ из Чистополя! Писал сам Шишкин: «Ваше письмо попало по адресу... Упомянутую книгу я сдал казанской бригаде, которая приезжала от музея и взяла кое-какие мои документы и мой партизанский шлем. Записи в ней случайны и не хронологичны...»

Конечно, мне захотелось завтра же поехать в Чистополь, но обстоятельства позволили сделать это только через год. А пока я поспешил в Государственный музей ТАССР, и научный сотрудник положил передо мной объемистый пакет с документами, полученными в 1957 г. от

участника гражданской войны, персонального пенсионера союзного значения Ильи Петровича Шишкина.

Из документов я узнал, что родился Илья Петрович в 1893 г. Участвовал в Февральской революции, в мае 1917 г. вступил в Красную гвардию, в июне — в партию большевиков. Отряд, о котором шла речь в дневниковых записях, назывался именем Рошала. Уже после окончания гражданской войны И. П. Шишкин был комиссаром продовольственного отряда, затем, с 1922 г., — оперкомиссаром погранохраны Балтийского флота. Одновременно со службой в пограничных войсках до 1927 г. работал организатором татаро-башкирской секции при Кронштадтском райкоме партии.

Известно, что с лета 1918 г. Восточный фронт стал главным фронтом страны — к Волге рвались белочехи. По указанию В. И. Ленина туда начали перебрасывать части с Западного фронта. Несколько отрядов послал и Балтфлот, видимо, и тот, где служил Шишкин. В письме Шишкин рассказывал, что в отряде он занимал должность ответственного организатора. В его ведении находилась и походная отрядная библиотека.

Наконец, я в Чистополе. Мы сидим с Ильей Петровичем в горнице его небольшого дома. Смотрю, с каким волнением перелистывает он страницы старой книги, читает записи, сделанные много лет назад.

Прошу Илью Петровича раскрыть содержание некоторых надписей. Например: «Разбит десант Антанты на Рижском заливе. Январь 1919 год. Ну и дали мы им!»

— Да, действительно, ловко у нас тогда получилось, — говорит Илья Петрович.

Белогвардейское командование всерьез обеспокоилось действовавшим в его тылу отрядом и попросило помощи у английских интервентов. Те решили высадить под городом Пярну десант, чтобы взять отряд в кольцо. Разведка узнала время высадки, и решено было устроить «встречу».

Командир отряда Николай Бразовский съездил в Пярну и осмотрел местность: берег спускался к морю тремя огромными террасами, на средней — раскинулся город. С помощью местных жителей на третьей террасе выкопали ложные окопы, наделали чучел. В окопы посадили партизана отчаянной смелости по прозвищу Цыган, а с ним — еще несколько человек. Остальные залегли у самой воды за большими валунами.

Через некоторое время появились два английских транспорта под охраной эсминца. Подошли, остановились. И сразу же эсминец открыл огонь из всех орудий по ложным позициям — Цыган и его товарищи сделали «перебежку»: покачали шести с чучелами. По всем правилам закончив артподготовку, англичане начали спускать мотоботы с морской пехотой. А потом отряд изрезал весь десант пулеметным огнем.

Несколько надписей на книге относятся к мятежу форта Красная Горка. Вот они:

«Попало снарядом Неклюдова. Сегодня шесть штук. Утопили крейсер «Олег», говорят, что торпедой Антанты».

«Эсер Брюшвит был комиссаром «Красной Горки», бежал с Неклюдовым».

«Попал под снаряд Неклюдова и получил перелом позвоночника в июне 1919 года».

Вот что кроется за этими записями. Из истории гражданской войны известно, что одним из звеньев контрреволюционного заговора «национальный центр», в котором, по словам В. И. Ленина, «участвовали все от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эсеров включительно», был мятеж форта Красная Горка. Начался мятеж в ночь на 13 июня 1919 г. Руководитель мятежа — бывший поручик Неклюдов — приказал открыть огонь по Кронштадту, чтобы заставить его сдать. Под этот огонь и попал Шишкин. В подавлении мятежа большую роль сыграл крейсер «Олег». Он подходил к форту и бил по нему чуть ли не прямой наводкой. А на рассвете 18 июня быстроходному катеру удалось потопить крейсер торпедой. Совместными усилиями береговых и морских сил Красная Горка была взята.

А вот еще одна надпись на книге: «Я поймал белого офицера Кильгаста, он подписал мне расстрел, но попал сам».

Что скрывается за этим.

28 февраля 1921 г. в Кронштадте вспыхнул контрреволюционный мятеж. Коммунист Шишкин, работавший тогда в кронштадтском совнархозе, был арестован мятежниками. Его заключили в один из казематов крепости.

Илья Петрович много рассказывал мне о страшных семнадцати сутках этого ареста. О том, как для тепла засыпали ослабевших товарищей подстилкой из опилок, как в камеру пришла весть: все заключенные приговорены к рас-

стрелу. Но потом со стороны Питера прилетел аэроплан и разбросал над городом листовки: если расстреляют заложников, никому пощады не будет. А в это время по льду залива уже ползли к Кронштадту люди в белых маскировочных халатах: делегаты X съезда партии, красноармейцы, курсанты, мобилизованные комсомольцы. Наступление хорошо просматривалось через окно камеры.

Наши части взяли город 18 марта. Седым вышел Илья Петрович из крепости... И уже позже, когда Шишкин работал комиссаром морского погранотряда войск ГПУ, он поймал Кильгаста, одного из руководителей мятежа. Вот что стоит за короткой надписью на книге.

Широко известно изречение — «Книги имеют свою судьбу». Но судьба книг приобретает особую ценность и значение, когда сплетается с судьбой человека. Шестидесятник Н. В. Шелгунов, отдавший свою жизнь служению обществу и революционной борьбе, мечтавший о воле для трудящихся, переживший крепость, ссылку и не сложивший оружия, не мог и думать о том, что его книга пройдет трудный путь в сумке солдата революции.

Омск

А. Глухов

«МЕЖПЛАНЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ»

Специальные труды читаются немногими, общедоступные же миллионами.

К. Э. Циолковский

Книга Я. И. Перельмана о межпланетных путешествиях была одной из самых первых — не только у нас в стране, но и во всем мире серьезной и в то же время общепонятной книгой о межпланетных перелетах и космической ракете — первой в пропаганде дерзновенных замыслов Константина Эдуардовича Циолковского. Она оказала огромное влияние на молодежь и выдержала десять изданий.

В предисловии Я. И. Перельмана к книге (август 1915 г.!) мы читаем проникновенные слова: «Было время, когда признавалось невозможным переплыть океан. Нынешнее всеобщее убеждение в недосыгаемости небесных светил обосновано, в сущности, не лучше, нежели вера наших предков в недостижимость антиподов. Правильный путь к разрешению проблемы заатмосферного летания и межпланетных путешествий уже намечен — к чести русской науки! — трудами нашего ученого. Практическое же разрешение этой грандиозной задачи может осуществиться в недалеком будущем».

Перед нами — первое издание знаменитой книги. На обложке под заголовком рисунок: на фоне звездного неба в беспредельные дали Вселенной устремляется космический корабль. Рисунок корабля — не вымысел художника, в основу его положен схематический чертеж Циолковского. В книге дан и чертеж звездолета, и его описание. Еще в 1913 г., после опубликования работы Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» в журнале «Вестник воздухоплавания», Яков Исидорович Перельман обратился к ее автору с просьбой набросать схему

будущего ракетного корабля. В ответ Циолковский прислал эскизный набросок и дал к нему свои пояснения. На полях письма приписка: «Право, это дорогие мысли. Поместите их в журнале». Яков Исидорович не только опубликовал все это в журнале «Природа и люди», но и использовал в своей книге.

Перельман считал, что цель его научно-популярных книг — «возбудить деятельность научного воображения, приучить читателей мыслить». Это в какой-то мере перекликается с установкой великого Фарадея, видевшего в популярной литературе средство воспитания научного мышления. Все книги Перельмана великолепно выполняли эту задачу, а многие из них выполняют и сейчас. Но своими «Межпланетными путешествиями» он ставил еще одну задачу: «До некоторой степени рассеять существующее в публике предубеждение против небесной механики и физики, как знаний слишком отвлеченных, неспособных будто бы дать пищу живому уму. Наука, которая открывает возможность успешно соперничать в полете воображения с фантазией остроумнейших романистов, проверять и исправлять их смелые замыслы, наука, указывающая пути осуществления величайших грез человечества, должна перестать казаться сухой и скучной. ...Простейшие сведения из этой области знания, которые рассеяны в настоящей книге, заронят в уме любознательного читателя интерес к изучению механики и физики Вселенной и возбудят желание ближе познакомиться с фундаментом величественной науки о небе».

Так писал автор в предисловии к первому изданию «Межпланетных путешествий». То было время, когда для подавляющего большинства читателей космические полеты казались лишь выдумкой, а наука о небе — скучной.

С присущей ему изобретательностью, артистичностью Перельман показывал, что реальность увлекательнее, чем самые смелые вымыслы писателей-фантастов.

Листаем страницы первых изданий «Межпланетных путешествий», читаем строки, написанные почти шесть десятилетий назад. Нам, свидетелям удивительных космических свершений, трудно понять, что чувствовали тогда молодые читатели этой книги. Удивление? Сомнение? Или желание дожить до тех времен, когда небесные корабли — звездолеты ринутся в глубь Вселенной и перенесут бывших пленников Земли на Луну, в другие миры? Безусловно, книга

ошеломляла! И были, бесспорно, такие читатели, которые мечтали не только «дожить», но и конструировать корабли, строить их, летать на них в космос...

Но и нас покоряет и легкость описания Перельмана, и образные его сравнения, и остроумная полемика с фантастами, и глубина проникновения в суть проблемы. Вот автор рассказывает о всемирном тяготении и земной тяжести: «В старину, говорят, к ноге каторжан приковывали цепь с тяжелой гирей, чтобы отяжелить их шаг и сделать неспособными к побегу. Все мы, жители Земли, незримо отягчены подобной же гирей, мешающей нам вырваться из земного плена в окружающий простор Вселенной. При малейшем усилении подняться ввысь невидимая гирия дает себя чувствовать и влечет нас вниз с возрастающей стремительностью».

Вот Перельман доказывает, что от силы тяжести невозможно укрыться никакими заслонками. Для примера он берет роман Герберта Уэллса «Первые люди на Луне». Его герой изготовил вещество «кейворит», непроницаемое для тяготения. Проект этот, оказывается, безнадежен. «Задвинуть заслонки «кейворитного» снаряда не так просто, как захлопнуть дверцу автомобиля: в промежуток времени, пока закрываются заслоны и пассажиры уединяются от весомиго мира, должна быть выполнена работа, равная работе перенесения пассажиров в бесконечность. А так как два человека весят свыше 100 кг, то значит, задвигая заслонки снаряда, герои романа должны были в одну секунду совершить работу ни мало, ни много в 600 миллионов килограммометров». Конечно, такая грандиозная цифра ничего не говорит читателю. И автор поясняет: это равносильно тому, как втащить сорок паровозов на вершину Эйфелевой башни за одну секунду. Естественен вывод: обладая такой мощностью, мы и без «кейворита» могли бы буквально прыгнуть с Земли на Луну.

После этого с нетерпеливым любопытством ждешь перехода к проектам другого выдающегося фантаста — Жюль Верна. И Перельман — любитель парадоксов — не обманывает наших ожиданий. Оказывается, большинство людей не отдает себе отчета в том, что с механической точки зрения пушка — самая мощная из всех машин, созданных в то время человеческой изобретательностью. И «надо было обладать оригинальным умом Жюль Верна, чтобы в смертоносном орудии — в пушке — усмотреть средство вознестись

«живым на небо». Однако при строгом рассмотрении пленительных повестей французского романиста «От Земли до Луны» и «Вокруг Луны» оказывается, что и его способы не пригодны, чтобы преодолеть земное притяжение.

За что же упрекает Перельман фантастов? За чрезмерное фантазирование, за слишком смелый отрыв от реальной жизни? Ничуть не бывало! «Победа остается за наукой во все не потому, что романист слишком много фантазировал,— замечает Перельман.— Напротив, он фантазировал недостаточно, не достроил до конца своих мысленных образов. Созданная им фантастическая картина межпланетного путешествия страдает недоделанностью».

После краткого остроумного рассмотрения всех несбыточных фантастических проектов межпланетных полетов автор переходит к главному — рассмотрению осуществимого проекта, предложенного и разработанного К. Э. Циолковским. Прежде всего Перельман отмечает главное преимущество: «ракетный звездолет дает возможность будущим морякам Вселенной в желаемый момент снова возвратиться на родную Землю». Затем в книге показывается устройство ракеты, говорится об источниках ее энергии и механике полета, разворачивается картина межпланетной навигации. Автор приводит конкретные расчеты, вместе с читателями прикидывает вес корабля и необходимый ему запас топлива, разрабатывает вероятные маршруты полетов, говорит о том, что будут чувствовать «моряки Вселенной» в безднах мироздания... И все это подано так, что читатель становится как бы соучастником исследования.

Итак, первое издание книги вышло в свет в 1915 г. у П. Сойкина. Еще раз подчеркиваем, что только из этой книги читающая Россия могла узнать о высокой, научно обоснованной мечте Циолковского. Официальная наука царской России и не помышляла о том, чтобы издать труды великого ученого, оказать ему помощь и внимание. В 1957 г., отмечая 100-летие со дня рождения К. Э. Циолковского, газета «Правда» писала: «Жизнь Циолковского до революции — это обвинительный акт против русской буржуазной интеллигенции, которая живым бросила в могилу выдающегося ученого ее времени и набросала земляной холм на могиле, из которого временами вырывались заглушенные стоны».

Таких людей, как Перельман, Рюмин и некоторые другие, были единицы! Вот почему «Межпланетные путешествия»

вия» имели такое громадное значение... Один из первых экземпляров своей книги Перельман посылает в Калугу.

За первым изданием последовало второе, третье, четвертое, пятое. Каждое — с дополнениями, изменениями, уточнениями. Автору казалось, что заглавие «Межпланетные путешествия» все-таки звучит для многих читателей малопонятно. Поэтому во втором и третьем изданиях, вышедших в 1919 г., он отказался от него, заменив более ясным — «Путешествия на планеты». Но, как выяснилось, за короткий срок термин «межпланетные путешествия» сделался общеупотребительным! И в четвертом издании (1923 г.) первоначальное заглавие было восстановлено.

Коренной переделке подверглось шестое издание (1929 г.). Это и понятно: ведь до сих пор заатмосферное летание оставалось чисто теоретической проблемой, а теперь положение изменилось. Одна за другой от Земли отрывались ракеты и стремительно взмывали ввысь. Все это надо включить в книгу! Она должна сообщать читателю новейшие достижения. Константин Эдуардович также продолжал разрабатывать и углублять свою идею. Перельман ведет с ним активную переписку. И в шестом издании к главе «Проекты К. Э. Циолковского», где развертывается общий план завоевания мирового пространства, имеется характерная авторская приписка: «...текст этой главы просмотрен и отчасти пополнен К. Э. Циолковским». Великолепный пример сотрудничества великого ученого и популяризатора!

К этому — шестому — изданию Циолковский написал развернутое предисловие. (Оно приводилось затем во всех последующих изданиях.) Напомнив, что публикацию его работы «Исследование мировых пространств реактивными приборами» в журнале «Научное обозрение» почти «никто... не заметил», а в «Вестнике воздухоплавания» на нее обратили внимание лишь специалисты, автор предисловия далее писал: «...широким кругам читателей идеи мои стали известны лишь с того времени, когда за пропаганду их принялся автор «Занимательной физики» Я. И. Перельман, выпустивший в 1915 году свою популярную книгу «Межпланетные путешествия». Это сочинение явилось первой в мире серьезной, хотя и вполне общепонятной книгой, рассматривающей проблему межпланетных перелетов и распространяющей правильные сведения о космической ракете. Книга имела большой успех и выдержала за истекшие 14 лет пять изданий. Автор давно известен своими популярными, остро-

умными и вполне научными трудами по физике, астрономии и математике, написанными, к тому же, чудесным языком и легко воспринимаемыми читателями». В заключение К. Э. Циолковский писал: «Горячо приветствую появление настоящего, шестого по счету издания «Межпланетных путешествий», пополненного и обновленного сообразно продвижению этой проблемы новейшими исследованиями».

Так великий ученый оценил популярный труд Я. И. Перельмана. И верно. Хотя книга по форме изложения — популярная, автор отнесся к ее написанию как к работе научной: он опирался исключительно на первоисточники, черпал факты из первых рук и весь числовой материал проверил собственноручно. Помимо советской и зарубежной литературы по звездоплаванью (кстати, термины «звездолет» и «звездоплавание» предложены Перельманом и были одобрены Циолковским) широко использовалась переписка с Циолковским, с работниками ракетного дела на Западе. (Автор «Межпланетных путешествий» владел несколькими языками — французским, немецким, английским, греческим, латинским...)

Неутомимый популяризатор передовых идей не остановился на шестом издании — спрос на книгу был очень велик. В седьмом издании снова появляются значительные изменения, которые превратили книгу в общедоступный курс звездоплавания, знакомящий с основами ракетного летания, его теорией, историей и перспективами развития. Но во всех изданиях в центре повествования, основой всех рассуждений, расчетов, дальнейших планов всегда оставались глубокие, основополагающие исследования Циолковского. Последующие издания (восьмое, девятое, десятое) дополняются многочисленными вставками, которые знакомят читателя с последними новостями.

Книгу читали с восторгом и удивлением, но и придирчиво. Автору задавали вопросы, ему возражали, с ним спорили. Письма шли непосредственно к нему домой, а не на издательство. Адрес не надо было разыскивать, он сообщался в выходных данных его произведения: Ленинград, 136, Плуталова ул., 2, кв. 12. Ни одно письмо не оставалось без ответа. Многим своим корреспондентам он отвечал на страницах своих книг. Некоторые критики «Межпланетных путешествий» утверждали, будто невесомый воздух внутри звездолета не будет оказывать никакого давления; другие утверждали, что в среде без тяжести невозможно... глотать.

Убедительными примерами Перельман доказывает ошибочность утверждений своих критиков. Развернутые доказательства приводятся в девятом издании книги.

Так жила и изменялась книга, завоевывая все новых и новых сторонников. Среди них, безусловно, были и те, кому довелось воплотить в жизнь дерзновенные замыслы К. Э. Циолковского. Последнее прижизненное издание «Межпланетных путешествий» вышло в свет накануне Великой Отечественной войны. Яков Исидорович умер в 1942 г. в тяжелую блокадную зиму Ленинграда, и ему не довелось быть свидетелем штурма космоса. Но он твердо верил в осуществимость межпланетных сообщений, он был убежден в могуществе человеческого ума... Еще в 1934 г. он писал: «Проблема звездоплавания — если не в полном объеме, то в существенной своей части — может считаться разрешенной уже в наши дни». Это в девятом издании «Межпланетных путешествий». А в книге «Ракетой на Луну» читаем: «Не знаю, доведется ли мне дожить до того часа, когда ракетный корабль ринется в небесное пространство... Но вы, молодые читатели, весьма вероятно, доживете и до того времени, когда между Землей и Луной будут совершаться правильные перелеты». Вот эта устремленность в будущее, этот светлый оптимизм — одно из главных достоинств книги Перельмана.

Москва

А. Р. Палей

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ КНИГИ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностью: *были*.

В. Жуковский

Вот и мне на своем жизненном пути довелось встретить таких спутников. И одним из самых замечательных среди них был профессор Семен Афанасьевич Венгеров.

В 1916 г. я был студентом Психоневрологического института в Петрограде. Это было весьма оригинальное высшее учебное заведение, настоящий университет с различными факультетами, только не государственный, а основанный общественными организациями. Программы и порядок обучения в нем были направлены к тому, чтобы воспитывать всесторонне образованных специалистов. Поэтому курс обучения продолжался на год более, чем в государственных университетах. Первый курс был общеобразовательным — будущие врачи проходили гуманитарные предметы, а юристы — анатомию и физиологию. Курс русской литературы был обязателен для всех факультетов.

Одним из главных руководителей института был известный ученый В. М. Бехтерев — выдающийся психиатр.

Помещался институт на далекой тогда окраине Петрограда, которая называлась Царским городком. Доехать туда можно было либо дачным поездом, либо «паровичком».

Я поступил на юридический факультет. Русскую литературу читал С. А. Венгеров. Большая аудитория на его лекциях была переполнена всегда; он сам был увлечен своим предметом — это увлечение передавалось слушателям.

Обрамленное черной бородой лицо профессора напоминало портреты поэта Фета. Мимика его была очень выразительна, черные глаза сияли, когда он, внимательно глядя на свою аудиторию, словно бы обращался к каждому слушателю в отдельности.

Читал нам Венгеров все не то, что было в учебнике. Конечно, мы должны были сдать определенный курс. Но профессор считал, что мы и сами можем читать историю литературы. Нам же на лекциях рассказывал он о результатах своих разысканий в области пушкиноведения. Это необычайно углубляло наш интерес к литературе. Студенты даже младших курсов начинали постигать, что история литературы, как и всякая история — предмет непрерывно развивающийся.

Столь же интересен был и пушкинский семинарий, который Семен Афанасьевич вел у нас, как и в университете.

Иногда после занятий, возвращаясь домой, профессор часть дороги проделывал пешком. Как-то мне случилось быть его попутчиком. Разговорились. Я тогда уже был начинающим литератором, печатал стихи в журналах. Наметились какие-то точки соприкосновения, и Семен Афанасьевич пригласил меня к себе домой, на Загородный проспект. Здесь он занимал две квартиры на одной площадке: в одной жил с семьей, в другой стояли книги — около 25 тысяч томов. Ту огромную библиографическую, критическую и литературоведческую работу, которую вел Венгеров, невозможно было выполнять без значительного числа книг под руками. Книжки заполняли всю эту квартиру, полки стояли не только вдоль стен, но и поперек комнат. Впрочем, и в «жилой» квартире их было немало.

Мне не раз приходилось быть гостем Семена Афанасьевича. В его семье царила дружелюбная, радушная атмосфера. Семья была многочисленная и дружная. Сестра его, Зинаида Афанасьевна Венгерова (жена поэта Н. Минского), была известной переводчицей и критиком-литературоведом.

Вскоре я уехал к себе на родину, в Екатеринослав. Но знакомство с Венгеровым продолжалось. Мы обме-

С. А. Венгеров.
Художник С. Митников

нивались письмами, в том числе и деловыми. Еще будучи участником семинария Венгерова, я, в числе некоторых его студентов, принимал участие в подготовке материалов для Пушкинского словаря, заполняя карточки, на которых каждое слово записывалось с соответствующим контекстом. Эту работу я продолжал в Екатеринославе, отсылая карточки Семену Афанасьевичу по почте.

Осенью 1917 года я получил от него следующее письмо:

«Петроград, 21 сент. 1917.

Благодарю за помощь, № газеты еще не получил ¹. Что Вы подельваете? Я безумно завален работой, несмотря на то, что нет университетских занятий. Совсем заела Книжная палата ²— масса организационной работы, своего рода библиографическая новь. Для Вас бы сейчас нашлась работа, хотя и скромно оплачиваемая — рублей 200—250 за 5 часов. Будет ли позднее — не знаю.

Ваш С. Венгеров».

В других письмах Семен Афанасьевич также с увлечением писал о своей работе в Книжной палате, но в них уже явственно звучали ноты крайней усталости, жалобы на бытовые трудности.

Венгеров зарабатывал немало, но львиная доля его заработка уходила на составление картотеки писателей и ученых и на приобретение книг, без которых он не мог обходиться.

¹ В местной газете я поместил статью о Пушкинском словаре.

² Венгеров был организатором (1917 г.) и первым директором Российской книжной палаты.

ВСПОМИНАЯ «ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ»

Люди старшего поколения, наверное, не забыли выходящий в 1925—1931 гг. замечательный приключенческий журнал «Всемирный следопыт». Я учился тогда на Высших государственных литературных курсах (ВГЛК). Курсы были вечерние, а днем я чертил для этого журнала карты, различные схемы, исполнял шрифты для заставок.

В первые годы своего существования редакция этого ежемесячника помещалась на Кузнецком мосту, дом № 13 (теперь дом № 17). Зигзагообразная, вычурная и цветастая вывеска висела на кронштейнах перпендикулярно стене дома и была видна издали. Лестница с выщербленными каменными ступенями вела на второй этаж.

Хорошо помню рабочую обстановку редакции. Там можно было встретить людей, впервые сдающих рукопись или явившихся узнать о ее судьбе, приходили писатели признанные — М. Пришвин, А. Грин. Известный уже в те времена писатель-фантаст А. Беляев напечатал в «Следопыте» свою повесть «Голова профессора Доуэля». В «Следопыте» начал литературную деятельность с небольших исторических рассказов писатель В. Ян — будущий автор известных романов — «Чингис-хан», «Батый», «К последнему морю». Постоянно печатал в «Следопыте» исторические рассказы и повести писатель М. Зуев-Ордынец.

Хочется назвать и писателей, имена которых ныне незаслуженно забыты.

Это прежде всего Б. Рустам Бек Тагеев — человек необычайной и сложной судьбы. Был он невысокого роста, с характерным восточным профилем и неизменной трубкой в зубах. «Я объездил весь земной шар, кроме Южной Амери-

ки», — говорил он, держа в руках рукопись очередного очерка или рассказа о той или иной экзотической стране.

Не менее колоритной фигурой был писатель В. Ветов. Почти вся литературная деятельность его проходила в стенах «Следопыта». Высокий, очень худой, остроумный, неунывающий — он приносил в редакцию свои рассказы — «Необычайные приключения Боченкина и Хвоща». Пользовались они небывалым успехом среди мальчишек и взрослых.

В журнале печатались путевые очерки исследователя северной Сибири геолога С. Обручева, известного путешественника по Монголии П. Козлова.

И, конечно, отбирались лучшие произведения западноевропейской и американской приключенческой литературы. Именно в «Следопыте» были впервые напечатаны «Марактова бездна» и «Когда земля вскрикнула» Конан Дойля, а также рассказы Тойн де Фриза.

На последней странице журнала помещал задачи и ребусы невзрачный старичок-ребусник, который еще с дореволюционных времен толкался по различным редакциям. Впоследствии его обессмертили И. Ильф и Е. Петров.

Одним из ведущих художников «Следопыта» был мой старший брат Голицын Владимир Михайлович. Свыше двадцати ярко окрашенных обложек было выполнено им. Как бывший моряк, он со знанием дела иллюстрировал все рассказы и очерки, относящиеся к морю. В жизни он был большой юморист и удачно иллюстрировал также юмористические рассказы. Прежние читатели «Следопыта», наверно, помнят его комические рисунки — фигуры двух неудачливых, или, наоборот, удачливых охотников и рыболовов, героев В. Ветова — одного маленького в очках на длинном носу — Боченкина, и другого, очень высокого с маленькой головой на длинной шее — Хвоща¹.

Первая, очень неудобная, комната в редакции называлась «Чистилищем». В следующую вела массивная дверь с табличкой «Зав. редакцией». В зависимости от обстоятельств, вторая, заветная, комната называлась или «Рай» или «Ад». Когда отворялась та дверь, все затихали, некоторые вскакивали. На пороге появлялся сам заведующий

¹ См. сборник воспоминаний, в котором помещено свыше ста иллюстраций: «Владимир Голицын. Страницы жизни художника, изобретателя и моряка». М., «Советский художник», 1973.

Редактор «Всемирного следопыта» В. А. Попов

редакцией «Всемирного следопыта» Владимир Алексеевич Попов, которого за глаза звали сокращенно просто ВАП.

С виду он был плотный, коренастый, с брюшком, с небольшими подстриженными усами над плотно сжатыми толстыми губами; глядел он из-под свирепой толщины очков пристально, изучающе. Не я один боялся его требовательности, его беспощадности к малейшему проявлению халтуры. Помню, как одну надпись на карте я нечаянно сделал вверх ногами и подсунул ему карту — дескать, авось не заметит. Он заметил и выгнал переделывать.

Современные книголюбы, если им теперь попадетя старый, зачитанный номер «Следопыта», увидят на последней странице две подписи: слева — «Ответственный редактор В. Нарбут», и справа — «Заведующий редакцией В. А. Попов».

Владимир Иванович Нарбут был директором государственного издательства «Земля и Фабрика» (сокращенно «ЗиФ»), при котором издавался «Всемирный следопыт». Ни-

когда в редакции он не появлялся, а подписывать журнал ему носили в кабинет.

ВАП был в журнале всем — редактором литературным и художественным; он подыскивал авторов, заказывал им очерки, подбирал и заказывал переводы, принимал или отвергал рукописи и рисунки. К нему являлось множество народу, из коих большинство он не всегда вежливо выпроваживал. Он сам правил принятые рукописи, клеил макет всего журнала, словом, был душой и создателем «Следопыта».

До революции в течение долгих лет Владимир Алексеевич Попов был редактором издававшегося Сытиним журнала «Вокруг света», хорошо знал мальчишек, их психологию, вкусы, стремления и мечты. Он мог создать лучший в то время приключенческий журнал для подростков. В каждой интеллигентной семье, где росли мальчишки, выписывали «Вокруг света».

И в прежнем «Вокруг света», а еще в большей степени в советском «Всемирном следопыте» он упорно, страстно и с большим знанием дела растил романтику борьбы, приключений, путешествий, открытий и одновременно был ярким врагом дешевых детективных и «шпионских» опусов.

Кроме Попова, в «Следопыте» первые два года работал лишь один сотрудник — секретарь редакции Александр Иванович Сокольский; был он очень любезный, расторопный, но только исполнитель.

«Всемирный следопыт» был создан в 1925 г. Два года спустя появилось его приложение — «Вокруг света» того же объема, формата и шрифта, как и дореволюционный журнал того же названия, только без букв «ъ» и «ять»².

Вскоре у «Следопыта» появилось второе, правда довольно тоненькое приложение — «Всемирный турист». Этот журнал был связан с деятельностью Попова в Обществе пролетарского туризма и экскурсий (сокращенно ОПТЭ), которое возглавлял Н. Крыленко. Во «Всемирном туристе» печатались очерки о редких в те времена туристских походах, об экспедициях на Памир и в другие отдаленные места нашей страны. Словом, увлекательный и содержательный материал находился и для этого приложения.

Тираж «Следопыта» с 30 тысяч поднялся до 150 тысяч — цифра по тем временам небывалая.

² Не путать с издававшимся в те же годы в Ленинграде другим журналом «Вокруг света».

Однажды пришел в редакцию скромный высокий юноша — студент Московского университета Володя Белоусов, явно выросший из своих гимназических брюк. Счастливцев получил первую премию на конкурсе «Следопыта» за рассказ «Ущелье Большого Дракона». ВАП послал его в командировку в Западную Карелию, а на следующий год на Кольский полуостров. В журнале были напечатаны его новые очерки на свежем современном материале.

Писателя из Володи не получилось. Теперь Владимир Владимирович Белоусов — ученый-геофизик с мировым именем, член-корреспондент Академии наук.

Мой брат Владимир вместе с писателем В. Ветовым ездили по командировке «Следопыта» в Астраханский заповедник и на полуостров Мангышлак. Некоторое время спустя появилась новая серия приключенческих рассказов В. Ветова с рисунками Владимира.

ВАП отправлял многих писателей и художников в командировки за материалами. Ездили в самые неизведанные и глухие в те времена края Севера, Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока.

В 1928 г. к Северному полюсу полетел Нобиле на дирижабле «Италия», полетел неудачно, дирижабль разбился, пропал, одна группа людей позднее нашлась на льдине. Из разных стран устремились самолеты спасать, полетел Амундсен и погиб; были посланы наши ледоколы «Красин» и «Малыгин».

В редакции «Следопыта» началась горячка. Новости получались сразу, как только их принимали радиостанции нашей страны. Я несколько раз переправлял карты. А уже через неделю свежий номер «Следопыта» рассылался подписчикам.

Позднее обо всей эпопее написал в «Следопыт» плававший на «Красине» писатель Н. Н. Шпанов.

Журнал «Всемирный следопыт» просуществовал 7 лет. Последний номер вместе с приложением «Вокруг света» вышел в 1931 г., «Всемирный турист» был закрыт еще раньше.

А ленинградский «Вокруг света» продолжал выходить, но уже при Государственном издательстве, и позднее был переведен в Москву. Теперь этот широко известный журнал издается миллионными тиражами.

ВАП по-прежнему был полон энергии. Он переехал в Свердловск и основал там новый журнал «Уральский следопыт». Прежним авторам и художникам «Всемирного следо-

пыта» были разосланы приглашения сотрудничать. Некоторые из них откликнулись: так, М. Зуев-Ордынец печатал там свои исторические повести, мой брат Владимир иллюстрировал отдельные рассказы. Новый журнал сразу привлек многих читателей, но вскоре «Уральский следопыт» тоже был закрыт. История этого, ныне вновь возрожденного популярного ежемесячника — тоже интересная страница летописи советской печати.

Москва

Библиотеки
и
библиофилы

ВСЕГДА СО МНОЙ...

Насколько я себя помню — книги сопровождали меня в жизни с раннего детства...

У моей неграмотной, но весьма любознательной бабушки Степаниды Андреевны Костриной бережно хранилась большая, толстая книга, без начала и без конца — история с «картинками». Кто-то облил ее маслом, и она «промаслилась», поэтому в семье ее называли просто — «масляная книга». Часто по вечерам бабушка усаживалась за штопку чулок и говорила: «А ну, Костя, почитай-ка мне масляную книгу». И я читал (а читать я научился в шестилетнем возрасте) рассказы о том, как бедуин укрыл на своей груди змею, а она его потом ужалила, как граф Калиостро предсказал славное будущее Наполеону, и другие истории. Возможно, именно загадочная «масляная книга» и сделала меня книголюбом...

Отец мой, хотя и окончил всего только двухклассное приходское училище, любил книги. Покупал он их главным образом у букинистов, торговавших в Саратове на Верхнем базаре под открытым небом, прямо на земле — «в развал». У них можно было за несколько копеек приобрести «бесплатные приложения» к журналам «Нива», «Вокруг света», «Природа и люди». Так создалась у нас в доме библиотека, в которой было немало книг, самых различных — от «Рокамболя» Понсона дю Террайля до «Войны и мира» Льва Толстого...

Свою собственную библиотеку я начал собирать, когда окончил институт и стал работать инженером в нефтяной промышленности, в Баку. Конечно, первыми книгами были руководства, пособия, справочники по нефтяному делу. Они были нужны мне повседневно.

*Экслибрис работы художника
А. И. Калашникова*

Но вскоре я стал смотреть на нефтяное дело шире. Меня увлекла его тысячелетняя история. Начались поиски старых и старинных книг о добыче и переработке нефти. Так появились в моей библиотеке разысканные с немалыми хлопотами книги В. Рогозина «Нефть и нефтяная промышленность» и К. Тумского «Технология нефти», изданные в 1884 г., Д. И. Менделеева «Нефтяная промышленность...» (1877 г.), А. А. Летняго «Сухая перегонка битуминозных ископаемых» (1875 г.), сочинения М. В. Ломоносова и многие другие. В их числе и труды великих средневековых ученых — Ибн Сины, Бируни, ар-Рази; в их алхимических, медицинских и минералогических трактатах содержится немало сведений о нефти и асфальте. Обнаружил я и самый первый напечатанный в России научный труд о нефтяном деле — профессора Санкт-Петербургской Академии наук И. Вейтбрехта, опубликованный в 1739 г. в «Примечаниях на Ведомости». Академик назвал свое обширное сочинение (80 страниц) коротко и ясно — «О нефти».

В моем собрании оно заняло достойное место в виде полной фотокопии, выполненной для меня Государственной публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Не менее замечательна другая старинная книга, имеющая в отличие от вышеназванной весьма длинное заглавие: «Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в январе месяце 1740 года Ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов, с приложенными притом гридированными (т. е. гравированными. — К.К.) фигурами, также и некоторыми примечаниями о бывшей в 1740 году во всей Европе жестокой стуже, сочиненное для охотников до натуральной науки через Георга Волфганга Крафта, С.-Петербургской императорской Академии наук члена и физики профессора. Печатано при императорской Академии наук, 1741 г.»

Книжечка эта, малого формата, изящно изданная, содержит сведения о широком использовании в 1740 г. нефти для устройства грандиозных иллюминаций в Петербурге вокруг Ледяного дома, сооруженного на замерзшей Неве по прихоти императрицы Анны Иоанновны. Кстати сказать, именно это сочинение академика Крафта русский писатель И. И. Лажечников использовал как исторический документ, создавая свой знаменитый роман «Ледяной дом».

Вероятно, на первый взгляд покажется странным, что в моем собрании со специальными книгами соседствует роман Александра Дюма «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя». Между тем он находится здесь по праву. Один из героев романа, министр Франции Кольбер, перечисляя снаряжение и припасы, закупленные для войны с Голландией, упоминает «триста пятьдесят тысяч фунтов ядер, две-три пятьдесят тысяч фунтов пороху, двенадцать транспортов северной древесины, фитили, гранаты, смолу, нефть и еще всякую всячину...» Писатель знал, что в XVII веке нефть служила боевым зажигательным средством и во Францию ее привозили вместе с «северной древесиной» и смолой из Московского государства, из Архангельска, купцы которого вели обширную торговлю этими товарами с западными странами.

Книги по географии нефти и газа также с достаточной полнотой представлены в моей библиотеке. Они рассказывают о наших днях, о героическом труде советских геологов.

Посмотрите на географическую карту нашей Родины! Сколько на ней «нефтяных городов»! Древний Нафталан в Азербайджане, Нефтяные Камни, Нефтегорск, Нефтебад, Нефтекамск, Нефтекумск, Небит-Даг, Нефте-чала и совсем недавно созданный Нефтеюганск — центр молодой сибирской нефтяной промышленности. Есть и «газовые» города, например Газли — центр газовой промышленности Узбекистана, Газ-Ачак в Туркмении, Газ-Сале в Тюменской области.

Огромное внимание, большую заботу о развитии нефтяной промышленности с первых лет Советской власти проявлял В. И. Ленин. Неустанно, повседневно он лично руководил восстановлением нефтяных промыслов Баку и Грозного, разрушенных интервентами в годы гражданской войны. По его инициативе были посланы первые советские геологические экспедиции искать нефть на берегах Волги, в Башкирию, на Эмбу и на Крайний Север — в Коми АССР. Вопросы

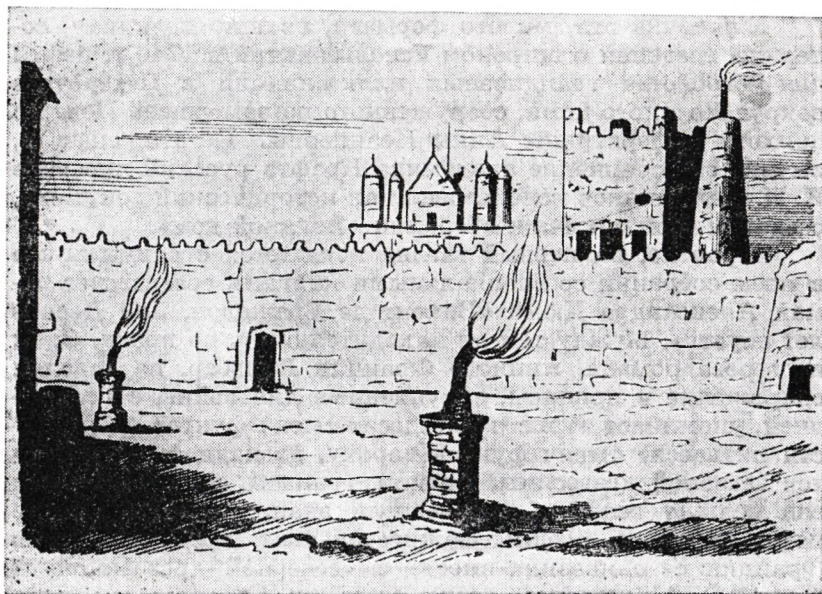

Иллюстрация из сб. «Природа», кн. 1. М., 1876

нефти широко отражены в трудах Владимира Ильича, и они занимают почетное место в моем книжном собрании.

Есть в моем специальном собрании и художественная литература. На одной из книжных полок стоят произведения А. Толстого «Эмигранты» (в первом издании — «Черное золото»), В. Лидина «Рассказы», Э. Синклера «Нефть», Д. Лондона «Сердца трех», Б. Келлермана «Город Анатолия», Ю. Крымова «Танкер Дербент», А. Грина «Автобиографическая повесть», К. Паустовского «Подводные ветры», И. Эренбурга «Виза времени», А. Знаменского «Ухтинская прорва» и другие. Одним из «героев» этих романов, повестей и очерков является нефть.

Не обошли вниманием нефть и поэты. О нефти писал великий азербайджанский поэт эпохи средневековья Низами Гянджеви. В одной из газелей другого великого поэта Востока — Хафиза я нашел такие строки:

Мое сердце было хранилищем тайн,
Но рука лукавой судьбы

Ключ от двери взяла и тебе отдала,
О любовь моя — солнце веков!
Я пришел изнуренный к дворцу твоему,
Врачеватель мне говорил:
Все там — горная смола и бальзам,
Избавленье от всех оков.

В те времена горная смола — нефть считалась универсальным лекарством, и поэт образно говорит о том, что она избавляет и от душевных мук и любовных терзаний.

В одном из стихотворений Леонид Мартынов пишет:

И нефть, попав из бака в водоем,
Павлиний хвост внезапно распустила.
Она об органическом своем
Происхождении снова загрустила...
И ветер закричал, что вообще
Нет меж природою живой и мертвой
Границ. И может в солнечном луче,
О человек, блеснуть потухший взор твой.

Поэтические сборники, включающие упоминания о нефти, также составляют неотъемлемую часть моей библиотеки.

Маргарита Алигер создала большую поэму — «Старик», посвященную созданию в Баку в первые годы Советской власти первого в мире морского нефтяного промысла, названного «Бухта Ильича». Герой поэмы — «слепой инженер» П. Н. Потоцкий, привлеченный С. М. Кировым к руководству этой грандиозной работой и после своей кончины в 1932 г. похороненный «на суше надежной, у моря для нас отвоеванной им».

Сергей Есенин в 1924—1925 гг. несколько месяцев прожил в Баку и написал здесь свою знаменитую «Балладу о двадцати шести», посвященную памяти бакинских комиссаров.

В те годы я жил и работал в Баку и присутствовал на площади Свободы на торжестве открытия памятника 26 бакинским комиссарам и слышал Сергея Есенина, взволнованно прочитавшего с трибуны свою «Балладу». В те же годы, в Баку, Есенин написал стихотворение «Стансы», в котором отражены впечатления от «стихий промыслов», «вышки черных нефть-фонтанов».

И в наши дни советские поэты посвящают свои произведения нефтяному делу и деятелям нефтяной промышленности.

В 1970 г. народный поэт Чувашии Яков Ухсай создал поэму «На вершине Гусли-горы» — об открытии нефти

Урало-Поволжья, о возникновении «Второго Баку» на Востоке страны, о руководителе поисков нефти на берегах Волги, Камы и Белой — академике-геологе И. М. Губкине.

Многие поэты (В. Саркисов, Алиага Кюрчайлы и др.) отметили в своих стихах создание советским народом города Нефтяные Камни, построенного на стальных сваях, вдали от берегов, среди волн Каспийского моря. Одно из лучших стихотворений о Нефтяных Камнях написал азербайджанский поэт Осман Сарывелли:

О, город в море! Ты в потоках ветра,
Затмивший все былые чудеса
Поднялся, как восьмое чудо света,
Плечами подпирая небеса.
Нацелен город в будущее смело.
Не зря в нем безраздельно правит труд...
Приходит смена и уходит смена,
И нефть бушует в узких горлах труб...

А дагестанский поэт Расул Гамзатов отметил «нефтяную профессию» Каспия в книге «Мой Дагестан»: «Шумит Каспий, шумит Хвалынское море... Море — рыбак, море — нефтяник, море — труженик. Ну, и характер у него поэтому более суровый...» Упомянул поэт в этой замечательной книге и о газовых месторождениях Дагестана — о «Дагестанских Огнях».

Мои книги не стоят праздно на полках. Они постоянно «работают». Они помогали мне в создании научных и научно-популярных книг: «Идеи М. В. Ломоносова об органическом происхождении нефти и их развитие советской наукой» (Пермь, 1962); «Почему нефть называется нефтью» (М., 1967); «Нефть и газ на карте нашей Родины» (Уфа, 1967) и др.

Книги всегда со мной!..

Уфа

Я. Б. Рабинович

РУССКАЯ МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

НАЧАЛО

Моя родина — Каховка, та самая легендарная Каховка, и я считаю, что в этом мне сильно повезло. Здесь прошло мое детство, здесь прогремела над нами гражданская война, оставив неизгладимую память на всю жизнь, здесь тот, кто выжил, пережил ужасный голод 1921 г. Здесь начинал я учиться — и учителя запомнились на всю жизнь — это были настоящие Учителя с большой буквы. Когда было мне немногим более 13 лет, родители переехали в Одессу — и я с ними.

По счастью, там мне довелось встретиться с земляками, уехавшими из Каховки несколько раньше и к этому времени учившимися в одесских вузах, — Верой Николаевной Верцнер, впоследствии известным московским врачом-педиатром, и Николаем Ивановичем Харджиевым, теперь известным писателем и литературоведом. Именно эти замечательные люди сумели привить 13—14-летнему юнцу любовь к книге, которая владеет им и сегодня.

Поиски своего пути в жизни бросили автора этих строк сперва в Москву, а затем в Ленинград, с которым жизнь его связала, как и с морем и с флотом, навсегда. Маленькая библиотечка, которой он владел, — в основном стихи Ахматовой, Блока, Мандельштама, Маяковского — была раздрана. Попав в Ленинград прямо в училище им. М. В. Фрунзе, вначале он и не помышлял о книгах, отдавшись изучению пленивших его морских наук. Но в первое же увольнение «неведомая сила» привлекла его на Литейный проспект — средоточие тогдашней ленинградской букинистической торговли. Он смотрит книги по морским наукам и вот уже начинает покупать их на свое курсантское жалованье.

Постепенно он приобретает все больше старинных морских книг, которые тогда продавались буквально за бесценок; ближе знакомится с букинистами, и они встречают его благожелательно, дружелюбно, стараются помочь — зная, что курсант может приходить в магазин лишь в дни увольнений, оставляют для него интересные книги. Надо ли говорить, как высоко ценил их доброту этот курсант! В 1932 г. в магазине «Международная книга» (на Литейном проспекте, где теперь «Академкнига») он увидел весьма редкую и захватывающе интересную книгу, изданную в 1751 г.: «Путешествие около света, которое в 1740, 41, 42, 43, 44 годах совершил адмирал лорд Ансон...» Курсант сразу решил, что без этой книги жизнь ему не в жизнь. Он перелистывал книгу снова и снова и всякий раз, доходя до конца, убеждался, что цена — 30 рублей — не уменьшается нисколько... И вот он стоит, не выпуская книгу из рук, и мучительно перебирает в уме все доступные варианты для получения такой суммы... А славной памяти Петр Николаевич Мартынов издали поглядывает на него и все решительно понимает. Затем он подходит, и происходит следующий диалог.

Петр Николаевич: Вижу, вас заинтересовала эта книга. Она и вправду очень хороша и очень редка.

Курсант: Да, уж книга хороша — сил нет...

Петр Николаевич: Вы, молодой человек, вот что... я для вас придержу ее на денек-другой, а вы денег раздобудьте и...

Курсант: Петр Николаевич, спасибо Вам огромное, я раздобуду и приду за книгой как только смогу быстрее...

Здесь на сцену выступает еще один замечательный человек — тогдашний начальник училища имени Фрунзе, Алексей Николаевич Татаринев, ныне контр-адмирал в отставке. Это был, в самом высоком смысле этого слова, талантливейший самородок. До Октябрьской революции он служил на Черноморском флоте кочегаром, в годы революции и гражданской войны стал крупным военачальником. Коммунист с дореволюционным стажем, человек высокой партийной принципиальности, он руководил «единственной кузницей военно-морских командиров», как тогда именовали наше училище. Именно к нему и решил обратиться курсант-библиофил. Дело в том, что 30 руб. намного превышали сумму, которую касса взаимопомощи имела право выдать курсанту. И единственным, кто мог изменить это, хотя бы и в порядке исключения, был сам начальник училища. Он дал разрешение не только на выдачу этих денег, но и на

внеочередное увольнение, чтобы взять книгу. Эта прекрасная книга долго еще оставалась лучшим украшением медленно, но неуклонно растущей библиотеки курсанта.

РУССКАЯ МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Так мы называем собрание книг на русском (и славянском) языке, в которых пишется о море, о кораблях и судах, обо всем, что к ним относится и что обеспечивает их плавание, о людях моря — военных и торговых моряках, ученых, инженерах и всех причастных к морскому делу. Это собрание морских книг ведет свою историю с давних времен. Вероятно, его началом следует считать старинные поморские рукописные лоции — наставления для плавания в морях Северного Ледовитого океана, создававшиеся уже в XIV—XV вв.

Петр Великий первым провозгласил Россию морской державой. По его же воле стали издавать первые наши морские книги. С течением времени морская литература растет и дифференцируется, особенно бурными темпами — в наши дни. Развитие науки все расширяет круг дисциплин, относящихся к изучению мирового океана, и углубляет их. Непрерывно растет художественная маринистика. В первой русской морской библиографии, составленной капитаном 2-го ранга Александром Петровичем Соколовым, было описано всего 372 книги, 31 рукопись и 1407 статей на морские темы в русской периодике (для чего понадобилось просмотреть девяносто русских периодических и повременных изданий). Эта библиография была сперва напечатана в V—X томах «Записок гидрографического департамента» за 1847—1852 гг., которые редактировал сам Александр Петрович, замечательный морской офицер и историк русского флота. Он прожил короткую, но славную жизнь, умер в 1858 г. в возрасте сорока двух лет и до последнего дыхания работал над историей флота. Книга его охватывала период с 1701 по 1851 г. и по подробности и компетентности описаний морской книги не имеет себе равных в русской библиографии. Он не только знал, но и горячо и преданно любил флот и его историю. После смерти все его бумаги, архивы, незаконченные работы, библиотека исчезли без следа... Через двадцать пять лет после его кончины «Русская морская библиотека» была переиздана в одном томе весьма тщательно и бережно В. К. Шульцем с помощью крупного русского

книговеда Петра Александровича Ефремова, который знал и любил Александра Петровича Соколова.

Следующая русская морская библиография принадлежит перу первой нашей женщины-библиографа Зинаиды Михайловны Пенкиной-Триполитовой. Эта замечательная женщина умерла молодой, но того, что она совершила, вполне достаточно, чтобы ее с благодарностью вспоминали многие поколения моряков и всех людей, интересующихся морской литературой. Книга была выпущена книгоиздателем Н. Г. Мартыновым в 1885 г. под названием «Русская библиография морского дела за 1701—1882 год включительно». В ней описаны 2327 книг. Все книги из библиографии А. П. Соколова, разумеется, вошли в труд З. М. Пенкиной, но, как и книги, не описанные им, без подробных аннотаций. Далее в течение почти 75 лет морская библиография не пополнялась капитальными работами. Издавались библиографические указатели к повременным изданиям до «Морского сборника» (И. И. Петров), к «Морскому сборнику» (И. И. Петров, Н. И. Зеленой), к «Запискам по гидрографии» (С. А. Советов, И. И. Ислямов, Н. Н. Исаев, А. М. Казанская, А. Г. Монахова, Г. С. Лапушкина), выходили многочисленные рекламные торговые библиографии морского дела.

Наконец, в 1959 г., по инициативе и под руководством безвременно и трагически погибшего капитана 1-го ранга, кандидата исторических наук Николая Сергеевича Кровякова, одного из известнейших знатоков морской истории и морской книги, а в то время — директора ЦВМБ, было начато продолжающееся издание «Военно-морская литература», подготавливавшееся такими крупными морскими библиографами, как Э. М. Казаис, А. И. Архипов, В. В. Пане-Братцев, Т. К. Шаврова, Л. Ф. Васильева, К. П. Коковина, Н. А. Захарова, А. И. Родионова, А. И. Кудряшова, В. С. Гордничев, М. Я. Левин, Ж. Б. Усакова, С. Н. Хонес, И. П. Гасс, А. И. Манкевич, Н. В. Комаровская, А. Г. Лейбович (автор настоящих строк гордится тем, что оказывал посильную помощь при разработке плана и методики этого издания, что отмечено в предисловии к 1-й книге). Это библиографическое издание охватывает не только книги, но и все статьи в периодике, относящиеся к морской тематике. Надо сказать, что такой библиографический универсализм представляется автору неправомерным, так как ни в коем случае нельзя ставить на одну доску книгу и газетную за-

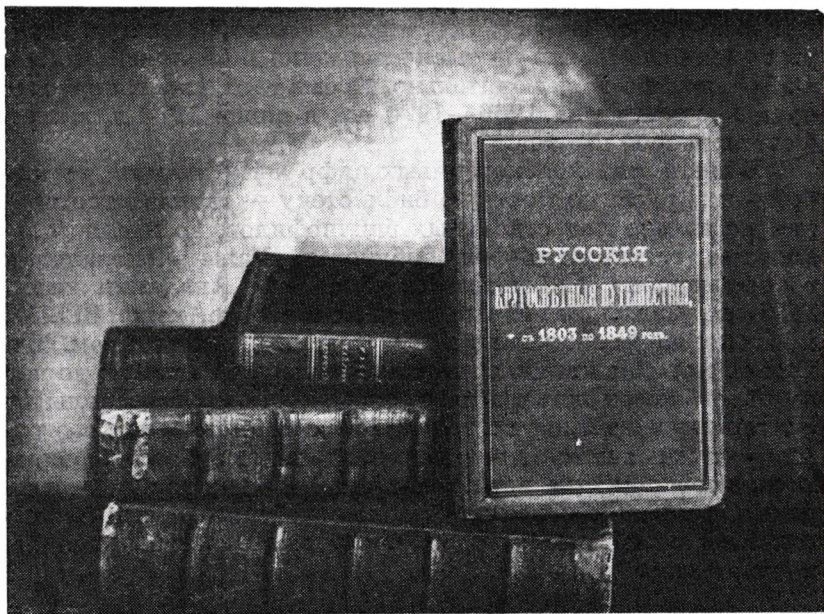
метку или даже статью. Всего пока вышло 12 книг, в которых расписано почти 55 тысяч наименований книг и статей с 1946 по 1965 г. включительно. Кроме того, уже вышел выпуск I описания за 1966—1970 гг., в конце 1974 г. вышел в свет и второй выпуск.

В свете этих красноречивых цифр легко понять, что собрать всю русскую морскую библиотеку — задача непосильная не только для отдельных библиофилов, но и для большинства государственных библиотек. Даже Центральная военно-морская библиотека, Библиотека Академии наук, ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, даже ВГБИЛ в Москве не располагают всем морским репертуаром. Известны морские книги, от тиражей которых не дошло до нас ни одного экземпляра, а книг, сохранившихся в нескольких считанных экземплярах, нередко в самом плачевном состоянии, — очень много. И вот, несмотря на все это, есть собиратели, посвящающие нелегкому делу разыскания, реставрации, хранения морских книг все свободное время в течение всей своей жизни. К их числу имеет честь принадлежать и автор.

МОЕ СОБРАНИЕ МОРСКИХ КНИГ

Как уже сообщалось, автор начал собирать морские книги с 1931 г. За сорок с лишним лет удалось подобрать более десяти тысяч книг и журналов о море, кораблях и судах, морях. В их числе — около тысячи антикварных изданий (в частности около двух десятков петровских и около десятка более старых), около тысячи редких книг (например, изданий 20-х годов текущего века), более двух тысяч журналов. На многих книгах имеются экслибрисы, автографы, дарственные надписи, интересные маргиналии. Некоторые, особенно антикварные, издания заключены в великолепные переплеты. Более пятисот книг отреставрированы и переплетены собирателем в прочные переплеты, многие старинные переплеты, пришедшие в ветхость, покрыты прочной прозрачной полиэтиленовой пленкой, предохраняющей их от дальнейшего разрушения.

Библиотека состоит из шестнадцати основных и трех дополнительных отделов: 01 — Общественные науки; философия; марксизм-ленинизм о войне, военном и транспортном флоте. 02 — История мореплавания и судостроения. 03 — История судоходства и географических открытий на

Несколько антикварных книг

море. 04 — История открытия и изучения Арктики и Антарктики. 05 — История военно-морских флотов, морских войн и сражений. 06 — Кораблевождение и судовождение; мореходные приборы и инструменты, их история; электро-радио-навигационные приборы. 07 — Морская практика. 08 — Морское оружие и его история. 09 — Океанология; Морская гидрометеорология. 10 — Смежные науки (физика, акустика, оптика, биология моря и др.). 11 — Справочные издания: энциклопедии общие, морские, военные, словари, справочники. 12 — Мемуары. 13 — Персоналия. 14 — Маринистика художественная — проза, стихи. 15 — Периодика. 16 — Морская библиография; общая библиография; книговедение. Д-1 — Избранная художественная проза и стихи. Д-2 — Литература по фотографии. Д-3 — Книги по парусному и фехтовальному спорту.

В собрании — книги на русском, украинском, польском, чешском, английском и немецком языках.

На большинстве антикварных изданий наклеены экс-

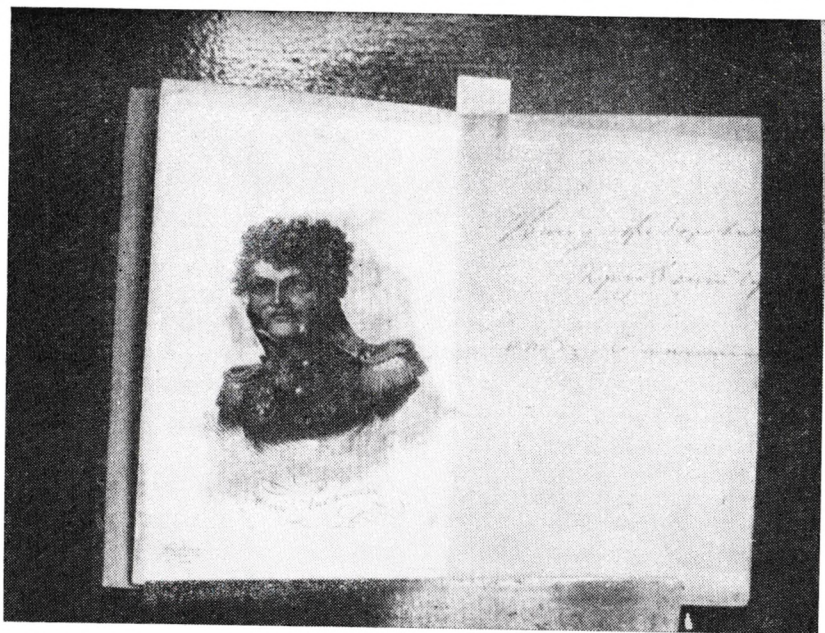
либрисы (работы ленинградского художника Б. В. Георгиева), почти на всех книгах оттиснут резиновый владельческий штемпель с указанием инвентарного номера. Тщательно ведутся три инвентарные книги: 1 — антиквариат и редкие книги, 2 — общий инвентарь и 3 — периодика. Надо сказать, что в настоящее время инвентарь антикварных и редких книг уже не отражает истинного положения вещей потому, что вплоть до 1971 г. собиратель зачислял в категорию антикварных и редких книг лишь издания, вышедшие до 1882 г. (последний год, охваченный библиографией З. М. Пенкиной). Разумеется, такое представление весьма устарело. Можно ли не считать, например, редкими книги Вл. Семёнова, да и вообще все книги о русско-японской войне на море, вышедшие в начале века? Или книги, изданные в 1917—1922 гг., и многие книги 30-х годов? Безусловно, все такие книги достаточно редки. К глубокому сожалению, автору не удается собрать завести настоящий карточный каталог — систематический (предметный) и алфавитный (по авторам). Однако он верит в то, что исполнит эту большую работу в недалеком будущем и тогда особыми клеймами (цветными на карточках и в инвентаре и на

Экслибрис Я. Б. Рабиновича

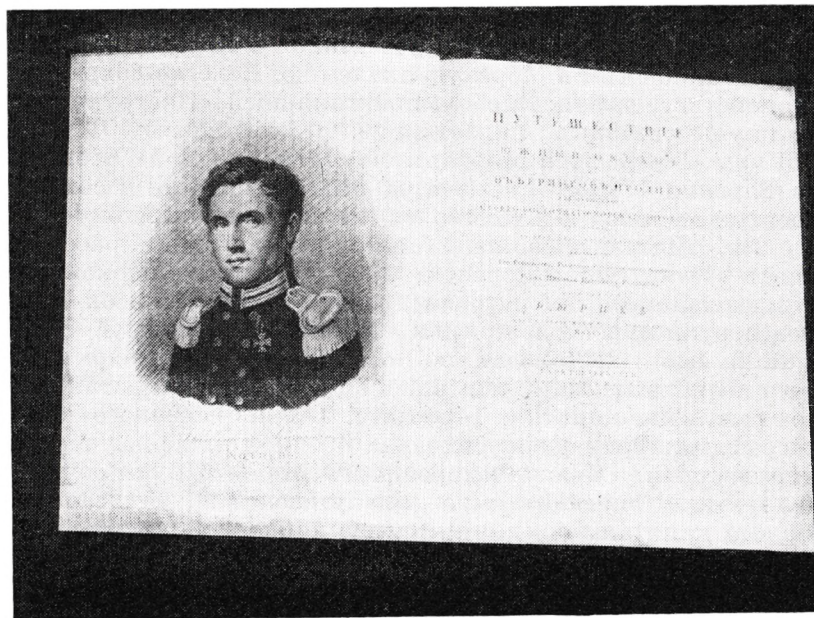
«География
генеральная или повсюдная...»
Бернгарда Варения,
изд. 1718 г.

*«Путешествие вокруг света... Юрия Лисянского». Спб., 1812 г.
Автограф Лисянского и портрет его работы А. Ухтомского (литография).*

книгах) покажет степень редкости каждого издания. Только после этого он сможет считать свое собрание доведенным до современного уровня.

Гордость собрания — практически исчерпывающая коллекция описаний русских кругосветных и дальних плаваний в первоизданиях первой половины XIX в., пополненная «Обзором заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 год», «Первым продолжением обзора заграничных плаваний судов русского военного флота. 1868—1877 г.», а также конволютом оттисков из «Морского сборника» — «Известия о плавании наших судов за границу» за 1886—1887 гг. и др. Непреходящая ценность — 17-томные «Материалы для истории русского Флота» (изд. 1865—1904 гг.), 13-томный «Общий морской список» (изд. 1885—1907 гг.) с указателем к нему и с несколькими томами справочников по личному составу морского флота (по-

Титульный лист книги «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... на корабле Гюрике под начальством флота лейтенанта Коцебу». Спб., 1821. Конволют из двух (русского и немецкого) изданий. Портрет О. Е. Коцебу рисовал с натуры А. Варник.

следние из них включают данные по 1917 г.), весьма полная коллекция русских книг по штурманскому делу от 1703 г. и до самых последних современных — почти без лакун. Довольно полный отдел — «Маринистика художественная», издания XVIII, XIX и XX вв., вышедшие и выходящие не только в столичных, но и в периферийных издательствах.

Более всего дороги собирателю книги, поступление которых было связано с какой-либо примечательной историей, особенно редкие, или очень красивые. Да и как можно оставаться равнодушным, держа в руках отличной сохранности экземпляр «Арифметики» Леонтия Магницкого 1703 г. в деревянном, тисненной кожей крытом переплете с бронзовыми застёжками... Эта книга — веха в истории нашей культуры. Первый русский учебник для первого русского высшего учебного заведения — «Навигацкой школы», с 1701 по

1715 г. размещавшейся в Москве в замечательном здании Сухаревой башни, а затем переведенной в Петербург и преобразованной там в Морскую академию. Нелегко сохранять спокойствие, любуясь небольшой книжицей «Инструкции и артикулы военные надлежащие к Российскому Флоту» 1710 г., «Географией генеральной или повсюдной» Бернгарда Варения 1718 г. — замечательным по полноте и сохранности экземпляром в великолепном тисненном переплете.

Ни один книголюб не останется равнодушным, рассматривая «Книгу устав морской» 1720 г. У самого спокойного и выдержанного библиофила дрогнет сердце, если он возьмет в руки скромные томики «Путешествия вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах, по повелению... Александра Первого на корабле Неве, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I-го ранга, Юрия Лисянского» с автографами Юрия Федоровича на обоих томах, на первом дарственный: «Ивану Федоровичу Крузенштерну от сочинителя», или описания того же путешествия, написанного «флота капитан-лейтенантом, ныне капитаном второго ранга Крузенштерном, Государственного Адмиралтейского Департамента и Императорской Академии Наук Членом» в красивейших марокеновых переплетах золотообрезных, или небольшую книжечку того же автора «О сохранении здоровья матросов на кораблях» с дарственным автографом «Почтенному Егору Антоновичу Энгельгардту в знак истинного уважения от сочинителя».

Замечательные первоиздания книг Сарычева, Биллинга, Головина, Рикорда, Беллингаузена, Литке — каждый том достоин подробного описания... Вот в ваших руках три больших тома в прочных переплетах. Это — «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах... на корабле Рюрике под начальством флота лейтенанта Коцебу», Спб, 1821—1823. На внутренней стороне переплета — наклейка: «Из книг П. А. Ефремова». Знаменитый русский библиофил, библиограф, авторитетнейший редактор, добросовестнейший издатель. Его собрание было собранием книг необыкновенных: переплетая их, он включал самые разнообразные прибавления — листы, не вошедшие в данное издание, но входившие в другие издания этого произведения, дополнительные иллюстрации, страницы, которые были в этом издании изъяты или заменены. Любая книга с ефремовской наклейкой (он пользовался ею

как экслибрисом) — всегда клад, и мало кто из библиофилов этого не знает. Любая книга его — загадка, потому что сам он редко указывал, что именно добавлено в переплет кроме основного текста. Эти три тома большого формата (Ефремов не любил обрезать переплетаемые книги — истинный знаток своего дела). Кроме большого числа иллюстраций, взятых из немецкого издания, вышедшего несколько ранее, в первый том вплетен изъятый из всего тиража лист — страницы 31—32, замененные другими. Помимо великолепных литографий, раскрашенных от руки (из обоих изданий), в этом бесценном произведении библиофильского таланта еще и этот лист! Он один делает этот экземпляр редчайшим, если не уникальным. По крайней мере, автору, видевшему многие экземпляры этого издания, ни разу не довелось встречать изъятый лист — страницы 31—32.

К таким же драгоценным раритетам относятся и ранее упоминавшаяся книга адмирала Ансона, и «Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурю принесенных...» 1772 г., и «Российского купца имени того Рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к американским берегам, и возвращение его в Россию, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака, до коих не достигал и славный аглинский мореходец Капитан Кук...» (Спб., 1793), «иждивением В. С.» (издание Василия Сопикова) — и в том же переплете «Российского купца Григорья Шелехова продолжение странствования по восточному Океану к Американским берегам в 1788 году...» 1792 г.; и «Движение Флотов» Дж. Клерка в переводе Ю. Ф. Лисянского, 1803 г.; и «Путешествие в Южной половине земного шара и вокруг онаго... под начальством капитана Иакова Кука», перевод с французского Л. Голенищева-Кутузова, ч. 1—5 (Спб., 1796—1800). (И рядом — кембриджское издание 1955 г.!) Наконец, одно из последних приобретений — новиковское издание 1782 г. «Сказание о Мореплавании, как оное началось и возрастало; какие время от времени приносило пользы; как находимы были, помощью онаго, неизвестныя до того места земли. Переведено... корабельного Флота мичманом Михаилом Веревкиным, с кратким описанием жизни адмирала Алексея Ивановича Нагаева, сочиненным в Дмитровском уезде 1781 года».

Можно привести примеры книг не антикварных, но весьма редких. Вот книга А. В. Петрова «Собрание книг, изданных в царствование Петра Великого» (Спб., 1913). Ее тираж — 100 экз. Первое русское издание «Географии» Страбона вышло в Москве (К. Т. Солдатенков) в 1879 г. В нашем собрании экземпляр этой книги с автографом Николая Ивановича Вавилова. Выпуск 4-й «Материалов для истории Гангутской операции» вышел в 1918 г., выпуски 1-й и 2-й сборника «Военно-морской комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. на море» изданы в 1920 и 1922 гг. тиражом 1000 экз.; «Операции на Черном море...» Н. В. Новикова — таким же тиражом в 1927 г.

Собрание живет полной жизнью, непрерывно пополняясь по всем трем инвентарям. На 1 января 1975 г. собрание включало более 10 тысяч книг и журналов морской тематики. Разумеется, в это число не входят три-четыре тысячи томов художественной литературы (классических и современных русских, переводных и иноязычных произведений) и годовых комплектов «толстых» журналов за многие годы.

ДРУЗЬЯ БИБЛИОФИЛОВ — БУКИНИСТЫ

Любой книголюб непосредственно зависит от букинистов. Подавляющее большинство наших ленинградских букинистов всегда старались помочь библиофилам — и советом и делом. Многие из букинистов стали нашими истинными друзьями, и дружба эта сохранилась и крепла долгими десятилетиями.

Жизнь идет, и вот уже многих знаменитых книжников не стало... Навсегда ушли от нас и Вениамин Михайлович Лебедев — один из самых знающих и авторитетных букинистов-антикваров, и Петр Николаевич Мартынов, последние годы жизни много выступавший с интересными докладами и сообщениями на заседаниях Секции библиофилов Ленинградского общества коллекционеров (СБ ЛОК), и доброжелательный Сергей Павлович Кузьмин, и Александр Яковлевич Герц, и Федор Григорьевич Шилов, и, наконец, самый близкий и дорогой автору Иван Сергеевич Наумов, мысль о безвременной кончине которого до сих пор причиняет острую боль... Уместно здесь отметить, что большая и лучшая часть антиквариата описываемого здесь собрания вошла в его состав с помощью Ивана Сергеевича.

Несмотря на эти невосполнимые потери, ленинградская букинистическая книжная торговля не прекратилась, появились новые, более молодые букинисты: Николай Михайлович Часов, Григорий Аркадьевич Хайкин, Галина Ивановна Давыдова, Николай Петрович Кошелев, Анатолий Ефимович Козлов. Они тоже немало делают для библиофилов, но книг стало неизмеримо меньше, и цены на них, естественно, сильно поднялись. Произошло то, что предсказывал прозорливый Вениамин Михайлович Лебедев: хорошие книги пришли к настоящим владельцам, настоящим собирателям, которые стремятся их хранить, а не продавать. Естественно, у букинистов их становится все меньше.

Картина ленинградской антикварно-букинистической жизни была бы неполной, если бы мы не упомянули еще одного человека, который всегда много делал для библиофилов, помогает им и теперь. Этот друг библиофилов — Иван Васильевич Верхов. Он долгие годы был директором лучшего в городе антикварно-букинистического магазина (Иван Сергеевич Наумов был там главным товароведом и заместителем директора), потом руководил Конторой букинистической торговли в Ленкниге, а когда ее ликвидировали, был назначен директором одного из крупнейших ленинградских книжных магазинов — Дома политической книги. Именно в этом магазине базируется Бюро СБ ЛОК, здесь Секция и ведет массовую работу с покупателями, устраивает выставки, встречи с писателями, учеными, издателями.

КЛУБ БИБЛИОФИЛОВ «У ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА»

Когда с закрытием магазина прекращался поток покупателей, Иван Сергеевич часто оставался у себя, чтобы разобрать дневные поступления, подготовить бандероли для отправки иногородним покупателям и др. Нередко «на огонек» заходили старые друзья-собиратели; погибший в расцвете творческих сил известный ленинградский радиожурналист Валентин Семенович Потапов — превосходный рассказчик, человек тонкого ума и безукоризненного чувства юмора, собравший более чем завидную коллекцию приключенческой литературы; старейшие собиратели, в прошлом работники букинистической книготорговли — Павел Викентьевич Губар, Всеволод Александрович Крылов, безвременно погибшие крупные собиратели — главный инженер ленинградского Госцирка Леонид Сергеевич Марков, быв-

ший директор Центрального военно-морского музея, а затем Центральной военно-морской библиотеки капитан 1-го ранга Николай Сергеевич Кровяков, относительно молодые собиратели — научный работник Яков Сергеевич Сидорин, известный кинорежиссер С. А. Шустер. Нередко бывал здесь и автор, да и другие.

Какие истории рассказывались здесь, какие велись споры, пока Иван Сергеевич делал свое дело, лишь изредка бросая реплики, разжигавшие собеседников! Рассказывались легенды и были о великих собирателях — Демьяне Бедном, Смирнове-Сокольском, Десницком, о многих ныне живущих, об их нравах и обычаях, маленьких причудах и странностях, о самых неожиданных проявлениях могучей страсти — страсти к книгам. Иногда посетители показывали последние приобретения — редкие книги, эстампы, изредка рукописи. Душою этих вечерних «заседаний» неизменно был сам Иван Сергеевич — умный, тонкий, остроумный, удивительно деликатный и бесконечно доброжелательный... Мы тогда плохо понимали это, и потому для многих было неожиданностью, когда на вечер памяти Ивана Сергеевича, организованный СБ ЛОК, явилось около 250 человек — такого еще никогда не бывало... Основной чертой характера Ивана Сергеевича была доброта и приветливость, а любви его верной к книге сопутствовала искренняя и глубокая приязнь к книголюбам.

Заседания «у Ивана Сергеевича» длились обычно час-полтора, затем он всех выпроваживал, запирали магазин и отправлялся домой — обязательно пешком. Нередко мы уходили вместе с ним — я живу неподалеку от него. О книжниках он и в пути разговаривал охотно. Те же имена слышались вновь — Демьян Бедный, Смирнов-Сокольский, Владимир Германович Лидин, Алексей Алексеевич Сидоров, Алексей Иванович Маркушевич, да и наши ленинградцы — профессор Десницкий, знаменитый ленинградский собиратель книг и рукописей пианист Моисей Семенович Лесман, собравший в своих бесконечных поездках по стране поистине фантастическую библиотеку и поразительную коллекцию рукописей, в основном автографических. Иван Сергеевич очень любил этого удивительно живого и обаятельного человека и часто говорил о нем.

В. Дегтярев

«МНЕ МИЛ И ВИНОГРАД НА ЛОЗАХ...»

В библиотеке ялтинского книголюба Романа Кирилловича Акчурина — сотни книг (многие — с автографами) зачинателей отечественного виноградарства и виноделия. Среди них, например, вышедший в 1904 г. «Атлас к ампелографии Крыма» академика С. Коржинского или изданный в 1874 г. в Одессе труд К. И. Тардана «Виноградарство и виноделие».

Тридцать лет целеустремленного собирательства позволили Акчурину не только углубить, но и значительно расширить тематику своей библиотеки. Рядом с трудами виноградарей и виноделов достойное место заняли произведения прозаиков и поэтов. Так, роман Ник. Зарудина «Тридцать ночей на винограднике» выпущен в 1933 г. мизерным по нашим сегодняшним понятиям тиражом — 5250 экз. Конечно же, библиотека Акчурина не могла обойтись без произведений такого широко известного певца виноградной лозы и вина, как Омар Хайям, не могла не прийти к бессмертному Пушкину, писавшему:

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкой весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой...

Среди акчуринской Пушкинианы есть довольно редкие и ценные издания — «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» М. Л. Гофмана (Петроград, изд-во «Антей», 1922), «Рисунки поэта» А. Эфроса («Academia», 1933) и т. д.

Жизнь и работа в Крыму позволили Акчурину собрать немало редких и интересных краеведческих изданий — свою Таврику. Тут одно из старейших изданий — «Фи-

зическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы (растительный мир, животные, минералогия)», изданное в Санкт-Петербурге в 1785 г. (напомним, что Крым был официально присоединен к России в 1783 г.). А Таврика опять привела Романа Кирилловича к Пушкину, к таким редким книгам о нем, как «Пушкин в Крыму» Б. Л. Недзельского (издано в Симферополе в 1929 г. тиражом 2000 экз.), «Пушкин в Крыму» научного сотрудника Алупкинского государственного дворца-музея С. Д. Коцюбинского (Симферополь, 1937) и другим.

Истинным собирателям, коллекционерам, библиофилам хорошо знакомо состояние постоянного поиска, настороженности: а вдруг!.. Такое «вдруг!» случилось и с Акчуриным. Вот характерный пример. Стоит у него на полке известная всем библиофилам работа Вл. Лидина «Друзья мои — книги. Заметки книголюба» (М., «Книга», 1966). На стр. 281 Вл. Лидин пишет: «Прославленный паразитолог академик

Евгений Никанорович Павловский, с которым недавно мы со скорбью простились, выпустил в 1940 году на правах рукописи одну, ныне ненаходимую книжечку под названием «Паразитологические мотивы в художественной литературе и в народной мудрости». Книжечка эта формально была выпущена Ленинградским паразитологическим обществом, но издал ее сам автор...» Один из экземпляров этой «ныне ненаходимой книжечки» с автографом «вдруг» оказался и у Акчурина. А председатель Московского клуба экслибрисистов С. А. Вуль любезно снабдил Акчурина для этой книжечки экслибрисом Е. и А. Павловских...

Заметное место в библиотеке Акчурина занимает фольклор, такие издания, как «Крылатые слова... По толкованию С. Мак-

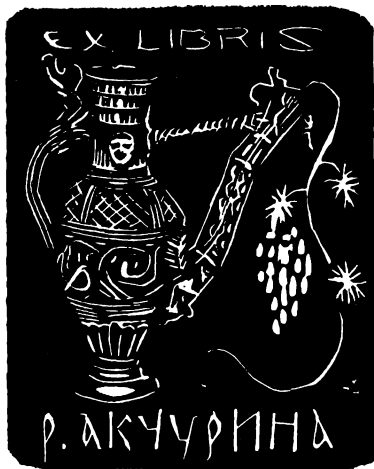
Экслибрис работы художника
А. С. Мистецкого. Киев

симова» (Спб., изд. А. Суворина, 1890), «Ходячие и меткие слова» М. Михельсона (Спб., типография имп. Академии Наук, 1896), «Наше вино. Народное творчество, посвященное винограду и вину» М. Урбани (Загреб, 1937), «Польский словарь пьяниц и антология Бахуса» Юлиана Тувиша (Варшава, 1959), и многие другие. Именно этот раздел библиотеки Р. Акчурина был основным «поставщиком» материала для его книги «Секреты солнечной ягоды», вышедшей в издательстве «Крым» (Симферополь) в 1965 г. В этой книге Роман Кириллович собрал многочисленные пословицы, поговорки, присловия, легенды о виноградной лозе и вине.

Показательно, что в рекомендательном списке книг в сборнике «Русские пословицы и поговорки» (М., «Наука», 1969) есть ссылки и на книги из библиотеки Акчурина.

В библиотеке Акчурина есть и политическая литература, и художественная, и научно-популярная... Но основу ее составляют книги, так или иначе связанные с темой винограда. Этой же теме посвящены и собранные Акчуриным сотни экслибрисов. Интересны книжный знак польского винодела Норберта Липоция с изображенными на нем орудиями труда винодела, португальского ученого-винодела Луиса Феррера Де Коста с изображением большого бута (бочки для вина), грузинского архитектора Цилосани — с орнаментом в виде виноградных листьев.

Своеобразным дополнением к книжному собранию Акчурина служат собранные им памятные медали, значки, монеты виноградарско-винодельческой тематики, орудия труда виноградарей разных стран и народов.

*Экслибрис работы художника
С. Чернова. Тамбов*

БИБЛИОТЕКА В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА

В тайнике одного из домов Черноморского переулка Ялты в 1956 г. была найдена большая группа книг XVIII—XIX вв. с экслибрисами и автографами В. М. Жемчужникова. Еще одна группа таких книг обнаружена позднее при разборе фондов дореволюционных изданий в Ялтинской городской библиотеке имени А. П. Чехова. Оказалось, что это не разрозненные экземпляры, как предполагалось вначале, а основное ядро библиотеки писателя-сатирика.

...Владимир Михайлович Жемчужников (1830—1884) вошел в историю нашей литературы как один из соавторов «Сочинений Козьмы Пруткова». Вместе со своими старшими братьями Алексеем и Александром, а также с двоюродным братом — поэтом А. К. Толстым — он создал пародийный образ Козьмы Пруткова. Владимир Михайлович был душой прутковского содружества. Его перу принадлежит 26 из 59 произведений Пруткова, в том числе наиболее злые пародии на бюрократов, псевдоученых и писателей-лжеромантиков. Он — автор «официального» Пруткова, его «Писем», «Предисловий», «Проекта: О введении единомыслия в России» — острой сатиры на самодержавно-крепостнический режим. Несколько произведений «Козьмы Пруткова» В. М. Жемчужников написал в соавторстве со своими братьями и А. К. Толстым.

Владимир Михайлович собирал подготовленные соавторами произведения Пруткова, окончательно дорабатывал их, собственноручно переписывал. Он готовил и редактировал первое отдельное издание «Полного собрания сочинений Козьмы Пруткова», вышедшее в свет в январе 1884 г. «...Отдельное издание К. Пруткова делается, собственно, моим

трудом, с просмотром брата моего Алексея», — писал В. М. Жемчужников издателю М. М. Стасюлевичу¹.

«Сочинения Козьмы Пруткова» получили высокую оценку А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого.

Читал «Козьму Пруткова» и неоднократно ссылался на его афоризмы В. И. Ленин.

Сатира создателей «Козьмы Пруткова» — А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых — и сегодня сохраняет свое значение как оружие в борьбе против безыдейности в литературе, против самодовольства, прожектерства и пошлости.

Библиотека поэта-сатирика испытала немало превратностей судьбы. После смерти В. М. Жемчужникова² (а возможно, еще при его жизни) она перешла к его наследникам или к семье А. К. Толстого и была перевезена из Петербурга в Крым, где А. К. Толстому принадлежало имение «Мелас». Часть книг Жемчужникова каким-то образом оказалась в составе других личных библиотек.

После революции книги В. М. Жемчужникова, как и некоторых других собраний, вошли в состав фонда Ялтинской городской библиотеки и отдельных общественных библиотек. Так, например, на книге «Описание обороны г. Севастополя. Составлено под руководством генерал-адъютанта Тотлебена, ч. II, отд. 1. Спб., 1868» кроме экслибриса В. М. Жемчужникова на титульном листе стоит круглая печать с надписью: «Коммунистический Союз Пролетарской Молодежи г. Ялты». Значит, это издание, да, видимо, и иные находились в Ялтинской комсомольской библиотеке.

Во время войны и гитлеровской оккупации Крыма некоторые книги из библиотеки Жемчужникова, особо ценные, советские патриоты-библиотекари намеренно рассредоточили среди массы других с тем, чтобы не обратить на них внимания оккупантов, а часть их бывший директор библиотеки П. А. Купецкий замуровал в стену своей квартиры в Черноморском переулке. Купецкий умер, в его квартире поселились другие люди, и книжный тайник много лет оставался неизвестным. Он был обнаружен только в 1956 г., при капитальном ремонте квартиры. Книги с экслибрисом Жемчужникова и некоторые другие из тайника снова перешли

¹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 4. Спб., 1912, с. 325.

² Поэт скончался 18 ноября 1884 г. и похоронен в Ницце, на русском кладбище.

в городскую библиотеку. Значительная часть книг поэта-сатирика во время войны и после оказалась утерянной.

Те книги, что были во время войны намеренно рассредоточены в общем фонде городской библиотеки, после войны долгое время находились в неизвестности. Лишь в 1965 г. почти вся коллекция книг из библиотеки В. М. Жемчужникова была выделена из общего фонда, собрана на особых полках, тогда же началось ее изучение.

Нам удалось обнаружить 152 тома с экслибрисом, автографами и пометками В. М. Жемчужникова, в том числе 27 томов XVIII в., из них 21 новиковское издание. Самая старая книга коллекции — «История Польская» Солиньяка, в переводе Ф. Эмина, напечатанная в 1766 г.

Конечно, у В. М. Жемчужникова было значительно больше книг. Об этом говорит и нумерация на сохранившихся экземплярах. Так, на каталоге книг А. Ф. Базунова 1871 г. — стоит: «отд. III, т. 457», на издании «Древняя и новая Россия», т. 2, 1878 г. — «отд. IV, т. 431». Следовательно, только в этих двух отделах насчитывалось не менее 888 книг. Кроме того, несомненно, был обширный отдел беллетристики. Значит, в библиотеке В. М. Жемчужникова имелось свыше тысячи книг, а, возможно, и несколько тысяч. Но и то, что дошло до нас от этого богатого собрания, представляет значительный интерес.

По своему составу библиотека В. М. Жемчужникова целиком отвечала характеру, склонностям и занятиям ее владельца. Она состояла из двух основных разделов — книг по истории и филологии. Напомним, что В. М. Жемчужников в свое время учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

На книжных полках поэта-сатирика стояли такие многотомные издания, как новиковская «Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся» 1788—1791 гг. в 20 частях; «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова, второе издание 1837—1843 гг. в 15 томах; «История государства Российского» Н. М. Карамзина 1818—1829 гг. в 12 томах, многотомные собрания русских летописей, «Актов исторических», «Актов, относящихся к истории Западной России», издания Общества истории и древностей Российских, сборник «Записки русских людей», изданный Н. Сахаровым, «Словарь достопамятных людей русской земли» Д. Бантыш-Каменского 1836 г. в

5 частях, «Сборник Муханова», второе издание 1866 г., «Киевский синопсис» 1836 г., «Библиотека иностранных писателей о России» 1836 г., «История русской словесности, преимущественно древней» С. Шевырева 1846 г., журнал «Древняя и новая Россия» 1875—1878 гг., книги по истории отдельных городов — Новгорода, Пскова, Смоленска, Костромы и т. д.

Вместе с поэтом А. К. Толстым В. М. Жемчужников вступил добровольцем в действующую армию во время Крымской войны 1853—1856 гг. Надо полагать, в связи с этим впоследствии и появилась в его библиотеке книга «Описание обороны г. Севастополя» Э. Тотлебена, 1868 г.

Другая существенная черта найденной книжной коллекции — ее библиофильский характер. Уже к новиковским изданиям, как и вообще к изданиям XVIII в., В. М. Жемчужников подходил не только как историк, но и как библиофил к редким и особо ценным книгам. Он не делает в них пометок, не ставит, как на книгах XIX в., своего автографа на титульных листах. Лишь экслибрис, аккуратно наклеенный в центре оборота первой корочки, да миниатюрная наклейка внизу корешка свидетельствуют о владельце книги.

Иногда В. М. Жемчужников приобретал книги с автографами их прежних владельцев, чем-то интересных и примечательных. Среди таких книг — «Жизнь графа Миниха» (1806 г.) с автографом «Т. Мальгин», «История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года...» с надписью начала XIX в. — «От Тургенева», видимо, входившая в библиотеку декабриста Н. И. Тургенева. Две книги П. И. Шафарика «Славянские древности» 1837 г. имеют овальную печатку с надписью «Граф Алексей Константинович Толстой». Они, надо полагать, были подарены В. М. Жемчужникову, на них наклеен его экслибрис.

Не только историко-филологическими, но и библиофильскими интересами владельца можно объяснить присутствие в жемчужниковской библиотеке сочинения В. Ундольского «Павел Григорьевич Демидов и его славяно-русская библиотека», библиографии В. И. Межова — первое и второе прибавления к систематическому каталогу русских книг, продающихся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова 1870—1871 гг. Сочинение Ундольского и особенно приложенный каталог книг демидовского собрания испещрены пометками Жемчужникова. Судя по ним, писателя

интересовала история создания библиотеки Демидовых, ее состав и дальнейшая судьба. Пометки библиофильского характера рассеяны и по другим изданиям XIX в.

В библиотеке В. М. Жемчужникова находился и шеститомник Жана Шарля Брюне о редких и ценных книгах, вышедший на французском языке (Париж, 1860—1865). Любопытна его судьба. Вначале шеститомник принадлежал Георгию Бахметеву³, экслибрис которого сохранился на всех шести томах с соответствующей латинской надписью. Затем книги Брюне приобрел В. М. Жемчужников. Его экслибрис наклеен на экслибрис Бахметева в центре оборота первой корочки.

И, наконец, мы видим здесь экслибрис третьего владельца библиофильского шеститомника — графа Дмитрия Капниста, ялтинского землевладельца. Он наклеен отдельно, в левом углу обратной стороны первой корочки. Видимо, Капнист приобрел издание Брюне после смерти В. М. Жемчужникова, уже тогда, когда библиотека последнего была перевезена на Южный берег Крыма.

У В. М. Жемчужникова была своя система обработки книг. Книги XVIII в. сохранялись в том же переплете (кожаном), в каком они были приобретены. Книги же XIX в. в большинстве своем заново переплетались, как правило, в плотный папочный переплет, покрытый «мраморной» бумагой нескольких расцветок, с корешком из красной кожи. На корешках золотом оттиснуты сверху фамилия автора, краткое заглавие сочинения, а внизу шифр, под которым книга хранится в библиотеке. Еще ниже оттиснуты инициалы «В. Ж.» — иногда мелкими, иногда более крупными лите-

Наклейка на книге библиотеки
В. М. Жемчужникова
с изображением герба

³ Не Бахметев ли это Георгий Петрович — позднее русский посол в Вашингтоне? (см. о нем: «Всемирная история», т. 8. М., 1961, с. 82).

рами. Во многих случаях на корешке внизу поставлена отпечатанная в типографии наклейка с текстом: «Владимир Михайлович Жемчужников. Отдел... т...». Сведения об отделе и номере тома поэт вписывал от руки.

Книги переплетались у нескольких мастеров, отсюда и различие в расцветке «мраморной» бумаги, манере изготовления корешков, рисунке и деталях тиснения на них.

В большинстве книг на обороте первой корочки или типографской обложки (если книга не переплетена) в центре наклеен экслибрис — дворянский герб Жемчужниковых, девиз «Правдой, любовью и честью», ниже герба надпись — «Владимир Михайлович Жемчужников», напечатанная каллиграфически курсивом в типографии. Внизу экслибриса владелец библиотеки вновь писал от руки «отд. №...» (В иных непереплетенных книгах экслибриса нет.)

Кроме этого, за небольшим исключением, писатель ставил свой автограф (рисунок) один или несколько раз чернилами, а в каких-то случаях тушью. Автографы стоят на первой чистой странице листа, предшествующего титулу, на титульном листе, на шмуцтитулах, а порой и в конце текста. Автографы эти трех видов: «Владимир Жемчужников», «Влад. Жемчужников», «В. Жемчужников». Цель их, надо полагать, — сохранить свою библиотеку от распыления. Они, как и экслибрис, помогли разыскать библиотеку писателя.

Не допуская каких-либо пометок в книгах XVIII в., которые он считал редкими и особо ценными, В. М. Жемчужников совершенно по-иному относился к современным ему изданиям. Тут он подби-

Наклейка на книге библиотеки
В. М. Жемчужникова

рал книги, нужные ему для повседневных занятий, и свободно распоряжался ими.

Из выпускаемых Обществом истории и древностей российских сборников («Чтений»), которые поэт регулярно получал и прочитывал, он изымал основные материалы и составлял из них искусственные сборники (конволюты), писал к ним свои оглавления и отдавал в переплет. В книгах XIX в. он делал поправки в тексте (исправлял опечатки, неточности в фактах, датах, фамилиях), помечал чем-то заинтересовавшие его слова, выражения, подчеркивал и отчеркивал отдельные места текста, писал заметки на полях, сноски, примечания, иногда оспаривал то или иное утверждение автора.

Писатель использует для пометок целую систему условных знаков. Он сам дал ключ к ним. Иногда против тех или иных мест текста стоят восклицательные или вопросительные знаки. Порой поэт использовал закладки — узкие полоски бумаги, на которые при чтении записывал страницы особо важных и заинтересовавших его мест книги. Такие закладки обнаружены во 2, 5 и 6-м томах «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Все рукописные пометки В. М. Жемчужникова можно разделить на четыре группы: 1) библиографического характера; 2) касающиеся исторических фактов и событий; 3) филологического характера; 4) пометки, имеющие прямое отношение к работе поэта над образом Козьмы Прутова.

Можно привести еще немало свидетельств того, как поэт ценил книгу, особенно редкую, интересовался ее судьбой, заботился о ее сохранении.

Чрезвычайно любопытны заметки на «Критико-литературном обозрении путешественников по России до 1700 года и их сочинений Фридриха Аделунга», опубликованном в 1846 г. Поэт не только ознакомился с обозрением, но и постарался выяснить, имеются ли указываемые Аделунгом книги в Петербургской Публичной библиотеке, в которой В. М. Жемчужников, надо полагать, занимался регулярно и основательно. И, очевидно, найдя их здесь, в отделе «Россика», прочитал в оригинале, а затем пометил в соответствующих местах публикации Аделунга шифр, под каким то или иное иностранное сочинение о России хранится в Публичной библиотеке. Против некоторых наименований сделана надпись, что данные сочинения переведены на русский

язык и напечатаны в сборниках «Чтения в обществе истории и древностей Российских». Так, к упомянутому Аделунгом сочинению Бареццо Бароцци 1606 г. Жемчужников добавляет на поле: «Перепечатано с изд. 1606 г. кн. М. Оболенск<им> с русск<им> переводом в Чт<ениях>... Год 3-й № 5» (173). Название «Трагедия Дмитрия Московита... 1614» сопровождается пометкой: «наход. в рукопис. переводе в Рум<янцевском> муз<ее>. Напечатано в Чт<ениях>... Год 3. № 2» (296). К фразе обзора о публикации в «Русском Вестнике» в 1841 г. № 8—9 статьи С. Коллинза «Нынешнее состояние России, описанное англичанином, который девять лет прожил при дворе Великого царя Русского» следует рукописная сноска: «и другой перевод... в Чт<ениях>...» (343). К упоминанию о дневнике Патрика Гордона периода 1655—1699 гг. дана сноска: «Переводится Поселтом на нем. яз. и издается в Петербурге» (365).

Против ряда названий иностранных сочинений о России, приведенных Аделунгом и хранящихся за рубежом, Жемчужников делает пометки: «достать» — о сочинении Лаурентия Лудения «Московия. История». 1640 г. (311), «перевести, если стоит» — о сочинении И. Пастория о казаках, напечатанном в Данциге в 1652 г. (312).

В ряде мест поэт отчеркивает выдержки из сочинений иностранцев о России, не соглашается с ними и пишет на полях свою реплику: «Вздор!» (315, 317).

Одна из деталей работы В. М. Жемчужникова с книгой Аделунга. Приклеенный на обратной стороне первой корочки переплета белый лист в начале был исписан карандашными пометками. Они от времени стерлись. Тогда владелец книги восстановил их, сделав записи темно-зеленоватыми чернилами до половины листа, где наклеил свой экслибрис и продолжив записи на двух приплетенных листах, т. е. на четырех страницах и на странице листа, наклеенного на последней корочке переплета. Эти записи — названия иностранных сочинений о России, находящихся в отделе «Россика» Публичной библиотеки. Некоторые из них упомянуты в обзоре Аделунга, иные — нет. Те, что упомянуты Аделунгом, имеют пометки шифра в тексте обзора и в этом рукописном оглавлении. Названо оно так: «В Публ<ичной> Библ<иотеке> №№. Отд<ел>, Шк<аф>, кн<ига>». Всего записано таким образом 111 названий. Уже эта деталь свидетельствует о большой добросовестности и тщательности работы с книгой поэта — ученого — библиофила.

Еще факт библиофильской деятельности В. М. Жемчужникова. Князь М. Оболенский в предисловии к сочинению Матвея Шаума о Лжедмитрии («Чтения». Год 3, № 5, стр. II) пишет: «Трагедия Дмитрия Московита»... напечатана в 1614 году, в Ростове... Мы думаем, что это издание принадлежит к числу величайших библиографических редкостей; по крайней мере нам неизвестно ни одной библиотеки, где бы можно было видеть эту книгу». В. М. Жемчужников делает тут же лаконичную, но довольно язвительную надпись: «Она есть в Публ. Библ. III $\frac{4}{411}$ » (т. е. хранится в Петербургской Публичной библиотеке под таким-то шифром).

В статье В. Ундольского о библиотеке П. Г. Демидова («Чтения». Год 2, № 2, с. III) подчеркнута фраза, что Демидов «успел составить изрядное собрание рукописей, к сожалению, погибших в 1812 году». Подчеркнуты и другие замечания Ундольского, адресованные библиофилам и библиографам. Отчеркнуты названия ряда книг в «Каталоге» демидовской библиотеки, в том числе «Древняя Российская Вивлиофика... изданная Никол<аем> Новиковым...» Пометки сделаны явно для того, чтобы приобрести эти и другие книги, всего 18 названий, что В. М. Жемчужников впоследствии и сделал.

Несомненный интерес представляют рукописные заметки поэта-сатирика на полях сочинений по истории России. Их особенно много в 9-м и 12-м томах «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. В. М. Жемчужников, работая над исторической литературой и источниками, критически переосмысливает важнейшие факты истории государства, характеризует его деятелей. Многие пометки писателя идут вразрез с официальной исторической наукой.

Ко всему тексту историка о казнях Грозного, бесчинствах опричнины, а также о стихийных бедствиях, посетивших тогда Россию (моровые поветрие, неурожай, нашествие мышей), Жемчужников, характеризуя эти события фразой «Египетские казни», делает на полях страницы 184 свое заключение: «Велик тот народ, который мог победить все эти бедствия..!»

Любопытны пометки в 12-м томе «Истории» Карамзина, характеризующие взгляды поэта-сатирика. Так, к строкам текста о победе нижегородцев в 1608 г. над войском Лжедмитрия и о том, что нижегородцы, взяв в плен приспешни-

ка самозванца князя Вяземского, немедленно повесили его как изменника, следует надпись: «Унижение звания княжеского и усиление народа» (138). По этому же поводу Жемчужников в своих замечаниях на последней чистой странице книги пишет: «Унижение звания княжеского нижегородцами, в коих видно вместе: благородство и сила народа, они были спасителями России».

В «Истории руссов, или Малой России» Георгия Конисского («Чтения», № 2. М., 1846) приведен любопытный эпизод. Гетман Петр Сагайдачный с помощью митрополита Петра Могилы возобновил «древнюю Киевскую Академию, заведенную со времен последнего крещения России, но от нашествия на Россию татар крившуюся в разных монастырях и пещерах». Жемчужников подчеркивает это место и делает сноску: «На это указание следует обратить большое внимание и исследовать его с большим вниманием», т. е. о существовании Академии в Киеве еще в IX—X вв. (48).

В той же книге, против фразы польского короля о том, что «грубые козаки вежливей и великодушней... нас, к стыду надменности нашей» — лаконичная надпись поэта: «Так! (114)».

Надо отметить живой интерес поэта к истории Украины. В его библиотеке много книг по истории Украины, запорожского казачества с пометками поэта.

Характерны критические заметки на полях «Истории русской словесности» С. П. Шевырева (1846). «Прутковское сообщество» (В. М. и А. М. Жемчужниковы и А. К. Толстой) выпустило не одну стрелу против «ученых» изысканий этого реакционера от литературоведения. Жемчужников в своих заметках на полях книги Шевырева оспаривает положения автора, возмущается его варварским языком, пишет язвительные реплики. Критика в рукописных заметках В. М. Жемчужникова перекликается со словами в рецензии Н. А. Добролюбова. «Как-таки ни разу не попасть в цель, вечно делать все мимо, и в великом, и в малом!», — писал о сочинениях С. П. Шевырева Добролюбов⁴. Раньше или позже Добролюбова написал Жемчужников свои заметки, но они носят примерно тот же характер.

«Слово о полку Игореве» привлекает пристальное внимание поэта. Он отмечает каждое упоминание его в литературе. Так, например, в «Псковской летописи» (М., 1837) от-

⁴ Добролюбов Н. А. Сочинения, т. 2. Спб., 1911, стлб. 1003.

черкнута фраза: «В лето 1513 бысть побоище великое под Оршею Москвичам. И воскликаша и возопиша жены Орешанки на трубы Московския, и слышаше быти стуку и грому велику межу Псковичам и Литвою. И вдарилася Бояре и Князи Руския з дивными удалцы сыновами Рускими на сильную рать Литовскую, и треснули копия Московския, и гремят мечи булатныя о шеломы Литовския! На поли Оршинском бысть неспособность Божие Москвичам...» К этому следует пометка: «Сравни Слово о Пол<ку> Иг<оре>», из которого взяты некоторые выражения целиком» (183).

Поэта интересует лексика «Слова». Отметив в статье М. Н. Макарова «Опыт русского простонародного словотолковника» («Чтения». Год 2-й, № 6, с. 14) выражение: «Болого» (лесом заросшая дорога), Жемчужников пишет: «Ср<авни> «Сл<ово> о Полку Игор<еве>»: — «бологом поросло» и т. д.

Поэт не соглашается с теми публикаторами, которые приводят древние документы в урезанном виде, делают произвольные сокращения. Так, в части первой «Русских достопамятностей» (М., 1815) опубликована грамота конца XIII в. «Правило Кирилла Митрополита Русского», причем ряд строк из ее текста выброшен, как объясняет редакция, — «по нескромности» его и заменен точками. В. М. Жемчужников пишет на полях свою реплику по поводу такого отношения к историческому документу: «Как глупо! Каждое слово древнего памятника принадлежит истории...» (111).

В нескольких выпусках сборника «Чтения в обществе истории и древностей Российских» помещена статья члена этого общества М. Н. Макарова «Опыт русского простонародного словотолковника». Поэт внимательнейшим образом прочитал ее, сделал массу отметок на полях знаком «с», видимо, чтобы записать нужные слова и фразы в свой словарь. Вместе с тем в ряде случаев он не соглашается с автором статьи, оспаривает его «толкование», дает свои объяснения. Так, по поводу пословицы «благоволить, да насорить» и замечания автора статьи, что «Евдокия в самом деле на греческом языке означает благоволение», дается рукописная сноска: «Все подобные выходки Макарова, видимо, выдуманы им самим» (31). Автор статьи полагает: агрус — крыжовник. «Иные сие слово переиначивают в огрыз...» Жемчужников замечает: «т. е. сам Макаров, желая объяснить это слово» (32). Макаров производит слово «армяк» от «армян» — следует рукописная реплика: «взор!»

(33). К толкованию слова «акудник» как «кудесник, проказник» — надпись: «Сказка!» (34). Макаров толкует: «Акула... акила (собственное имя) у римлян значит — орел» и «акула, окула — хвостун в Рязани». Жемчужников язвительно замечает: «И так — акула, окула — от Ока?» (34)⁵. В «Опыте... словотолковника» Макарова Жемчужников отметил на букву Б — 337 слов и выражений, В — 161, З — 174, Л — 236 и т. д.

Многие рукописные пометки поэта-сатирика непосредственно связаны с созданием «Козьмы Пруткова».

Большой языковой материал (архаические обороты, афоризмы, отдельные слова) дал составителям «Сочинений Козьмы Пруткова» «Домострой благовещенского попа Сильвестра», опубликованный во «Временнике Московского общества истории и древностей Российских» (М., 1849). Здесь В. М. Жемчужников отметил для своего словаря особенно много слов и выражений (на 57 страницах «Домостроя» — 867 карандашных пометок). Некоторые из них в том или ином виде использованы в стихах, в «Плодах раздумья» Пруткова, в «Церемониале...»

«Домострой» поучает: «а гостьи коли лучится, или самой где быти за столом сести, лучше платя переменить» (гл. 34). В «Плодах раздумья» Пруткова: «Отнюдь не принимай почетных гостей в разорванном халате» (120)⁶.

Своеобразными «заготовками» несомненно служили и такие отчеркнутые поэтом выражения «Домостроя»: «губами не сверкати», «ртом не чавкати» (3—4), «оговорщиком не попуцати» (68), «а питье в стол давати по приказу» (83), «отошед на сторону, вычистить нос, или выкашляться: ино не скаречно, и вежливо» (85), «А за доброе устроение и брежение любити и жаловати, всячески: доброму бы была честь, а худому гроза» (97), «Чево сам не любишь, того и другу не твори» (106) и т. д.

Сочетание древней речи с современной, «домостроевских» нравов и морали с нравами николаевско-александровской эпохи давало возможность поэтам-сатирикам, в частности В. М. Жемчужникову, создать исключительно колоритный и предельно выразительный по пародийной насы-

⁵ «Чтения». Год 2-й, № 1—4 (конволют).

⁶ Все ссылки на «Сочинения Козьмы Пруткова» даются по изданию 1959 г. (Гос. изд-во худож. литературы). Страницы указаны в тексте, после цитаты.

ценности язык стихотворений и афоризмов-поучений «Козьмы Пруtkова».

Широко использовал Жемчужников для создания своих пародий в «Пруtkове» «Записки Василия Александровича Нащокина» (Спб, 1842).

Фразу из «Записок Нащокина» о награждении орденами в послепетровское время Бона, Лессия, Сиверса и др. (стр. 24) Жемчужников сопровождает репликой на полях: «Немцы!» Такая же пометка стоит и на стр. 34, где говорится о новых назначениях и повышениях в армии. Всюду в тексте подчеркнуты немецкие фамилии. На стр. 226 в списке повышенных воинским чином подчеркнута 29 нерусских фамилий, в том числе «фон Глазноп (Глазенап)».

Позднее эти пометки о засилье немцев найдут воплощение в ряде произведений «Козьмы Пруtkова» и особенно отчетливо в басне «Разница вкусов»:

С ума ты сходишь
от Берлина;
Мне ж больше нравится
Медынь (28).

Найдет свое место в пародиях «Козьмы Пруtkова» и вездесущий фон Глазенап. Эта фамилия склоняется на все лады в «Военных афоризмах» поручика Фаддея Козьми-ча — сына «Пруtkова»:

Не бракуй рекрута за то, что ряб,
Не всякий в армии Глазенап (81).
Не говори в походе: я слаб,
Смотри, как шагает Глазенап... (85)

Конечно, основной материал для «Сочинений Козьмы Пруtkова» давала их авторам сама жизнь, непосредственные наблюдения над нравами и порядками эпохи, в которой они жили. Но и книги, как видно из сказанного, сослужили немалую роль в творчестве сатириков.

Пометки на книгах позволяют нам в определенной степени представить творческую лабораторию, в которой рождались произведения Пруtkова, в частности те из них, что создал В. М. Жемчужников. Именно в этом особое значение ялтинской коллекции книг из библиотеки В. М. Жемчужникова, хранящих на себе следы его литературных занятий.

В. В. Кунин

ДВЕ БИБЛИОТЕКИ
ДМИТРИЯ ПЕТРОВИЧА БУТУРЛИНА

Библиофилы пушкинского времени

В начале 1973 г. в Москве во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы отыскалась (сначала неверно каталогизированная, а потому скрывшаяся от читателей) удивительная книга; она и в свет-то в сущности никогда не выходила, потом сгорела вместе с огромной коллекцией во время московского пожара 1812 г., позднее в составе другого знаменитого книжного собрания была продана с аукциона в Лейпциге в 1873 г. и вдруг появилась в букинистическом магазине на ул. Качалова несколько лет назад, где и была куплена библиотекой.

Речь идет о библиофильском каталоге. Литература этого рода выпускалась ничтожно малыми тиражами, носила на себе особенно заметную печать индивидуальности библиофила-составителя и распространялась прежде всего не среди случайных покупателей, а среди друзей и знакомых, соратников по библиофильскому цеху. Все это заранее предопределяло чрезвычайную редкость и особую ценность каждого экземпляра подобных изданий, снабженного, по обычаю, либо автографом составителя, либо пометами и примечаниями разных владельцев, либо тем и другим вместе. Множество любопытных библиографических историй приключилось с этими каталогами, некоторые из них хорошо известны, другие ждут еще своих рассказчиков. В данном случае дело осложняется тем, что каталог так и не был официально напечатан, и все же он существует, дожидаясь наших дней. Сохранился, по-видимому, не только тот экземпляр, который купила библиотека, но и еще несколько. Читатель скорее оценит значение этой старой, редчайшей, хотя, как увидим, далекой от совершенства книги, и пред-

ставит себе истинное чудо ее сохранения, когда узнает судьбу коллекций Д. П. Бутурлина. Но сначала два предварительных замечания.

Во-первых. Хорошо известны и подробно описаны (хотя теперь весьма редки) четыре каталога библиотек Д. П. Бутурлина: два каталога его московской библиотеки и два — флорентийской. Но упомянутая книга представляет собой не один из этих четырех, а редчайший из редких — пятый каталог.

Во-вторых. Вновь обнаруженный экземпляр «таинственного» каталога снабжен экслибрисом и объяснительной запиской другого знаменитого русского собирателя книг — Сергея Александровича Соболевского¹. Это еще раз говорит и о том, сколь многим мы обязаны библиофилам — спасителям книжных сокровищ, и о том, сколь тесно связаны между собой собиратели книг, принадлежащие к разным поколениям.

КРЕСТНИК ИМПЕРАТРИЦЫ

Д. П. Бутурлин (14.XII 1763—7.XI 1829) принадлежал к роду знаменитому, чиновному и очень богатому. Дед его Александр Борисович Бутурлин за взятие Берлина в Семилетнюю войну был возведен в графское достоинство и получил звание фельдмаршала. Родня со стороны рано умершей матери Марии Романовны Воронцовой и подавно хорошо известна в истории России — канцлер Александр Романович Воронцов, дипломат Семен Романович, президент Академии наук при Екатерине II — Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова.

Крестник самой Екатерины II, Дмитрий Петрович мог рассчитывать на карьеру поистине головокружительную. Так оно поначалу и пошло — окончив петербургский кадетский корпус, он был определен адъютантом к Потемкину. Но уже через несколько недель перешел в гражданскую службу, а вскоре вышел в отставку и занялся садоводством и составлением библиотеки, слава которой вскоре стала общеевропейской. Бутурлин уже никогда более не служил: в 1803 г. был назначен российским послом при папском дворе, но посольство так и не состоялось; вскоре, несмотря на настоятельные уговоры канцлера Н. П. Румянцева, отказался возглавить русскую миссию в Штутгарте, потом числился

¹ Альманах библиофила. М., «Книга», 1973, с. 78.

директором Императорского Эрмитажа, куда совсем не показывался.

Что же произошло с отпрыском столь знатного рода? В своих воспоминаниях младший сын его, Михаил Дмитриевич Бутурлин, сообщает: «Увлёкшись в молодости либеральными теориями, вызвавшими Французскую революцию, отец умолял императрицу отпустить его в Париж, в чем она ему отказала, и за что он, рассердившись, оставил службу и переехал на жительство в Москву». Известно, что старшие родственники Д. П. Бутурлина проявляли живой интерес к идеям Французской революции, а любимый дядюшка и воспитатель А. Р. Воронцов был одним из первых читателей и почитателей Вольтера в России, так что направление мыслей юного Дмитрия Петровича вполне объяснимо.

Небезынтересное свидетельство о его ранней молодости, проливающее свет на дальнейшую его судьбу, встречаем в знаменитых записках Л. Н. Энгельгардта. Автор рассказывает: «В течение сего времени (1785 г.—В. К.) случилось следующее происшествие: фрейлина Эльмт, г-жа Дивова, брат ее флигель-адъютант кн. Потемкина гр. Д. П. Бутурлин и некоторые другие сделали на многих знатных людей сатиру в рисунках с острыми, язвительными и оскорбительными надписями для многих лиц, в которой не пощажена и сама императрица. Долго не находили сочинителей сего пасквиля, а в удовлетворение более потерпевших бесславия оный сожжен был на эшафоте палачом. Но по некотором времени парикмахер, убирая фрейлину Эльмт и имея надобность в бумагах на папильоты, взглянул в угол и, видя разорванные лоскуты бумаги, хотел оные употребить, но взявши их, увидел рисунки лиц, подобрал все и представил обер-гофмаршалу, который узнал ту сатиру, надписанную рукою фрейлины Эльмт, донес императрице, почему и открылись все авторы. Фрейлину Эльмт, как говорили, обер-гофмейстерина высекла розгами... Дивова с мужем удалены из столицы; граф Бутурлин отставлен с запрещением въезжать в местопребывание государыни».

Так, закончив карьеру в возрасте 22 лет, крестник императрицы поселился в собственном московском доме в Немецкой слободе, где, как писал Пушкин, «пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству». Здесь прожил он безвыездно (не считая летних поездок в подмосковное Белкино и ред-

Портрет Д. Бугурлина работы неизвестного художника
(из коллекции Ю. Б. Шмарова)

ких наведываний в столицу) более четверти века и сумел собрать богатейшую универсальную библиотеку. За долгие годы, при трех императорах, ему не раз представлялась возможность вернуться к активной деятельности, но он твердо предпочел библиофильское отшельничество, ибо принадлежал к поколению русских дворян, «воспитавшихся в сумерках XVIII века, несших в своем сознании идеи великих французских просветителей, но уже отмеченных печатью неверия во всемогущество разума. Они могли быть историками и естествоиспытателями, социологами и политическими деятелями,— но сладостной и недостижимой мечтой их оставался мир «уединения, молчания и любви»... мир чувств и нравственных размышлений»².

В отличие от многих других людей этого поколения Дмитрий Петрович Бутурлин свой идеал осуществил с полной последовательностью, и прежде всего — через собирательство книг. Обладая немалыми средствами и связями, он сосредоточил в Москве книжную коллекцию, с которой по подбору ценных библиофильских изданий мало какая другая частная коллекция в Европе могла бы сравниться. При всем том, что в так называемом «аристократическом библиофильстве» всегда присутствовали и веяния моды, и духовная пресыщенность, а нередко и собственнический элемент, все же многие собиратели-аристократы сыграли свою роль в истории культуры. Заметнее всего это проявилось в тех случаях, когда их коллекции оказались в конце концов основой публичных библиотек и поныне служат народу. Собрания Д. П. Бутурлина постигла иная судьба, но, как мы попытаемся показать, и они заслужили право на внимание книговедов и историков культуры.

Вся библиотека (по каталогу 1805 г.) делилась на шесть больших разделов: 1. Теология (319 номеров). 2. Юриспруденция (88). 3. Науки и искусства (926). 4. Беллетристика (1213). 5. История (1446) 6. Рукописи (24). Знаток и любитель-садовод, Бутурлин хранил в особом здании в глубине своего большого московского сада единственную в своем роде библиотеку изданий по садоводству, выпущенных в разные времена. В целом это было типичное собрание крупного европейского библиофила XVIII века, стремившегося

² Эту точную характеристику заимствую из книги В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона «Сквозь „умственные плотины“». (М., «Книга», 1972, с. 48, 49).

иметь у себя на полках «все лучшие книги в лучшем виде по всем отраслям знания». И хотя классической литературе и истории уделялось преимущественное внимание, ни одна наука не оказывалась забытой.

Стремясь прежде всего к полноте подбора, Бутурлин в то же время позволял себе несомненное библиофильское щегольство: он собрал, например, столько изданий Вергилия, что они одни представляли собой достойную коллекцию; у него было до полусотни изданий Библии, в том числе редчайшие экземпляры; гордость библиотеки составляло полное собрание церковных летописей — 40 томов in folio, а также знаменитые путешествия, изданные фирмой де Бри. С особым тщанием Дмитрий Петрович собирал издания знаменитых типографщиков: Альдов, Эльзевиров, Дидо, Бодони, Баскервилля и других. Впрочем, по этой части еще богаче была его вторая, флорентийская библиотека. Инкунабулов в московской коллекции было несколько сот названий. Хотя вся библиотека была на западных языках — французском, английском, итальянском, испанском, — а русские книги, если и комплектовались, ни в один каталог не вошли, но с традиционным для русских библиофилов энтузиазмом Бутурлин отыскивал и покупал «Россику» — все, что написано о России учеными и путешественниками других стран.

Комплектовать библиотеку и сосредоточить все эти книжные сокровища в Москве помогала Д. П. Бутурлину прежде всего свобода в средствах — к тому времени накопленные предками богатства еще полностью сохранялись в роде Бутурлиных, они были безвозвратно утрачены лишь в следующем поколении. К тому же, на протяжении очень долгих лет на посту русского посла в Лондоне пребывал дядя Д. П. Бутурлина — С. Р. Воронцов.

Вот что писал, например, С. Р. Воронцов брату из Лондона в самый разгар революционных событий в Париже: «Посылаю Вам... брошюры о Франции, между которыми имеются ужасы насчет несчастной королевы. Будьте убеждены, что не оставлю Вас в неизвестности ни об одной работе, которая имеет отношение к теперешнему положению Франции и Европы». СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность С. Р. Воронцова и в еще большей степени — русского посла в Париже Г. Симолина, который систематически переправлял императрице первоклассные книжные редкости, привела к тому, что наши книгохранилища и поныне обладают непо-

вторимой коллекцией редких изданий времен Французской революции. Позже книги привозили в Россию нелегально, поскольку Павел I вообще запретил ввоз какой бы то ни было иностранной литературы. Д. П. Бутурлин горько сетовал в письме к А. Р. Воронцову: «Указ... запретил ввоз всех французских книг на любую тему, так же как и нот со словами и без слов и все это до нового указа. Книгопродавцы в отчаянии. Мы знаем, вы и я, что это можно сказать и о любителях книг».

Содержимое книжных посылок С. Р. Воронцова попадало, конечно, прежде всего в знаменитую коллекцию самих Воронцовых, но кое-что доставалось и Бутурлину. Главное же, с помощью лондонского дядюшки он завязал прочные связи с зарубежными книжными фирмами. Это было особенно важно в тот период потому, что многие и многие книжные чудеса Запада оказались разнесенными по свету Французской революцией. Сам Бутурлин писал в предисловии к каталогу 1805 г.: «Смутам на Юге Север обязан стяжанием многих редкостей по всем отраслям наук. Без этого эти сокровища остались бы на месте, не достигли бы до нас. Несколько их погибло в дальном пути, многие же, почитаемые погибшими, может быть, снова появятся далеко от своего отечества. Все в природе подвержено таким переменам, и книга имеет свою судьбу». Автор предисловия и в самом деле как в воду глядел: судьба его книг менее чем через десятилетие после публикации каталога сложилась трагически. Привезенные некогда из Франции, они либо погибли в Москве от рук французов, либо вновь оказались на Западе, и время от времени то одна, то другая из них возвращается в Россию.

Д. П. Бутурлин никогда не гнушался дублетами в своей коллекции, он долго собирался, да так и не успел полностью расстаться с ними. Своеобразно решал он и возникающую для каждого крупного коллекционера проблему, одалживать ли книги друзьям и знакомым. Об этом вспоминал П. А. Вяземский: «Дмитрий Петрович никогда не выпускал из дома ни единой книги. Когда по каким-либо уважениям, он не признавал возможным отказать лицу, просившему его одолжить книгою для прочтения, он покупал другой экземпляр этой книги и отдавал на жертву просителю, свято однако соблюдая неприкосновенность своего книгохранилища». Правда, есть свидетельства, что библиофильская «жадность» (впрочем, многими знатоками оправдываемая)

была у Бутурлина не столь уж абсолютной. Вот что писал он своему приятелю и сотоварищу по библиографическим интересам А. Н. Ленину: «Вы хорошо делаете, что приводите в порядок ваши собственные книги, потому что действуя таким образом, вы мне возвратите мои книги». И несколько позже, уже встревоженно: «Вы меня обяжете, наконец, присылкою моих книг. Это заблудшие овцы, которым нужно возвратиться в овчарню». Между прочим, свою «овчарню» Бутурлин и не думал держать запертою. Один из путешественников (Рейнбек), побывавший у Бутурлина в Москве в начале прошлого века, отмечает: «Библиотека... несмотря на огромность зал, зимою постоянно отоплена. Довольно легко получить дозволение пользоваться ею. Здесь книги собраны не только для тщеславия; хозяин сам пользуется ими и предоставляет их другим. Заведует библиотекою г. Ронка и получает за это значительное жалованье...»

Добавим, что, подобно западноевропейским библиофилам своего времени, Бутурлин завел переплетную мастерскую, где проявляли свое искусство и приглашенные иностранцы, и переплетчики из крепостных. Переплеты, выполненные ими, отличались отнюдь не показной роскошью, а скорее добротностью и несомненным художественным вкусом.

По отзывам современников, Д. П. Бутурлин был высокообразованным человеком, способным многое почерпнуть из собираемых им книг. П. А. Вяземский, например, вспоминает: «В страсти его к книгам была отличительная черта: он сам читал их и на разных языках. Книжная память его была изумительна, он помнил, на какой странице находились мало-мальски замечательные слова». Действительно, памятью русский библиофил отличался поразительной и мог бы сравниться в этом, пожалуй, даже со знаменитым флорентийским библиотекарем Маггиабеччи, который, как гласит легенда, знал наизусть всю библиотеку, вверенную его попечениям. Впоследствии, оказавшись на родине Маггиабеччи и заканчивая свой жизненный путь, Дмитрий Петрович говаривал, что с юных лет до старости «ни разу не ложился спать без того, чтобы не приобрести какого-нибудь нового познания в течение дня». Любил он там, в Италии, повторять известные слова Петрарки: «Нельзя держать книги запертыми, словно в тюрьме, они должны непременно переходить из библиотеки в память».

Ну, а пока в допожарной Москве Дмитрий Петрович Бутурлин, облачившись в длиннополый широкий сюртук толстого белого пике, с белыми пуговицами, в строго определенный час отправлялся из своего слободского дома на Кузнецкий мост к книгопродавцу Рису и, потолковав с ним и с обычными его посетителями, знатными московскими библиофилами, о библиографических новостях, продолжал свой путь далее — к часовщику Феррие, антиквару Негри, потом на Лубянку к знаменитому впоследствии в Москве продавцу художественных и антикварных вещей Лухманову. Этот Лухманов открыл свою торговлю в конце XVIII в. с легкой руки Бутурлина, одолжившего ему небольшую сумму на покупку какой-то вещи. Закончив объезд посещениями своей сестры Дивовой, он возвращался в Немецкую слободу и более уже не выезжал, занимаясь чтением, библиографией, уходом за редкостным своим садом, беседой с многочисленными гостями...

Здесь мы прервем идиллическое описание библиофильских развлечений богатого московского барина, чтобы привести одно высказывание, которое хотя и прозвучит резким диссонансом со всем предыдущим и последующим, но, надо надеяться, поможет установить действительную цену собирательской деятельности крупнейшего русского библиофила последней четверти XVIII — первой четверти XIX в.

БЫЛ ЛИ ПРАВ БАТЮШКОВ?

В известной статье «Прогулка по Москве» (1811 г.) совсем юный еще поэт Константин Николаевич Батюшков, который, впервые знакомясь под руководством П. А. Вяземского и А. И. Тургенева с древней русской столицей, побывал и у Бутурлина, писал: «...Здесь пред нами огромные палаты с высокими мраморными столбами, с большим подъездом. Этот дом открыт для всякого, кто может сказать роскошному Амфитриону:

Присоедините немножко вашей бесполезности
К бремени моей праздности!

Хозяин целый день зевает у камина, между тем как вокруг его все в движении: роговая музыка гремит на хорах, вся челядь в галунах, и роскошь опрокинула на стол полный рог изобилия. В этом человеке все страсти исчезли, его

сердце, его ум и душа изнашивались и обветшали. Самое самолюбие его оставило. Он, конечно, великий философ, если совершенное равнодушие посреди образованного общества можно назвать мудростью. Он окружен ласкателями, иностранцами и шарлатанами, которых он презирает от всей души, но без них обойтись не может. Его тупоумие невероятно. Пользуясь всеми выгодами знатного состояния, которым он обязан предкам своим, он даже не знает, в каких губерниях находятся его деревни; зато знает по пальцам все подробности двора Людовика XIV по запискам Сен-Симона, перечтет всех любовниц его и регента, одну после другой и назовет все парижские улицы. Его дом можно назвать гостиницей праздности, шума и новостей, посреди которых хозяин осужден на вечную скуку и вечное бездействие. Вот следствие роскоши и праздности в сей обширнейшей из столиц, в сем малом мире!»

Социальная точность и острота характеристики московского барства, данной в статье Батюшкова, не вызывают ни малейших сомнений. Зрелость мысли и наблюдательность юного поэта заслуживают лишь восхищения. Но прав ли Батюшков в конкретной оценке личности Дмитрия Петровича Бутурлина, не допустил ли он здесь, как сказали бы теперь, полемического преувеличения? И самое главное — была ли собирательская деятельность тем смягчающим вину обстоятельством, которое дает Бутурлину право хотя бы на частичное оправдание в глазах потомства?

Зададимся в связи с этим более общим вопросом: оставляет ли достойный след в культурной истории библиофил, коллекция которого по тем или иным причинам исчезла или рассыпалась? Ведь всякое собирательство для себя одного, лишенное «выхода» к современникам или потомкам, бесплодно. Но в том-то и дело, что пример Бутурлина, как увидим, доказывает, что книжное собирательство само по себе, даже не связанное с какой-либо другой деятельностью библиофила, подчас оказывается важной страницей истории страны, которой оно принадлежит.

Имеет смысл уточнить: что за круг людей пользовался библиотекой Бутурлина, кто именно черпал из того источника мысли, знания, благородства, какой являют собой книги, и как эти люди относились к Бутурлину.

П. А. Вяземский писал о Бутурлине: «...были у него два особенные свойства, лингвистическое и топографическое. Не только знал он твердо многие европейские языки, но и

различные их областные наречия... Никогда еще не выезжавши из России, он хранил в памяти планы первейших столиц и городов в Европе... Это служило часто поводом к забавным мистификациям над иностранцами, посещавшими Москву. Он закидывал их сведениями и выдавал себя за человека, объехавшего всю Европу... Каково же было изумление слушателей, когда узнавали они, что этот полиглот, что этот наблюдательный странствователь никогда не переступал русской границы».

Иностранцы восхищались и библиотекой, и познаниями хозяина дома, и традиционным московским хлебосольством и разносили славу русского библиофила далеко по свету. Среди иностранных посетителей дома в Немецкой слободе были люди небезызвестные. Например, в октябре 1800 г. в Москве побывала знаменитая французская художница Виже-Лебрен, работавшая тогда в Петербурге. Ее мемуары живым примером подтверждают общую характеристику, данную Вяземским: «Граф Бутурлин был одним из самых выдающихся людей по своей учености и знаниям,— пишет Виже-Лебрен.— Он говорил с удивительной легкостью на многих языках, а разнообразнейшие сведения придавали его разговору чрезвычайную прелесть; но это его преимущество несколько не мешало ему отменно держаться просто, равно как и принимать радушно всех своих гостей. У него была в Москве огромная библиотека, состоявшая из различных иностранных и самых дорогих книг; память его была такова, что если он упоминал о каком-нибудь историческом факте, то он сейчас же прибавлял, из какой именно книги он это знает и где именно, в какой зале и на какой полке стоит эта книга... Я это испытала на себе, когда он говорил со мною о Париже, о его памятниках и достопримечательностях и даже вскричала: не может быть, чтобы вы не были в Париже!»

Что же касается москвичей, то на субботах у Бутурлина собирался весь цвет дворянской интеллигенции. Сам он в юности ездил с отцом в деревню к опальному Н. И. Новикову, а теперь и к нему привозил сыновей ректор Московского университета И. П. Тургенев, заезжали И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин, старших детей обучал русской словесности будущий составитель знаменитых словарей Евгений Болховитинов, и, что для нас, может быть, самое главное, навевались братья Василий Львович Пушкин и Сергей Львович Пушкин с семейством. На этот счет существ-

вуют воспоминания старого москвича, оставившего много ярких зарисовок московского быта, М. Н. Макарова.

«Подле самого Яузского моста, т. е. не проезжая его к Головинскому дворцу, почти на самой Яузе в каком-то полукирпичном полудеревянном доме жил Сергей Львович Пушкин, и вот все гости, которые бывали тогда на субботах у Бутурлина, бывали и у Пушкиных. Дом Бутурлина и дом Пушкиных имели какую-то старинную связь, стену о стену, знакомство короткое...» (Действительно, связи были достаточно тесные: Пушкины — дальние родственники Бутурлиных, жена Бутурлина Анна Артемьевна — ближайшая подруга Надежды Осиповны, а отец ее Артемий Иванович Воронцов — восприемник будущего поэта при крещении.)

Однако у Макарова есть и еще более любопытные для нас строки, связанные с пребыванием одиннадцатилетнего Пушкина в библиотеке Бутурлина. Мемуарист свидетельствует: «В теплый майский вечер мы сидели в московском саду Бутурлина. Молодой Пушкин тут же резвился как дитя с детьми. Известный граф П. упомянул о даре стихотворства в Александре Сергеевиче. Графиня Анна Артемьевна Бутурлина, необыкновенная женщина в светском обращении и приветливости, чтобы как-нибудь не огорчить молодого поэта может быть нескромным словом о его пиитическом даре, обращалась с похвалою только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтобы он показывал нам свои стихи. Зато множество живших у графини молодых девушек, иностранок и русских, почти тут же окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтобы он написал для них хоть что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто NN, желая поправить это замешательство, прочел детский катрен поэта и прочел по-своему, по образцу высокой речи на о. Александр Сергеевич успел только сказать *ah mon Dieu* и выбежал... Я нашел его в огромной библиотеке Дмитрия Петровича, он разглядывал затылки сафьяновых переплетов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и сказал что-то о книгах. Он отвечал мне: поверите ли, этот господин так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков,

Вошел Дмитрий Петрович с детьми, чтобы показать им картинки какого-то фолианта. Пушкин присоединился к ним, но очень скоро ушел домой».

Если вспомнить, что в девять лет Пушкин читал во французских переводах Плутарха и Илиаду, а в одиннадцать — хорошо знал французскую литературу, то можно

будет с большой долей вероятности предположить, что с библиотекой Бутурлина он в последний предлицейский годзнакомился вовсе не только по книжным затылкам. Это была первая по времени большая библиофильская коллекция в ряду тех, с которыми повстречался на своем жизненном пути великий поэт (если не считать библиотеки Василия Львовича Пушкина, которую, как признанный знаток, осматривал и высоко оценил Бутурлин).

Таким образом, культурная среда, существовавшая вокруг библиотеки Бутурлина, была средой не только богатых собирателей книг — Разумовских, Демидовых, Головкиных, Юсуповых, а также иностранных путешественников, ученых, литераторов, посещавших Москву, но и самых образованных людей эпохи — Карамзина, Дмитриева, Вяземского, Тургеневых, средой, воспитавшей Пушкина.

КАТАЛОГИ, ИЛИ ПСИХОЛОГИЯ КНИЖНОГО СОБИРАТЕЛЬСТВА

Память о культурных ценностях сохраняется по-разному: писатель счастлив, когда рукопись стала книгой и ушла к читателю, живописец — когда картина выставлена для обозрения, музыкант — когда произведение его обрело слушателей. Для библиофила был и остается только один путь сохранения своих трудов — составление и публикация каталога, лучше всего с комментариями и подробными библиографическими сведениями о собранных изданиях и конкретных экземплярах. Есть, конечно, и другой, казалось бы, более надежный путь — сохранение самой коллекции в полном составе. Но о скольких книжных собраниях, частных и государственных, погибших на дорогах истории, мы можем судить лишь по сохранившимся каталогам! Д. П. Бутурлин едва ли не раньше всех в России понял это, во всяком случае первый каталог его библиотеки, выпущенный в Петербурге в 1794 г., был и первым русским изданием такого рода.

«Я работал над своим трудом в течение трех лет и вот теперь я вижу свое вознаграждение в каталоге», — писал он А. Р. Воронцову. В каталоге 1794 г. нет еще ни рубрики, ни оглавления, ни номеров у каждой записи, но он интересен как первая попытка фиксации плодов собирательских усилий. Определенную ценность в этом издании представляет также раскрытие содержания нескольких тематических сборников (конволютов), составленных самим

Бутурлиным. Редчайшие сохранившиеся экземпляры каталога подписаны владельцем библиотеки и преподнесены им в дар знакомым (в библиотеке им. В. И. Ленина хранится, например, экземпляр с дарственной надписью Бутурлина — А. Головкину). Такова уж судьба всех каталогов московской библиотеки Бутурлина — до наших дней дошли лишь экземпляры, подаренные владельцем друзьям, поскольку весь остальной тираж хранился у него в доме и погиб вместе с библиотекой.

Разумеется, Бутурлина, хорошо знакомого с достижениями европейской библиографии и каталогизации, не мог удовлетворить «глухой», лишенный пояснений, каталог 1794 г. Кроме того, и сама коллекция росла с каждым годом, поэтому в начале XIX столетия он обращается к знаменитому французскому библиографу Барбье с просьбой приехать в Москву, познакомиться с библиотекой и подготовить второй, аннотированный ее каталог. К этому изданию Бутурлин рассчитывал написать предисловие, в котором будут сформулированы его взгляды на собирательство книг, и подготовить библиографические справки к некоторым номерам каталога.

Все эти планы были осуществлены, и в 1805 г. отредактированный Барбье каталог вышел в свет в Париже с предисловием владельца. В нем на 604 страницах описаны 4003 названия книг и 24 рукописи, входившие к тому времени в состав библиотеки. Дана превосходная дробная схема содержания и азбучный указатель имен авторов и заглавий анонимных сочинений.

Приведем здесь хотя бы одно библиографическое примечание Бутурлина, относящееся к № 46 по каталогу 1805 г.:

«Новый Завет. Параллельный текст на голландском и славянском языках. Гаага, 1717. 2 тома в одной книге in folio.

Редкость чрезвычайная, почти не известная библиографам. Этот «Новый Завет» был заказан Петром I. Будучи в Голландии, Петр поручил печатание книги типографу Ван-Дюрену, о чем свидетельствуют титульный лист и посвятельная надпись. Книга была выпущена, голландский текст был отпечатан на половине каждой страницы, другая половина оставалась пустой. В таком виде книга была перевезена из Голландии в Россию. Петр повелел немедленно набрать и отпечатать славянский текст на оставленных

незаполненными частях страниц. Однако вскоре выяснилось, что и по объему и по содержанию голландский текст не соответствует славянскому. В дело вмешался Священный Синод, объявивший, что реформированная церковь никак не может считаться ортодоксальной. Против этого резюме возражать было нельзя, и все экземпляры, прибывшие из Голландии, были уничтожены». «Сомнительно,— замечает Бутурлин,— чтобы существовало более 4-х экземпляров этой книги. Прошли годы, странный Завет стал диковинкой и раритетом из раритетов». Владелец редкости с гордостью добавляет: «А мой экземпляр отменной сохранности!» Разумеется, в наше время все петровские издания хорошо известны, все сохранившиеся экземпляры наперечет, но тогда библиографические примечания такого рода, основанные не только на знании дела, но и на первоклассных находках, представляли исключительный интерес.

Бутурлин вообще много и глубоко занимался библиографией. В письме к А. Н. Оленину он писал: «У меня хранятся целые стопы, написанные мною в течение 25 лет по библиографическим предметам. Это лишь докажет моим детям, что я много читал и более ничего, но в свое время такая работа забавляла меня. Мне показалось, что была тут польза и некоторая слава». Увы, почти ничего из записок Бутурлина не досталось ни его детям, ни ценителям библиографии; все это безвозвратно утрачено, но его письмо к Оленину лишний раз показывает, что серьезный собиратель книг не может не быть библиографом: формируя коллекцию, он неизбежно совершает постоянную библиографическую работу.

Разумеется, каждый сохранившийся экземпляр каталога 1805 г. любопытен для библиографов и историков. Назовем два из них. Один, купленный известным русским библиофилом Н. Смирновым и оказавшийся теперь в библиотеке им. В. И. Ленина, принадлежал некогда самому редактору издания А. Барбье и хранит на титульном листе его собственноручную запись. Сожалея о гибели библиотеки Д. П. Бутурлина, Барбье пишет: «Очевидно, что за исключением экземпляров этого каталога, подаренных Бутурлиным своим друзьям, все издание, присланное в Москву, разделило судьбу библиотеки. Поэтому можно рассматривать этот каталог как большую редкость».

Второй экземпляр (он хранится ныне в Библиотеке иностранной литературы) представляет не меньший интерес.

На оборотной стороне переплета сохранилась надпись Д. П. Бутурлина: «Платону Петровичу Бекетову». П. П. Бекетов был историком, первым председателем Общества истории и древностей российских, издателем и знатоком книги. Этот экземпляр заставляет вспомнить еще об одном «библиофильском центре» допожарной Москвы, что помещался в доме на Кузнецком мосту. Уже упоминавшийся М. Н. Макаров рассказывает: «Дом Ларивона Ивановича Воронцова достался богатой помещице Бекетовой. Тихо жила старушка, но на половине пасынка ее Платона Петровича Бекетова, мужа, известного любовью к наукам, родилась сладкая беседа с Карамзиным, с Дмитриевым; все литераторы, все артисты нашли приют у Бекетова. В одном из флигелей своего дома он завел типографию, лучшую в то время по всей Москве, в другом флигеле между чепцами и шляпками открылась его книжная лавка — сборный путь писцов и писателей того же времени». Вот о чем напоминает этот экземпляр каталога. И еще — о нерушимой цепи времен — описание библиотеки, в которой мальчиком побывал Пушкин, сохранилось в семье близкого знакомого Радищева и одного из предков (пусть и не прямого) Александра Блока. Кстати, ведь и библиотека Бекетова погибла в пожаре 1812 года. Вот уж подлинно: «рукописи не горят»!

* * *

Каталог 1805 г. для каждого его читателя в прошлом, да и в наши дни, интересен не только сам по себе, но и тем ярким психологическим портретом библиофила, который нарисован в предисловии к нему. В сущности это предисловие дает основание считать Бутурлина не только одним из первых крупных русских собирателей, но и одним из первых теоретиков библиофильства в России.

Бутурлин, например, достаточно четко классифицировал стимулы собирательства:

Во-первых. Книги — инструмент для научных занятий собирателя: «Вышедши из детского возраста, я находил удовольствие в науках, и учение всегда для меня было не только отдохновением, но истинною необходимостью. Это одно из важнейших побуждений».

Во-вторых. Книги дополняют, а в иных обстоятельствах и заменяют собирателю общение с живыми людьми: «В воз-

расте страстей и заблуждений я постоянно находил спокойствие и истину в беседе с моими книгами. Они тогда заменяли мне друзей, наставников и руководителей».

В-третьих. В преклонном возрасте библиофил найдет в своих книгах утешение и сможет с их помощью осмыслить опыты жизни: «От них также ожидаю советов, подпор и утешений в летах, в которых живет человек одними воспоминаниями. Эти причины, думаю, довольно оправдывают мою нежную, сердечную и всегдашнюю любовь к ним».

В-четвертых. Книжная коллекция дорога собирателю еще и тем, что она есть плод его собственных усилий, она никогда не становится для него мертвым складом сокровищ, а всегда являет собой развивающийся организм: «Вероятно, кроме пользы и признательности, внушивших мне страсть к моим книгам, присовокупляется еще другое побуждение, которого действие я чувствую, не углубляясь никогда в основание или корень его. Это собрание все мною составлено от первой и до последней книги, а свое дело всякому приятно».

Выпуск каталога 1805 г. Бутурлин вовсе не считал завершающим актом комплектования библиотеки. Напротив, он совершенно справедливо видел в каталоге справочное пособие, облегчающее дальнейшую работу коллекционера: «Он послужит мне для будущих приобретений, потому что я не думаю отказаться от этого наслаждения, и только надеюсь быть еще внимательнее в выборе изданий и самих оттисков: при всяком благоприятном случае, как спокойный хозяин, постараюсь увеличивать и украшать свое добро»³.

Думается, что приведенных выдержек из «библиофильского монолога» Бутурлина достаточно, чтобы читатели и особенно собиратели книг, круг которых в наше время невиданно расширился, увидели благородство побуждений московского книжника и оценили ту серьезную библиографическую работу, которую он проделал.

Теперь расскажем о последнем памятнике московской коллекции Бутурлина, о том каталоге, экземпляр которого неведомо где добыл и сберег Соболевский.

³ По данным журнала «Сын отечества» за 1812 г., коллекция Бутурлина в момент ее гибели насчитывала 40 тысяч томов.

ИСТОРИЯ НЕУДАЧНОГО КАТАЛОГА

В предисловии Бутурлина к каталогу 1805 г. сказано: «В моем каталоге найдутся некоторые издания XV века. Они записаны на своих местах и там остались; но я гораздо богаче по этой части: у меня находятся более 300 номеров, из коих некоторые весьма ценны. Я им сделал особую роспись с примечаниями и надеюсь ее издать». Это было написано за семь лет до гибели библиотеки и всех трудов. Но обещанный каталог инкунабулов — первый и чуть ли не единственный каталог русской частной коллекции такого рода, все же существовал. Известный немецкий библиограф Петцольд в журнале «Serapeum» впервые упоминает о каталоге изданий XV столетия, составивших часть московской библиотеки Д. П. Бутурлина. Впрочем, о двух «листовых книгах» с перечнем изданий XV столетия, виденных им в доме Бутурлина, рассказывает и автор книги «Путешествие в Россию», англичанин Кларк, но он имеет в виду рукопись каталога, а не печатное издание. В этом каталоге, хранившемся, по словам Петцольда, в публичной библиотеке Дрездена, 467 страниц (в 4-ю долю), в нем описано 379 названий инкунабулов.

В конце дрезденского экземпляра имеется приписка: «Этот каталог не имеет заглавия, на нем не обозначено имя владельца библиотеки и он исполнен ошибок, которые странно видеть при очевидной начитанности, высказываемой редактором во многих местах. Эту странность я сейчас объясню. Он составлен неким уроженцем Люцерна в Швейцарии, г-ном Р., который в продолжение нескольких лет заведовал библиотекою графа. Он изготовил для составления описи материалы, которые, будучи написаны на листках, могли затеряться и поэтому он переплел их. Бутурлин, желая сделать свою библиотеку доступною для публики и дать ей указатель своих книг, решился напечатать труд г. Р. Не просмотрев рукописи, которую считал верною копиею заглавий, он поручил отпечатать ее одному лейпцигскому типографу, который исполнил это поручение с такой точностью, что даже напечатал все описки, все ненужные повторения и не выставил заглавия... Владелец решился не распространять этот неудачный каталог, и все экземпляры, ему доставленные, остались и погибли у него. Так что если сохранилось их несколько в библиотеках и частных руках, то они розданы из типографии без ведома владельца биб-

лиотеки». Хотя автор этой неожиданной библиографической справки, написанной в Дрездене и датированной 1 декабря 1813 г., некий Жилле — «капитан на службе императора России» — и сделал доброе дело, он все-таки не во всех своих утверждениях прав.

В 1906 г. неутомимый ловец книжных диковинок Д. В. Ульянинский купил в Москве и впоследствии описал в своем труде «Библиотека Ульянинского» под № 2938 еще один интереснейший экземпляр этого издания. Вот какие две пояснительные надписи обнаружил Ульянинский на своем экземпляре. Одна из них написана по-немецки почерком начала XIX в. на отдельной полоске старинной синева-той бумаги, наклеенной на форзац: «Каталог инкунабулов и старинных изданий гр. Бутурлина. Все это бесценное собрание сгорело в 1812 г. в Москве, а вместе с ним и все издание этого каталога, к которому ни заглавного листа, ни предисловия еще не было отпечатано. Этот экземпляр получен от самого гр. Б. и является, может быть, единственным подносным».

Из этого следует, что некоторые экземпляры «неудачного каталога» Дмитрий Петрович все-таки подарил знатокам-книжникам.

Вторая надпись, пониже, сделанная на самом форзаце также по-немецки, гласит: «Все изложенное в предыдущих строках о высокой ценности этой книги написано рукою моего покойного тестя Действительного статского советника Фридриха Ф. Аделунга, что сим и удостоверяю. 18 ноября 1851 г. Академик Петр Кеппен».

На первой странице экземпляра выбито штемпелем «Александр Николаевич Неустроев». Итак: Бутурлин — Аделунг — Кеппен — Неустроев — Ульянинский — вот через скольких славных ученых, библиографов, библиофилов прошла эта редчайшая книга!

Однако, как уже знает читатель, история спасшихся от огня экземпляров не вышедшей в свет книги на этом не кончается. В каталоге библиотеки Соболевского под № 421 показан еще один экземпляр каталога инкунабулов Бутурлина. Об этом каталоге Соболевский рассказывает в примечании к библиографической записи № 560 в книге Г. Н. Геннади «Литература русской библиографии» (в этом издании имеется целый ряд уточнений и дополнений, принадлежащих перу Соболевского). Соболевский сообщает примерно те же сведения, которые приводились выше, и отмечает

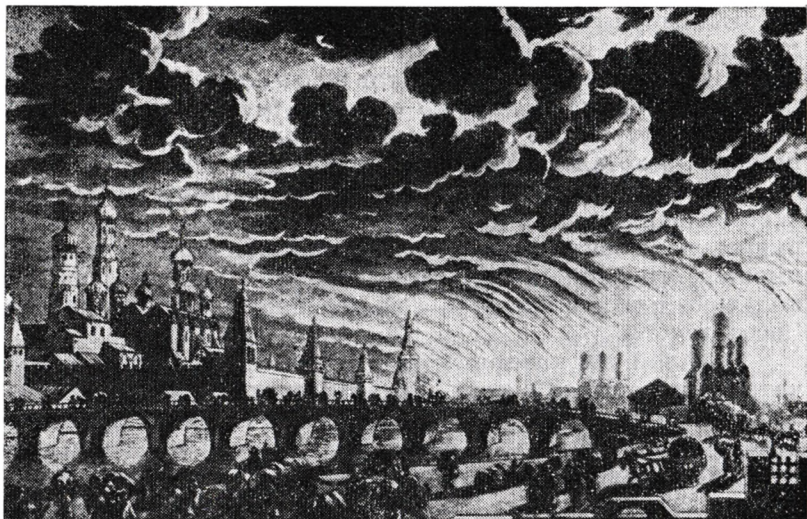
чрезвычайную редкость издания. В 1873 г. библиотека Соболевского была продана с аукциона в Лейпциге. Каким образом возвратился в Москву тот экземпляр каталога инкунабулов, который находится сейчас в Библиотеке иностранной литературы, кто принес его в букинистический магазин, не знаю, а хотелось бы знать: может быть, это помогло бы отыскать еще какие-нибудь книги из библиотеки Соболевского, а они хранят много тайн. На вновь найденном экземпляре, на специальном листе, вклеенном Соболевским, имеется его запись, полностью повторяющая примечание, попавшее в книгу Геннади, а на переплете — книжный знак Соболевского.

К какой же категории редкостей следует отнести этот каталог изданий XV века, хранившихся в московской библиотеке, столь небрежно подготовленный, почти полностью исчезнувший, лишенный титульного листа и заглавия и все же существующий на свете?

ГОРЕСТНЫЙ КОНЕЦ

Лето 1812 г. Бутурлины проводили, как всегда, в Белкине, всего в 20 верстах от Бородина. Всеобщая уверенность, что французы не будут допущены в Москву, была очень сильна, и Дмитрий Петрович не разрешил вывозить что бы то ни было из московского дома, хотя 40 подвод были для этого заранее пригнаны из костромского имения. Это решение стоило Бутурлину детища всей его жизни — книжного собрания и миллионных потерь.

Уже 4—5 сентября Немецкая слобода полыхала огнем. В собранных П. И. Щукиным бумагах 1812 г. есть запись: «В числе ужасных обстоятельств сего пожара наипаче поражало несчастное положение жителей Немецкой слободы. Будучи из места в место преследуемы пламенем, они были принуждены укрыться в кладбище, состоящи близ военного госпиталя. Воззрение на сих несчастных среди могил и при свете пламени представляло их наблюдателю сего великого злоключения столькими страшилищами, вышедшими из своих гробов! Мюрат, столь нечувствительный на бранных полях, был тронут жалобным сим положением и велел сделать им некоторые вспоможения». Эти-то дни и следует считать днями гибели бесценной библиотеки Бутурлина со всеми рукописями (среди которых, как считается, была подлинная переписка Генриха IV со своим министром Сюл-

Пожар московского Кремля в 1812 г. (Собрание Ровинского)

ли), инкунабулами, тиражами каталогов, библиографическими записями собирателя. Уже в номере 2 (ч. 1) журнала «Сын Отечества» за 1812 г. была помещена заметка, начинавшаяся так: «Здесь получено достоверное известие, что прекрасная библиотека... Бутурлина в Москве сожжена французами... Библиотека сия была украшением Москвы и известна всем любителям словесности... Не один сей памятник просвещения истреблен дерзкою рукою варваров XIX века!» Действительно, не одна только библиотека Бутурлина, но и замечательные собрания Калайдовича, Демидовых, Мусина-Пушкина, Василия Львовича Пушкина погибли от огня. Толстыми фолиантами из коллекции сенатора Баузе мостилы утопавшие в грязи улицы, книги рубили в куски, грабили... Да что говорить, если Стендаль в одном из своих писем из России замечает: «Прежде чем уйти из дома, я присвоил себе том Вольтера, тот, который называется «Фацеции». Впрочем, не возьми он тогда эту книгу, она, возможно, погибла бы в пламени.

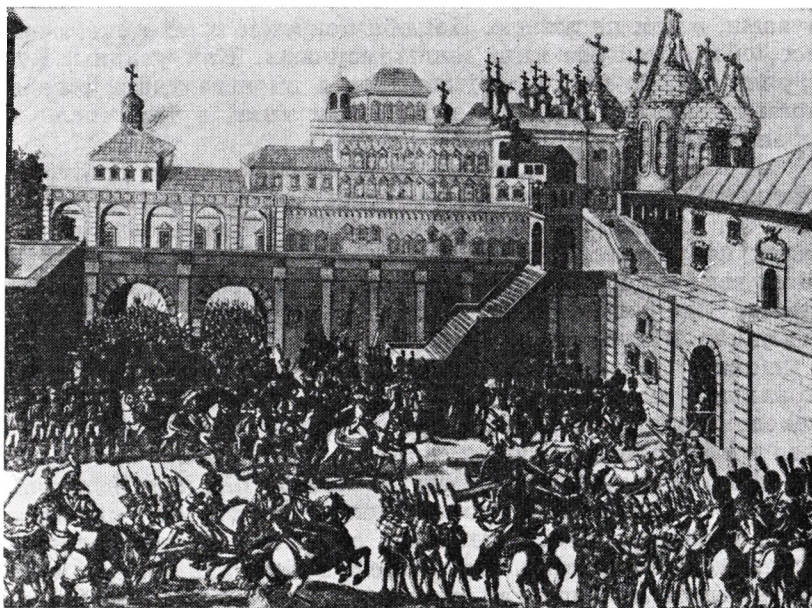
Несмотря на все это, Бутурлину совершенно чужда была позиция, высказанная в «Русском вестнике» Сергеем Глинкою; «все мои французские книги разграблены фран-

цузами, о чем не жалею. Полюбя искренно свое отечественное, обойдемся без книг иноплеменных». Как увидим, Бутурлин вскоре после обрушившегося на него удара уже в новых условиях занялся собиранием книг, в том числе и французских...

А тогда, в 1812 г., узнав о гибели библиотеки, Дмитрий Петрович, как вспоминает его сын, сказал кратко: «Бог дал, бог и взял», хотя в письме к С. Р. Воронцову высказался подробнее: «Уничтожение моей библиотеки лишило меня всех моих прежних привычек, а приобретать новые в 50 лет уже невозможно. Однако неизбежно появятся бесвязность и пустота в моем внутреннем существовании и в мыслях, что вынуждает меня заполнить пустоту избытком моральной силы. Но с другой стороны, есть своего рода компенсация в чувстве достоинства и в примере, который я должен показать моим детям».

Зиму Бутурлины провели в Петербурге, где Дмитрий Петрович, лишенный своих книг, деятельно помогал А. Н. Оленину, готовившемуся к открытию Императорской публичной библиотеки. В переписке Бутурлина с Олениным сохранилась любопытная сатира, связанная с упорядочением фондов и штатов будущей публичной библиотеки и говорящая о том, что знаменитый библиофил не был лишен и литературного дара. Между тем жена Бутурлина с детьми отправилась на пепелище московского дома, где в грудях развалин и мусора подбирала обломки любимых севрских чашек. Между прочим, в числе вещей, оставленных в доме весной 1812 г., было несколько пудов столового серебра, однако никаких темных слитков на пепелище не нашлось. Это делает достоверными слухи о том, что вовсе не все сгорело и что книги из библиотеки Бутурлина попадались на брошенных французскими войсками бивуаках и в отбитых русской армией неприятельских обозах. Это подтверждает и такой авторитетный свидетель, как дальний родственник Бутурлиных, библиофил, знаемец Пушкина А. С. Норов. Он участвовал в войне 1812 г., потерял ногу при Бородине и, находясь на излечении в Москве, видел книги с фамильным гербом Бутурлиных на лотках уличных торговцев. Так что какие-то остатки московских книжных сокровищ Бутурлина существуют и время от времени могут обнаруживаться.

На этом кончается рассказ о первой библиотеке Дмитрия Петровича Бутурлина. И завершить его можно словами знаменитого русского собирателя позднейших времен

В московском Кремле в 1812 г. (Собрание Ровинского)

А. Бахрушина: «...раз человек собирает что-либо, влагает в свое собрание душу свою, то сохрани бог, если все это погибнет от огня,— никакие деньги... не пополнят того, что занимало сердце человека,— не пополнят его осиротевшую душу, не воротят его собрания! И начини человек собирать те же книги, ту же бронзу, картины, монеты и т. д.— он того же не соберет, и будет у него собрание, пожалуй, со временем и не хуже первого, но первого, на котором он учился, на которое тратил лучшие годы своей жизни, с которым связано столько воспоминаний... того собрания уже не будет и никакими деньгами его не воротишь...»

И СНОВА НАЧАЛО...

В августе 1817 г. две кареты, шестиместная и четырехместная, бричка с кухонною посудой и несколько подвод тронулись в дальний путь из Петербурга во Флоренцию. В экипажах разместилось все семейство Бутурлиных, чело-

век десять русских слуг и столько же живших у Бутурлина иностранцев. Лишь в начале ноября добрались до благоухающей в это время года розами Флоренции. Д. П. Бутурлину уже не довелось вернуться в Россию, последние 12 лет жизни он провел в Италии. Обосновавшись во флорентийском палаццо, неподалеку от дворца Питти — резиденции тосканских герцогов, он ревностно принялся собирать новую книжную коллекцию.

Условия благоприятствовали этому: редкие старые издания, веками хранившиеся в тайниках монастырских книгохранилищ, теперь, после разорения монастырей французскими войсками, за бесценок продавались не только у букинистов, но подчас в овощных и колбасных лавках и на лотках уличных разносчиков. Почти ежедневно посещал Бутурлин с детьми книжный магазин Ланди, где вступал в длительные беседы с хозяином, и редко уходил без большого заказа. Не раз совершал он «книжные экспедиции» в Вилламброзианский монастырь. Вдобавок, во Флоренции не существовало тогда ни запрета, ни пошлины на ввоз иностранной типографской продукции. Наконец, многие разорившиеся итальянские аристократы рады были задешево расстаться с фамильными библиотеками. Все это превращало Тоскану 20-х годов прошлого века в подлинный библиофильский рай.

М. Д. Бутурлин вспоминал: «Немало собрал мой отец и рукописей, из которых особенно отличалась коллекция церковно-латинских служебников, писанных на пергаменте до изобретения книгопечатания, с ярко-колерованными миниатюрными с золотом рисунками, орнаментами и арабесками, составляющими рамку на каждой странице. Между флорентийскими нашими рукописями были и палимпсесты, т. е. пергаментные рукописи с вытравленным или выскобленным на них первоначальным текстом...» Долго, но тщетно искал Бутурлин две редкие книги, отсутствовавшие и в его московской коллекции: первое издание Данте, напечатанное форматом in-folio в конце XV в., и знаменитую славянскую Библию Ивана Федорова, вышедшую в Остроге в 1581 г.

Однако случались у Дмитрия Петровича в Италии и отличные находки. Так, посчастливилось ему приобрести старинную рукопись «Божественной комедии», переплетенную в толстый том, на котором был отчеканен золотой герб семейства Маласпина. В самом тексте поэмы имелись много-

численные поправки, сделанные быстрым, легким почерком. Семейство Маласпина некогда покровительствовало изгнанному из пределов отечества великому флорентийскому поэту, некоторые произведения Данте посвящены членам рода Маласпина. Знатоки полагали, что поправки и пометки в рукописи, приобретенной Бутурлиным, принадлежат самому Данте.

Как вспоминал М. Д. Бутурлин, «из Венеции в Пизу в 1819 или 1820 году переселился лорд Байрон. Нрава нелюбимого, он избегал шумной Флоренции... Не любил он встречаться со своими соотечественниками и жил в малолюдной и скучной Пизе в кругу трех-четырёх интимных товарищей». Д. П. Бутурлин долго мечтал добыть автограф Байрона, а когда ему это удалось, отправил автограф в Россию, известному коллекционеру Г. В. Орлову с сопроводительным письмом: «Вот материалы для вашего собрания автографов. Падайте ниц и говорите мне: аллах! аллах! за автограф Байрона. Мне пришлось устроить настоящий заговор, чтобы зацепить этот автограф». На обороте самого письма Байрона есть пояснение Бутурлина: «Автографическая записка Байрона, единственная, которую он, по собственному признанию, написал по-итальянски. Я получил ее непосредственно от самого адресата». И хотя на самом деле это далеко не единственное письмо, написанное Байроном по-итальянски, все же забота Бутурлина о пополнении русских коллекций заслуживает доброй памяти.

А всего во флорентийской библиотеке Бутурлина было 33 тысячи книг и рукописей — по данным каталога, выпущенного во Флоренции в 1831 г. сыновьями «с единственной целью, — как они пишут в предисловии, — возвести памятник отцу — библиофилу мудрому и мужественному».

В каталог 1831 г. вошли: 244 рукописи (в том числе автограф Торквато Тассо, прижизненные списки творений Петрарки и Боккаччо); 642 инкунабула; 390 альдин; 368 номеров коллекции «Бодониана»; 1868 — итальянских классиков; 568 — теологии и истории религий; 974 — науки и искусств; 1217 — беллетристики; 1260 — истории (в самой широкой трактовке этого понятия).

Двенадцать лет проработал Бутурлин над своей новой коллекцией. День за днем он проводил в кабинете вместе с переплетчиками и библиотекарем, шлифуя добытые сокровища. Весна 1829 г. была последней его весной. Д. П. Бу-

турлин заболел и, хотя прожил до осени, библиотекой больше не занимался.

Похоронен он в Ливорно, в православной церкви, где покоятся и многие другие русские.

Дело его жизни — библиотека — существовала нераспыленной еще десять лет. Все попытки сыновей продать ее в полном составе успехом не увенчались. И тогда в Париже фирмой Сильвестр был устроен аукцион, на котором начиная с 25 ноября 1839 г. 30 партиями в течение трех лет распродавалась флорентийская библиотека русского собирателя. К этому аукциону был выпущен трехтомный каталог (1839—1841), в котором обозначена цена каждого номера. Это был один из наиболее долгих и замечательных книжных аукционов в Европе. В числе самых дорогостоящих книг и рукописей были: упоминаемая выше рукопись «Божественной комедии» — 1065 франков; флорентийское издание Гомера (1488 г.) — 1000 франков; Библия, изданная на польском языке в Бресте в 1563 г. — 627 франков; Вергилий, выпущенный в Модене в 1475 г. — 500 франков; венецианское издание Петрарки (1473 г.) — 392 франка; латинская рукопись Библии начала XIV в. (экземпляр изумительной сохранности) — 320 франков; собрание латинских поэтов с гравюрами (1728 г.) — 315 франков и т. д. Всего было выручено около 300 тысяч франков, сумма, как считает М. Д. Бутурлин, вдвое или втрое меньшая той, которую израсходовал собиратель.

Прочитав опубликованный в 1867 г. в журнале «Русский архив» очерк М. Д. Бутурлина об отце, тонкий и «беспощадный» знаток библиографии С. А. Соболевский не согласился с заключенной в нем сравнительной оценкой московской и флорентийской коллекций. В своем коротком возражении он писал: «Не могу разделить мнение гр. М. Д. Бутурлина о сравнительном достоинстве библиотек его отца. Первая была *составлена* со тщанием из книг, разнесенных Французскою революцией; вторая *собрана*, пользуясь без разбора всяким случаем. От этого проданные с аукциона книги не имеют особенного уважения между библиофилами, и заметка в каталоге «экземпляр Д. П. Бутурлина» не есть бесспорная рекомендация в торговле. Многие экземпляры были худо сбережены, худо переплетены, обрезаны, неполны, замараны, исписаны неизвестными и так далее. Поэтому не думаю, чтобы это собрание стоило

владельцу (как пишет его сын) вдвое или втрое вырученной цены. Во всем этом со мной согласен Брюне».

Что ж, авторитет Соболевского в библиофильских вопросах, да еще подкрепленный мнением знаменитого французского библиографа, непререкаем. Но эта объективная оценка не меняет общего отношения к собирательской деятельности Бутурлина, которого советский историк культуры академик М. П. Алексеев считает «просвещенным библиофилом и настоящим ценителем, который подбирал себе книги со вкусом и хорошим пониманием их действительной ценности».

На аукционе в Париже в феврале 1841 г. побывал бесценный ходатай по русским книжным делам в Европе Александр Иванович Тургенев. Вот что писал он в Петербург К. С. Сербиновичу: «Здесь продавали библиотеку Бутурлина, я перекупил два редких фолианта издания Альдов, весьма хорошо сохранные: *Origenis Homiliae* (1503) и *Choriotani in S. Augustini* (1481). Обе книги редкие и примечательные. Я желал сохранить для России памятник ее библиомана, собравшего две славные библиотеки...»

Это последняя весточка о библиотеке Д. П. Бутурлина. После посещения аукционного зала Тургеневым состоялись еще десять распродаж, и все было кончено.

Памятником обеих библиотек остались их каталоги. Но задача того коллекционера, который задумал бы собрать у себя все каталоги Бутурлина, оказалась бы практически невыполнимой: ведь ему пришлось бы к весьма редким петербургскому (1794) и парижскому (1805) каталогам присоединить не только «неудачный» каталог инкунабулов, отпечатанный в Лейпциге, но и флорентийский 1831 г., и парижский трехтомный аукционный каталог 1839—1841 гг. Мало того, чтобы коллекция была полной, нужно будет прибавить к ней «Алфавитный список изданий XV века, входивших в библиотеку Д. П. Бутурлина», выпущенный во Флоренции в 1830 г. Один из двух экземпляров этого списка, отпечатанных на пергаменте, хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Однако не только библиофилы, но и ни одно государственное хранилище в мире не обладает всеми шестью каталогами обеих библиотек.

РОДСТВЕННИК ИЗ ФЛОРЕНЦИИ

Мы оставили одиннадцатилетнего Александра Пушкина в московской библиотеке Бутурлина в мае 1811 г. Через несколько месяцев дядя Василий Львович Пушкин отвез его в Царскосельский Лицей. В июне 1817 г. Пушкин, окончив Лицей, приехал в Петербург, где жили его родители, домами дружившие с Бутурлиными. Но уже в первых числах июля Пушкины выехали в Михайловское, где поэт пробыл до конца августа. Он воротился в Петербург всего через несколько дней после отъезда Бутурлиных за границу: в гостиных, где бывал поэт, еще не утихли разговоры о многолюдных проводах этого семейства...

В мае 1824 г. Д. П. Бутурлин, соскучившийся по России, не желавший терять связь с отечеством, решился отправить 17-летнего младшего сына в Одессу на службу к родственнику М. С. Воронцову. Юношу сопровождал гувернер, англичанин Слоан. 25 июля 1824 г. В. Ф. Вяземская писала мужу из Одессы: «Мое мужское общество, которое ограничивалось Пушкиным, увеличилось за счет маленького Бутурлина, скучного, каким может быть молодой человек в 17 лет, если у него мало ума и невероятная живость».

М. Д. Бутурлин потом вспоминал: «Проживал тогда в Одессе под присмотром М. С. Воронцова Александр Сергеевич Пушкин, дальний наш по женскому колену родственник; по доброму старому обычаю, мы с первого дня знакомства стали называть друг друга *mon cousin*⁴. Нередко встречаясь с ним в обществе и в театре... я желал сблизиться с ним; но так как я не вышел еще окончательно из-под контроля моего воспитателя, то и не мог вполне удовлетворить этому желанию. Александр Сергеевич слыл вольнодумцем и чуть ли почти не атеистом, и мне было дано заранее предостережение о нем из Флоренции, как об опасном человеке. Он, видно, это знал или угадал и раз, подходя с улицы к моему отпертому окну... сказал: «не правда ли, *cousin*, что твои родители запретили тебе подружиться со мной?» Я ему признался в этом, и с тех пор он перестал навещать меня».

Итак, мальчик, которому Д. П. Бутурлин 13 лет назад показывал в Москве свою библиотеку, теперь оказался в его глазах опасным вольнодумцем. Конечно, в таком «наказе

⁴ Между прочим, как-то, встретив Бутурлина в театре, Пушкин пошутил: «Мой Онегин — это ты, *cousin*».

сыну» виноваты доходившие во Флоренцию нелепые слухи. Но нельзя не отметить и совершенно очевидную духовную отдаленность Бутурлина от России на склоне его лет. Бывший русский вольтерьянец, оказавшись на Западе, видно, не всегда уж мог понять, «кто есть кто» на родине.

Пушкин, конечно же, хотел уберечь юношу от ненужных раздоров с родителями, от упреков в непослушании и потому отдалился. Но с какой жадностью слушал он «язык Италии златой», рассказы Бутурлина о Флоренции, о памятнике Данту, украшенном изображением орла («душа поэта встрепетается, как пробудившийся орел»). Ведь именно тогда мечтал Пушкин о побеге, мечтал взглянуть

На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненье вдохновенных чувств.

Конечно, «маленький Бутурлин», увезенный из России в Италию десятилетним, не столь уж многое мог поведать, но все же он, несомненно, передал Пушкину и Вяземской атмосферу флорентийского житья Бутурлиных, не мог промолчать и о книгах.

Но не только Бутурлин своими рассказами связывал Пушкина с Флоренцией, не только от него мог узнать Пушкин о русской колонии в Тоскане, о новой библиотеке Д. П. Бутурлина. В год приезда Бутурлиных во Флоренцию поверенным в делах России при герцоге Тосканском был А. З. Хитрово. Жил он во Флоренции вместе с женой Елизаветой Михайловной и ее дочерьми от первого брака Екатериной и Дарьей (Долли). Это семейство после смерти Хитрово наезжало, а потом и совсем переселилось в Россию. Пушкин стал их ближайшим другом, а Италия и Флоренция — темой постоянных бесед.

Во Флоренции в 1820 г. умер и похоронен лицейский товарищ Пушкина Н. А. Корсаков, тот самый «кудрявый... певец... с гитарой сладкогласной», о котором вспоминал поэт.

Гораздо позже, в 1831 г., из Флоренции в Петербург возвратился близкий знакомый Бутурлиных, шесть лет проживший в Италии Н. М. Смирнов. Пушкин как-то завтракал у него, осматривал коллекции редкостей искусства и библиотеку, вывезенные из Италии. Они много говорили о Байроне, о Флоренции, об общих знакомых, о книгах. Пушкин

был шафером на свадьбе Н. М. Смирнова (которого он называл «боярин-итальянец») с А. О. Россет.

Наконец, сведения о флорентийской жизни и библиотеке Бутурлина могли сообщить Пушкину его знакомые (впоследствии известные библиофилы) А. Д. Чертков и А. С. Норов. Оба они были в палатце Николини у Бутурлина, восхищались библиотекой, рассказывали о России.

Как много и как мало мы знаем о Пушкине! Кажется, вот-вот откроется его прямая связь с Бутурлиными — итальянцами, кажется, вот-вот можно будет доказать, что Пушкин интересовался флорентийской библиотекой Бутурлина, но прямых данных нет и отыщутся ли?

* * *

19 ноября 1876 г. в Москве, в городской больнице для бедняков умер Михаил Дмитриевич Бутурлин. Он прожил бурную и в общем-то безалаберную жизнь, давно разорился, потерял горячо любимую дочь и существовал в последние годы на пособие, аккуратно высланное из Англии наследниками того самого гувернера Слоана, который сопровождал его в 1824 г. в Одессе. М. Д. Бутурлин не раз еще бывал в Италии, но на похороны отца не попал, так как участвовал в Турецкой военной кампании.

Незадолго до смерти он вспоминал: «Во время даже разгульной моей жизни я следил (хотя отрывочно) за отечественными литературными новинками, из коих немало покупал, и если бы не добрые люди, зачитывавшие иногда с моего ведома, а иногда без спросу, мои книги, у меня была бы теперь порядочная библиотека... Замечательно, между прочим, что хранится у меня по сие время итальянская книжка прошлого столетия, заключающая в себе описание Венеции, наполненное хорошими гравюрами. Мне было от роду двенадцать или тринадцать лет, когда я взял ее на полке, куда откладывались бракованные книги флорентийской библиотеки моего отца; не помню, чтобы я с тех пор особенно заботился о ней или даже обращал на нее особое внимание, а, между тем, эта книжка с верностью и преданностью легавой собаки, неотлучно, без моего ведома следует за мною, тогда как столь многие из ее подруг, за которыми я имел особое попечение, исчезли...»

После М. Д. Бутурлина остались несколько работ, посвященных русско-итальянским связям и обширные, обо-

рванные на полуслове «Записки», которые через двадцать лет после смерти автора опубликовал в журнале «Русский архив» П. И. Бартенев. М. Д. Бутурлину нелегко было писать по-русски, но с какой настойчивостью преодолевал он эту трудность, какой выразительности, простоты, ясности слога добился! В этих записках такое множество метких характеристик, тонких замечаний, ярких бытовых картин, что трудно понять, почему они так и не выходили никогда отдельной книгой. Но, конечно же, они послужили историческим источником для многих работ, в том числе, в немалой степени, и для этого очерка.

Москва

М. П. Дроздова, Н. Г. Карпило, А. А. Макарена

О БИБЛИОТЕКЕ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

Д. И. Менделеев и книга... Эта сторона деятельности нашего великого ученого, пожалуй, наименее изучена. Между тем для понимания научных и гражданских устремлений Менделеева эта часть его духовной жизни имеет громадное значение. Здесь заключен ответ на многие вопросы жизни и творчества, научной и общественной деятельности ученого.

Менделеев широко известен как химик, создатель всемирно знаменитой таблицы элементов. Менее известны работы Менделеева в других отраслях науки, в технике, экономике, производстве. Менделеев был ученым поистине энциклопедического склада, его знания были обширны и глубоки, а многие его прогнозы хозяйственного и экономического развития страны оправдались только в наше время. Одним из первых он обратил внимание на развитие Урало-Сибирского промышленного комплекса, внес много нового в освоение Севера нашей страны, обогатил передовыми идеями отечественное судостроение и полярное мореплавание, плодотворно занимался вопросами сельского хозяйства, воздухоплаванием, метрологией, был активным поборником просвещения в России, борцом за развитие ее производительных сил...

Трудно перечислить все вопросы, в решении которых Менделеев оставил глубокий след. И во всех его начинаниях верным и постоянным помощником была книга...

Книга сопутствовала Менделееву всю жизнь. В семье его родителей существовал своего рода культ книги. Менделеевы, живя в Тобольске, имели богатую библиотеку, которая осталась матери будущего ученого Марии Дмитриевне от ее отца и деда — Дмитрия и Василия Корнильевых, первых сибирских типографов, издававших в конце XVIII в. на берегах Иртыша журналы и книги. Сама Мария Дмитриевна была женщиной развитой и начитанной, она часто говорила: «Книги — лучшие друзья моей жизни». Отец — Иван Павлович, учитель, а впоследствии и директор Тобольской гимназии — был хорошо образованным человеком, знающим и любящим книгу. Близкими знакомыми Менделеевых в Тобольске были историк П. А. Слобцов, поэт П. П. Ершов, декабристы, люди, которые ценили книгу и имели свои библиотеки. Особенно хорошо была подобрана библиотека декабриста М. А. Фонвизина, с которым Менделеевы дружили. Все это с детских лет приобщало будущего ученого к книге, научило любить ее, ценить и работать с ней...

В последние часы жизни, тяжело страдая, Менделеев, по воспоминаниям его родственников, просил, чтобы ему читали вслух «Путешест-

вне к Северному полюсу» Жюль Верна, писателя, которого ученый высоко ценил за редкий дар предвидения...

Библиотека Менделеева сохранилась и до наших дней, но пока еще должным образом не изучена. Мы публикуем первую работу на тему «Менделеев и книга», написанную ленинградскими учеными, посвятившими многие годы изучению жизни и творчества Дмитрия Ивановича Менделеева.

В. Г. Утков

Каждому, переступившему порог кабинета Д. И. Менделеева, передается особое настроение, которое можно было бы назвать «общением» с человеком через его вещи. Это чувство выразил один из посетителей Музея-квартиры Менделеева, которая находится в Ленинграде, в здании Ленинградского государственного университета. Он написал в журнале музея: «Удивительный ученый и удивительный человек Менделеев! Широта научных интересов сочеталась в нем с вечным стремлением к системе, порядку. Прошедшие через столетие вещи — совершенно современного человека; его основные идеи — в эпицентре современной науки...»

Первое, что привлекает внимание каждого, входящего в кабинет, — это обширная библиотека Менделеева. Книжные шкафы, стеллажи, полки с книгами. Около письменного стола — вращающаяся этажерка, на которой стоят любимые книги ученого.

Ценность библиотеки Менделеева огромна: она была собрана им самим и потому является отражением его научных, общественно-политических и эстетических интересов и вкусов. На полях и свободных листах книг и журналов — многочисленные пометки и записи, сделанные ученым.

Библиотека сохранилась почти полностью. В ней около шестнадцати тысяч книг, брошюр, журналов, отдельных оттисков статей русских и иностранных ученых — современников Менделеева.

Дмитрий Иванович собирал свою библиотеку на протяжении всей жизни: первые книги были приобретены им в 50—60-е годы; некоторые — в Европе, во время первой заграничной поездки (1859—1861). Значительно пополнилась его библиотека в последующие годы: много книг и статей, полученных Менделеевым в дар от других ученых, различные издания его собственных трудов.

В 1899 г. Менделеев подготовил список своих сочинений, вышедших к тому времени. В списке названы около

Кабинет Д. И. Менделеева

пятисот работ, относящихся к самым различным областям знания: химии, физической химии, физике, геофизике, технике, промышленности, экономике и общественным вопросам; сюда же включены рецензии, рефераты, научно-популярные статьи, заметки. Собственные труды Менделеев поместил в свою библиотеку под номерами 1001—1056.

Отдельное собрание составляют периодические издания, которые Менделеев получал по подписке, а также издания академий, научных обществ, университетов, почетным членом которых он был. Некоторые из этих журналов и сборников он получал регулярно на протяжении 10—20 лет. Немало научных трудов Менделеев получал от своих коллег еще в отписках. В библиотеке хранятся отписки статей А. М. Бутлерова, Д. П. Коновалова, Н. А. Меншуткина, А. А. Иностранцева, Д. К. Чернова, И. М. Сеченова, В. Рамзая, М. Бертло, Г. Роско, Д. Дьюара, В. Оствальда... На них — дарственные надписи, исправления, внесенные в текст авторами.

Значительное место в библиотеке занимает справочная литература: общие и отраслевые энциклопедии, справоч-

ники, путеводители, словари (в том числе — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, в котором Менделеев редактировал химико-технологический отдел и был автором нескольких десятков статей).

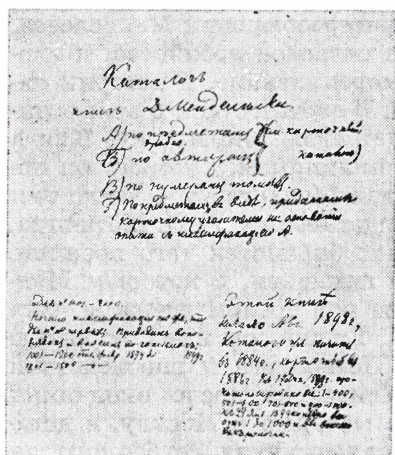
Книги на иностранных языках составляют почти треть библиотеки. Есть среди них несколько уникальных изданий старинных книг: например, немецкое издание книги арабского алхимика Гебера (1753), сочинения Джозефа Пристли (1777). Менделеев собрал также немало работ, посвященных развитию промышленности в России, истории ее экономики. Широко представлены самые различные книги по философии. О многом говорит одно перечисление имен: Гегель и Кант, Шопенгауэр и Фейербах, Маркс и Энгельс, Оствальд и Бебель. На «Манифесте Коммунистической партии», изданном в 1882 г. в Вольной русской типографии в Женеве, в переводе Г. В. Плеханова, много пометок Дмитрия Ивановича.

В библиотеке нашли отражение также и многие крупные события в истории нашей страны, современником которых был Менделеев. В его библиотеке хранятся материалы об убийстве царя Александра II, студенческие прокламации, материалы допросов декабристов.

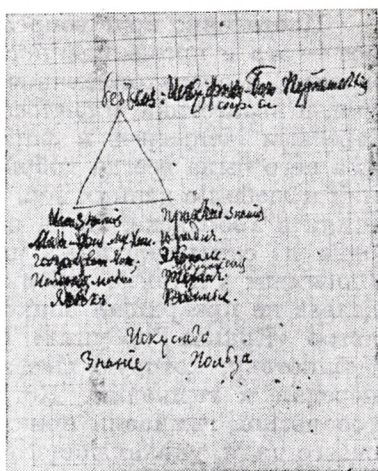
Немалую часть библиотеки составляет художественная литература, стихи (Майкова, Тютчева, Фета), книги античных авторов, романы современных ему русских и зарубежных писателей. Отдыхать Менделеев любил за чтением сочинений приключенческого жанра; его любимыми книгами были сочинения Ж. Верна, Ф. Купера, А. Дюма, У. Коллинза, Д. Майн-Рида, Понсон дю Террайля. На этажерке рядом с письменным столом — полное собрание сочинений А. Дюма на французском языке.

Отдельно на стеллажах хранится коллекция альбомов с нумерацией от 1 до 2300. Здесь репродукции картин, гравюр, фотографии. В альбомах они подобраны по темам и описаны самим ученым. Часть альбомов с фотографиями посвящена путешествиям Менделеева.

Свои замыслы и начинания, исследования и поездки Менделеев тщательно готовил, он скрупулезно изучал всю литературу по интересовавшему его вопросу. Какую бы из книг ученого мы ни взяли, всюду видны следы переработки этой информации: ссылки на труды классиков и сочинения современных ученых, на монографии и научные статьи. По ссылкам, рассыпанным в его книгах, можно судить об

Начало каталога, составленного
Д. И. Менделеевым

Классификация
Д. И. Менделеевым
своей библиотеки

источниках его информации. Например, во вступлении к своим докладам, прочитанным в Лондоне (1889), он дает анализ химической литературы по странам, указывает, решение каких научных проблем намечается в Англии, Франции, Германии, России.

В продолжение многих лет, с 1884 по 1901 г., Менделеев вел каталог своей библиотеки. В каталог занесены 1300 томов. Но том и издание в библиотеке Менделеева — вещи разные. Тома собирались и переплетались по темам, в некоторые из томов включены до сорока различных изданий. Вероятно, работая в определенное время над той или иной темой, ученый подбирал литературу по этому вопросу; литература накапливалась, и тогда подобранные по темам издания переплетались в отдельный том. На корешке переплета Менделеев указывал номер тома и общие темы статей. Иногда на корешке перечислены работы, входящие в том, или названы авторы («Привилегия», «Парижская выставка», «Рихтер», «Учебники химии»). Иногда на корешке тома, содержащего разные по тематике материалы, стоит слово «Смесь». На обложке или специальном листке, вложенном в том, — составленный Менделеевым перечень названий работ, вошедших в том.

Постепенно круг вопросов, интересовавших Менделеева, рос — это и промышленность, и сельское хозяйство, и экономика, и воздухоплавание, и мореплавание, и история науки, и педагогика, и философия. В соответствии с этими интересами Менделеев и формирует свою библиотеку. Книга для него была всегда добрым помощником, которого он ценил и любил с давних пор. В семье Менделеевых, когда они жили в Тобольске, была, по свидетельству Г. Н. Потанина, одна из самых крупных частных библиотек того времени. Любимым учителем тобольской гимназии, с которым Менделеев не прекращал знакомства и в зрелом возрасте, был автор «Конька-Горбунка» П. П. Ершов, он имел хорошую библиотеку, которую вывез из Петербурга и впоследствии передал в гимназию. Когда Менделеев после окончания тобольской гимназии приехал с матерью в Москву, в доме своего дяди, управляющего имениями князя Трубецкого, он зимой 1849—1850 гг. познакомился с московскими литераторами, что тоже, несомненно, повлияло на развитие интереса к книге у юного Менделеева.

В годы учения Менделеев пользовался книгами библиотеки Главного педагогического института — одной из лучших библиотек высших учебных заведений Петербурга. По-видимому, давали ему книги из своих личных библиотек и профессора, с которыми он поддерживал знакомство (А. А. Воскресенский, С. С. Куторга, Ф. Ф. Брандт и др.).

Менделеев прочитал множество работ по естествознанию, философии, педагогике, математике, истории, географии, искусствоведению. Первые диссертации ученого («Изоморфизм...», «Удельные объемы») содержат свыше 300 ссылок на оригинальные труды русских и иностранных ученых. В студенческие годы постоянное чтение журналов, в том числе литературных, новых книг сделалось неотъемлемой составной частью духовной жизни Менделеева. Вскоре после окончания института он активно сотрудничает в разделе «Новости естественных наук» «Журнала министерства народного просвещения», публикуя рецензии на новые книги, а также обзоры по современным научным проблемам.

Изучая книги менделеевской библиотеки, убеждаешься в огромном интересе ученого к истории и философии, к психологии научного творчества, к биографиям крупнейших деятелей науки, культуры. С карандашом в руках читал Менделеев подобные сочинения, следы такого чтения — в пометках на полях книг, в отчеркиваниях отдельных

строк и слов, в рукописных заметках на вклеенных чистых страницах.

Интерес Менделеева к роли личности, к мировоззрению ученого, способу открытия конкретных истин (в науке и технике) виден из богатого подбора биографических очерков и книг по психологии. Еще в первые годы своей научной деятельности Менделеев внимательно проштудировал биографии И. Ньютона, А. Лавуазье, Ш. Жерара, несколько позже он собирает материалы о Ломоносове и Лавуазье.

На полях книги Г. Жоли «Психология великих людей», внимательно им изученной, о чем свидетельствуют многочисленные пометы, есть такое определение: «Следует короче сказать — гений изучает и предшествующее и настоящее».

В картотеке Д. И. Менделеева тетрадка под № 8 озаглавлена: «1) Биографии. 2) Портреты». Здесь перечисляются хранящиеся в библиотеке биографии известных ученых (Бутлерова, Ломоносова, Ж.-Б. Дюма, Ампера, Вюрца, Клауса, А. П. Бородин, Галилея, Бэкона, Уатта, Юма, А. Смита и многих других), воспоминания и отзывы о них (воспоминания о Бутлерове его друзей и учеников — Лагермарка, Вагнера; о Дюма, написанные Канницаро), некрологи (среди них некролог К. Шорлеммера, написанный Ф. Энгельсом), научно-биографические очерки (К. А. Тимирязева о Ч. Дарвине, А. Г. Столетова о Г. Гельмгольце и др.), многие — с дарственными надписями авторов. Всего таких работ насчитывается свыше двухсот. В этих книгах и статьях есть интересные записи Менделеева.

Весьма характерен для научного метода Менделеева принцип построения библиотеки, разработанный ученым, по-видимому, в конце 1880-х годов (при переезде из университета). На титульном листе личного каталога библиотеки значится, что описание ее составлено «А) по предметам, Б) по номерам томов, В) по авторам, Г) по предметам в виде, приданном картотечному указателю на основании опыта с классификацией А». В этой классификации — «треугольнике наук» — он различает три области знаний: истинные (математика, физика, механика, химия, география, естественная история, история людей, языкознание), прикладные (юридические науки, экономика, медицина, технические науки, военные науки) и «бессознательные» (искусство, философия, богословие, путешествия и спорт). Все они составляют триаду: знание, польза, искусство.

Картотечный указатель охватывает 100 тем, расположенных по алфавиту в тетрадках (от первой, где дается перечень работ по газообразным веществам, находящимся в воздухе, начиная с «азота», до сотой — «Юридические статьи»). На титульных листах этих тетрадей перечислены предметы обозреваемой здесь темы и указано число работ по каждой из них.

Д. И. Менделеев организовал свою библиотеку так, чтобы она была наиболее удобна ему в научной работе и на отдыхе. Этому способствовали каталоги и размещение книг (справочная библиотека и наиболее любимые на досуге приключенческие книги всегда находились «под рукой» рядом с письменным столом). Вместе с тем организация библиотеки отражает историю ее создания — конволюты с различными по содержанию трудами, объединенными лишь временем поступления. Особое место занимают сочинения, отвечающие наиболее крупным направлениям творчества ученого; такие работы объединены в специальные тома: Периодический закон, Растворы, Газы. Анализ сочинений, находящихся в библиотеке Д. И. Менделеева и содержащих пометы ученого (в сочетании с некоторыми опубликованными его работами), позволяет раскрыть некоторые малоисследованные важные стороны его творчества. Одна из таких сторон — интерес Д. И. Менделеева к биологическим проблемам, выдвигаемым в XIX веке ¹.

Среди ста библиотечных тетрадей, хранящихся в кабинете Д. И. Менделеева, несколько непосредственно связаны с науками биологического цикла. Одна из них называется «Биология», в ней записано около 200 названий. Среди них работы А. С. Фаминцина, К. А. Тимирязева, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, В. Храповицкого, Н. Н. Страхова, В. Я. Данилевского и Н. Я. Данилевского, Н. Е. Введенского, С. Н. Виноградского, А. В. Пеля (Россия), А. Р. Уоллеса (Англия), Э. Марейя (Франция), Э. Дюбуа-Раймона (Германия). По общим вопросам естествознания — 13 названий, по ботанике — 50, по зоологии — 29, по физиологии и физиологической химии (биохимия) — 71, раздел бактерии — 23, по антропологии — 7. Многие работы содержат дарственные надписи. Так, на сборнике речей и лекций, изданных в 1888 г., рукою проф. К. А. Тимирязева написано: «Многоуважаемому Д. И. Менделееву от старого ученика»; «Доро-

¹ Анализ этих материалов проведен М. П. Дроздовой.

гому учителю Д. И. Менделееву от автора» — написано на работе О. А. Гримма «Каспийско-волжское рыболовство» (1896).

Анализ библиотеки ученого показывает основные направления биологических наук второй половины XIX столетия, которые вызывали интерес у Д. И. Менделеева. Так, например, в те годы велась полемика об искусственном и естественном отборе. В библиотеке Д. И. Менделеева хранится много работ, посвященных этим вопросам, авторы которых были сторонниками и противниками учения Ч. Дарвина.

Большой интерес у Д. И. Менделеева вызвали работы, посвященные изучению химических процессов в растительном и животном царстве, практическое использование разнообразных соединений, выделенных из растений. Пример — работа К. Ласмана и А. Чирикова «Материалы для исследования растений» (1889), в которой приводится химический анализ некоторых растений, употребляемых в народной медицине, книга В. А. Тихомирова «Ботанические сады тропиков (воспоминания кругосветного плавания 1891 г.)», где описываются растения различных островов и применение этих растений местными жителями.

Среди других работ отметим: Д. Кайгородов. Беседы о русском лесе, 1880—1881; К. Пуриевич. Образование и распадение органических кислот у высших растений, 1893; О. А. Гримм. Каспийское море и его фауна, 1876; В. Михайлов. К учению о животных красках, 1885; К. Кесслер. Путешествие по Закавказскому краю в 1875 г. с зоологической целью; Э. Марей. Механика животного организма; В. Храповицкий. Наблюдение над образованием белковых веществ в хлорофиллоносных растениях.

Особое место в развитии биологии второй половины XIX в. занимают исследования физиологии нервной деятельности. Библиотека Д. И. Менделеева хранит огромное количество работ по физиологии и физиологической химии. С авторами многих из них, например, И. М. Сеченовым, А. С. Фаминциным, А. В. Пелем Д. И. Менделеева связывала многолетняя дружба.

В 80-х и 90-х годах Менделеева привлекли сочинения по бактериологии, микробиологии.

Анализ важнейших сочинений по биологии, находящихся в библиотеке Д. И. Менделеева, изучение вопросов, особенно заинтересовавших Д. И. Менделеева (судя по от-

меткам и записям на полях), некоторые мысли, высказанные ученым в его «Основах химии», — все это дает основание заявить о постоянном внимании автора периодической системы к биологическим проблемам.

В небольшой статье трудно сколько-нибудь полно охарактеризовать содержание библиотеки Менделеева и отношение ее хозяина к книге. Дальнейшее исследование этих вопросов поможет глубже понять жизнь и творчество великого ученого.

Ленинград

ТУРГЕНЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА В ПАРИЖЕ

В один из февральских дней 1875 г. на тихой улице Дуэ в Париже царило оживление. К дому № 50 один за другим подкатывали фиакры. Здесь должен был состояться литературно-музыкальный утренник с участием И. С. Тургенева и Полины Виардо.

Незадолго до этого известный революционер и друг К. Маркса Герман Лопатин обратился к Тургеневу с просьбой помочь русской колонии в Париже создать общественную библиотеку. Оторванные от России политические эмигранты, неимущая студенческая молодежь, приехавшая в Париж учиться, испытывала острую нужду в русских книгах и газетах. Герман Лопатин рассчитывал и на то, что библиотека не только удовлетворит запросы русских, живущих в Париже, но и объединит их, скрасит им нелегкую эмигрантскую жизнь.

И. С. Тургенев не раз помогал русской революционной молодежи и деньгами и книгами, и сейчас он с готовностью откликнулся на просьбу Г. Лопатина. С этой целью и был устроен литературно-музыкальный утренник.

Собравшаяся в небольшой уютной гостиной Полины Виардо публика шумными аплодисментами встретила Тургенева. Когда аплодисменты стихли, он сел за небольшой столик и стал читать свой новый рассказ «Ходатай».

На утреннике выступили гостившие в то время в Париже писатель Глеб Успенский и поэт Николай Курочкин. Они говорили о книге, о ее месте в человеческом обществе, читали свои сочинения. Полина Виардо исполнила несколько романсов на русском языке, в том числе «Для берегов отчизны дальней» и «Я все еще его, безумная, люблю», пользовавшиеся в России огромным успехом.

Собранные деньги Тургенев передал в фонд будущей библиотеки.

О создании библиотеки в Париже узнали в России. Писатели, художники, артисты стали отправлять в ее адрес книжные пожертвования. Ф. Достоевский, Глеб Успенский, А. Плещеев, А. Писемский, В. Спасович, П. Кропоткин, а позднее М. Горький, И. Бунин и Ф. Шаляпин дарили свои книги библиотеке. Свой вклад внесли и писатели Франции, в частности Г. Флобер и Э. Золя.

Так при содействии Тургенева и с помощью Г. Лопатина и П. Лаврова была создана в Париже первая русская библиотека.

Вначале книжный фонд библиотеки был невелик. Приходилось выдавать на руки даже книги с дарственными надписями писателей, художников, ученых. Немало ценнейших изданий бесследно исчезало. В дальнейшем, когда книг стало больше, правление библиотеки решило особо ценные книги не выдавать, а хранить их отдельно, как память о тех, кто помог создать библиотеку.

После смерти И. С. Тургенева в 1883 г. библиотека стала называться «тургуневской».

Долгое время тургуневская библиотека пополнялась главным образом путем пожертвований. С течением времени появились скудные средства — стали выписывать книги из России. Тургуневская библиотека поддерживала тесную связь с русскими книгоиздателями — Марксом, Вольфом, Сытиным. Много книг передал бесплатно в фонд библиотеки известный книгоиздатель З. И. Гржебин. Среди них было немало и редких изданий: «Первая любовь» И. Тургенева с акварельными рисунками В. Конашевича, «Образы Италии» П. Муратова — именной экземпляр на особой бумаге, «Старые годы», сочинения русских классиков, книги об архитектурных памятниках России.

В начале 20-х годов тургуневская библиотека, при содействии Наркомпроса и лично А. В. Луначарского, стала получать книги из Советского Союза. Таким образом, книги советских писателей были представлены в библиотеке довольно широко.

Преобладала в библиотеке художественная литература. Впоследствии было собрано немало книг и по философии, искусству, истории революционного движения в России и на Западе, точным наукам. По своим масштабам и разнообразию книги по истории революционного движения пред-

ставляли особый интерес. В большинстве своем это были нелегальные издания, запрещенные в царской России. Политическая литература, издававшаяся в Берлине, Лейпциге, Женеве, Лондоне и главным образом в Париже — самом крупном центре русских эмигрантов — предназначалась не только для русской интеллигенции, живущей за границей, но прежде всего для России, где уже полыхало пламя революционного движения. Библиотека ревностно собирала эту литературу.

Библиотека имела и почти все журналы, выходившие в дореволюционной России. Но самой ценной, конечно, стала революционная печать — журнал «Каторга и ссылка», выходивший при ближайшем участии В. Фигнер, политическое социально-революционное обозрение при участии П. Лаврова, Г. Плеханова — «Социалист», ленинская «Искра».

В общественно-политическом отделе библиотеки хранилось первое издание «Капитала» К. Маркса, переведенное на русский язык Г. Лопатиным и Н. Даниельсоном, первые издания произведений В. И. Ленина, П. Лаврова, Г. Плеханова.

Организаторы библиотеки собирали и произведения художественной литературы, выходившие за рубежом. Многие из них тоже были запрещены царской цензурой. Это серия книг *Nouvelles et Recits russes*, куда входили произведения Салтыкова-Щедрина, Слепцова и других писателей, напечатанные в Берлине произведения М. Горького, запрещенные царской цензурой.

Активно пропагандируя революционную литературу, тургеневская библиотека внесла ощутимый вклад в борьбу с самодержавием.

Собрала библиотека довольно большой фонд мемуарной литературы — дневники писателей, артистов, критиков, общественных деятелей, просто бывалых людей. Интересовали ее и художественные издания книг русских писателей с иллюстрациями крупных художников Ю. Анненкова, М. Врубеля, И. Билибина, А. Бенуа, Е. Лансере, В. Григорьева, Л. Пастернака. Нельзя не упомянуть о редких пушкинских изданиях, вышедших к юбилейным датам. Это однотомник избранных сочинений поэта, вышедший в Париже, на бумаге верже в сафьяновом переплете в ограниченном количестве экземпляров; гордость библиотеки — уникальные издания, связанные с жизнью и творчеством поэта

и его окружением, — «Дневник Олениной», письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой с фотокопиями писем поэта, иллюстрированный альманах «А. С. Пушкин и его эпоха» и ряд других альманахов и сборников, ставших сейчас библиографической редкостью.

В библиотеке хранились первые издания И. С. Тургенева с дарственными надписями, рукописи писателей. Правда, не было в библиотеке старопечатных русских книг, эльзевиров. На полках ее не красовались огромные фолианты в коже и пергаменте. Для приобретения таких редчайших изданий нужны были огромные средства, а их-то библиотека не имела.

Зато библиотека располагала редкими изданиями, которых не было даже в крупнейших книгохранилищах России. К числу таких книг можно отнести сборник стихов П. В. Григорьева, изданный в Париже в 1883 г. Поэт около ста лет назад воспевал надвигающуюся революцию и громил царское самодержавие. «Началось революционное движение в России, — писал поэт в предисловии к своей книге, — и дивит весь мир своей силой и стойкостью... Да, гремит буря и губит врагов народа, царя и слуг его! Чем быстрее сломит она их, тем скорее мы будем свидетелями цветущего счастья Родины».

Немало и других редких книг хранилось в библиотеке. К более позднему периоду относится книга К. Бальмонта «Песни мстителя», вышедшая в 1907 г. в Париже, обличающая царский строй. Отдельные экземпляры этой книги переправлялись нелегально в Россию. По указанию царской цензуры эти книги беспощадно уничтожались.

Библиотека после революции продолжала собирать издания на русском языке, вышедшие за рубежом, среди них книги И. Бунина, К. Бальмонта, А. Куприна.

Тургеневская библиотека войдет в историю замечательных библиотек мира не только своим неповторимым собранием книг. Она навечно связана с именем В. И. Ленина, который в годы пребывания в Париже часто работал в этой библиотеке.

«Французская национальная библиотека не всегда устраивала Владимира Ильича, — вспоминает Н. К. Крупская. — Там всегда была большая канитель с выпиской книг: мало того, что книги выдавались лишь через день-два, требовалось еще поручительство хозяина дома». В тургеневской библиотеке, все, конечно, было проще, доступнее.

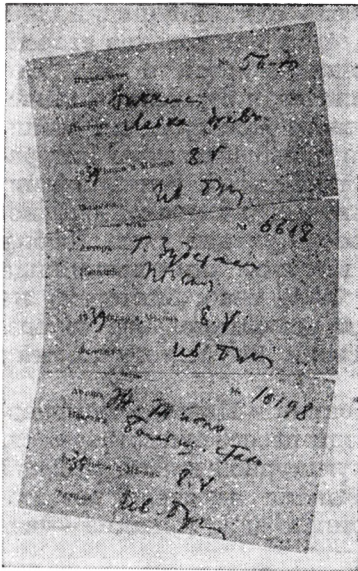
Частый посетитель и друг библиотеки Ант. Ладинский, вернувшийся на родину в 1955 г., передал мне рассказ старейшего работника библиотеки Шейнис-Чеховой о том, как работал В. И. Ленин. Он всегда выписывал огромное количество книг по истории революционного движения в России, книги по философии, нелегальную большевистскую литературу, пользовался и другими богатейшими материалами, которые были сосредоточены только в тургеневской библиотеке. Обычно Ленин приходил утром и уходил днем. Любил работать за небольшим столиком в тесном книгохранилище в окружении книг. В помещении было тихо, никто ему не мешал. Никаких поручительств от домовладельцев не требовалось. Библиотекарь гордился своим читателем и помогал ему, как мог.

Во время пребывания В. И. Ленина в Париже тургеневская библиотека, как и в первые годы своего существования, продолжала оставаться центром культурной жизни русской политической эмиграции. Здесь бывали писатели, революционеры, студенты. Всех их объединяло одно желание — видеть Россию свободной.

В жизни тургеневской библиотеки были и свои трудности. Все годы она помещалась в тесных, непригодных для книг помещениях. Из-за тесноты книги лежали где попало, библиотека не вмещала всех желающих, и многие читатели вынуждены были ждать своей очереди на улице. Здание библиотеки на улице Валь де граасс нуждалось в капитальном ремонте. Члены правления делали все возможное, чтобы получить другое здание, но им в этом всякий раз отказывали.

В 1925 г. библиотеке исполнилось 50 лет, книжный фонд ее уже составлял 50 000 томов. Однако библиотека оставалась по-прежнему в катастрофическом положении. И только счастливый случай решил судьбу библиотеки. Одному из членов правления стало известно, что в окрестностях Парижа пустует небольшой особняк. Нашли владельца, старого парижского мецената, рассказали ему о трудностях, которые переживает библиотека в течение многих лет, и растроганный рассказом старик согласился передать свой дом библиотеке.

Тридцатые годы были годами расцвета тургеневской библиотеки. Книжный фонд уже достиг 100 000 экземпляров. В новом помещении было просторно, светло, а главное, библиотека смогла этот фонд свободно разместить. Значи-

Заявки И. Бунина
в Тургеневскую библиотеку

тельно увеличился приток посетителей. Постоянные читатели библиотеки И. Бунин, А. Куприн, К. Бальмонт и многие другие могли в самые короткие сроки получить все, что им было необходимо для работы. Ант. Ладинский сохранил, как память о прошлом, заявки на книги, с которыми И. Бунин обращался в библиотеку. В те годы Бунин работал над книгой «Освобождение Толстого». В списках значилось немало редких книг, например биография Толстого, составленная Бирюковым, «Исповедь» Толстого, «Жизнь Будды» С. Ольденбурга и много других книг. Все это было собрано в фондах библиотеки.

Но в новом помещении библиотека просуществовала недолго. В начале июня 1940 г. в Париж ворвались гитлеровцы. О том, как они хозяйничали, как грабили музеи и книгохранилища, известно всему миру. О бесценности фондов библиотеки было хорошо известно одному из главарей гитлеровской шайки — Розенбергу. Прибалтийский немец, он не только хорошо знал русский язык, русскую литературу, но и был специалистом в этой области. Вот почему, когда гитлеровцы вошли в Париж, они начали «переговоры» о продаже тургеневской библиотеки. Д. М. Одинец, председатель правления библиотеки, отказался вести переговоры. Он предпринимал отчаянные шаги, чтобы спасти библиотеку. Поражали смелость и самоотверженность этого человека. Его обращения в муниципалитет и другие учреждения ни к чему не привели. Судьба библиотеки решилась очень просто. У Д. М. Одиноца отобрали ключи от библиотеки, а его бросили в концентрационный лагерь, где он просидел до окончания войны.

После войны Д. М. Одинец вернулся на родину в Советский Союз и вскоре умер.

О том, что произошло потом с тургеневской библиотекой, мне подробно рассказал И. Г. Эренбург, который в то время находился в Париже вместе с советским посольством. Когда ключи от библиотеки были отобраны, к библиотеке подъехала легковая машина с двумя гитлеровскими офицерами и русской дамой-предательницей. Они осмотрели библиотеку и, очевидно, составили план, что делать дальше. Первым делом нацисты решили собрать все книги, находившиеся на руках у читателей. Среди всяких объявлений и приказов гитлеровской комендатуры, развешанных по всему Парижу, появилось еще одно скромное на вид объявление: библиотека просила срочно сдать все имеющиеся у читателей книги. Когда большая часть книг была возвращена, нацисты приступили «к делу». Книги стали упаковывать в ящики. Затем к библиотеке подошли грузовики. Всего было вывезено 900 ящиков книг.

Вначале гитлеровцы предполагали переправить книги в Мюнхен, но по неизвестным причинам маршрут эшелона с книгами изменился, и они оказались в предместье Берлина, на одном из складов привокзального депо. Склад был заминирован и вскоре взорвался. Книги, которые были там, погибли.

Уцелела лишь часть книг. При перевозке из Парижа в Берлин ящики пропадали, разбивались в пути. Сопровождающая книги охрана растаскивала их, как могла. Отдельные книги из тургеневской библиотеки оказались в самых невероятных местах. Их находили в Берлине, Польше, Риге. Об этом же пишет в своей книге «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург. «В 1945 году, перед самым концом войны, незнакомый офицер... рассказал, что на одной немецкой станции он видел распотрошенные ящики: русские книги, рукописи, письма валялись на земле; он подобрал несколько писем Горького и, случайно заметив на истлевшем листке мою подпись, решил доставить мне удовольствие».

Так погибла одна из ценнейших русских библиотек, существовавшая 65 лет.

И все же после окончания войны в Париже вновь открылась библиотека, носящая имя великого русского писателя И. С. Тургенева.

Е. Л. Немировский

ЖУРНАЛ БИБЛИОФИЛОВ ГДР

В 1956 г. в Германской Демократической Республике было создано общество библиофилов, которому присвоили имя Виллибальда Пиркгаймера (1470—1530) — одного из первых немецких книголюбов. В январе 1957 г. вышел в свет первый номер печатного органа общества — журнала «Маргиналии». Журнал первоначально издавался небольшим тиражом и распространялся исключительно среди членов Пиркгаймеровского общества. Вскоре он приобрел широкую популярность. С 1968 г. (с № 30) «Маргиналии» выпускаются издательством «Ауфбау-Ферлаг» («Стройка») с подзаголовком «Журнал по вопросам искусства книги и библиофилии» и распространяются как подписное издание. Подписка принимается и в нашей стране.

В «Маргиналиях» публикуются статьи по издательскому делу, искусству книги, истории книжного дела, библиофилии.

Журнал помещает обзорные статьи, посвященные конкурсам на лучшие книги, регулярно проводимым в ГДР (см. 1969 г., № 33, с. 1—6; 1970, № 38, с. 4—12; 1971, № 42, с. 1—9; 1972, № 46, с. 5—14; 1973, № 51, с. 15—26). Подробно рассказывалось о выставках искусства книги. Статьи о Международной выставке искусства книги 1971 г. в Лейпциге помещены в № 43 и 44 за 1971 г. Проф. Альберт Капр рассказал о приуроченном к этой выставке международном симпозиуме, посвященном книге как носителю информации, проблемам удобочитаемости шрифта и др. (см. 1971, № 44, с. 14—20).

«Маргиналии» сообщают также о выставке «Прекрасные книги всего мира» (1969, № 33, с. 1—2), выставке «Книж-

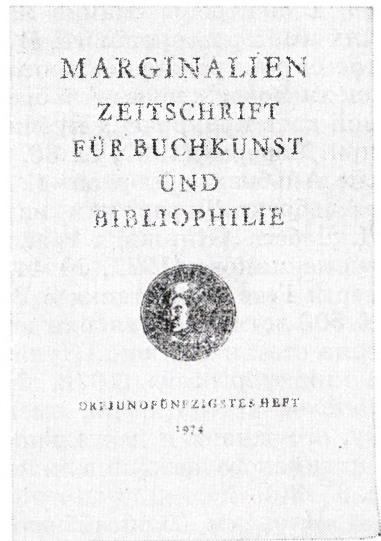
ное искусство ГДР» (1969, № 36, с. 1—3), биеннале иллюстраций детской книги в Братиславе (1972, № 45, с. 36—39; 1974, № 53, с. 59—62) и т. д.

На страницах журнала анализируется оформление продукции крупнейших издательств ГДР — статьи Лотара Ланга «Искусство книги в «Ауфбау-Ферлаг»» (1970, № 37, с. 7—17), «Искусство книги в издательстве «Рюттен унд Лёнинг»» (1970, № 38, с. 13—17).

Журнал рассказывает о творчестве крупнейших художников книги. Статьи обычно сопровождаются подробными библиографическими справками, в которых перечислены книги, оформленные или иллюстрированные художниками. Назовем статьи о молодых иллюстраторах Элизабет Шоу, Вернере Рунере и Германе Науманне (1969, № 33, с. 48—72), о мастере детской книги Гансе Бальтцере (1969, № 35, с. 1—22), о гравере Генрихе Ильгенфритце (1970, № 38, с. 21—26), об оформителе и иллюстраторе Эгоне Пруггмайере (1970, № 39, с. 1—7), об известном каллиграфе и мастере шрифта Альберте Капре (1971, № 41, с. 67—85), о прославленном оформителе и педагоге Вальтере Шиллере (1972, № 45, с. 5—15), об иллюстраторе Урзуле Маттхойер-Нойштедт (1974, № 53, с. 55—58).

«Маргиналии» знакомят своих читателей с искусством книги социалистических стран. Интересны воспоминания редактора журнала Лотара Ланга о его встрече с В. А. Фаворским (1969, № 36, с. 37—40). Журнал напечатал статьи советских исследователей о ранней советской книжной графике и работах В. Лебедева, об А. М. Родченко как иллюстраторе В. В. Маяковского, о В. Конашевиче, А. Тышлере и др.

Большая статья Ганса Фишера посвящена проблемам развития шрифтового хозяйства ГДР (1969, № 34, с. 14—24).

Журнал библиофилов ГДР

В центре внимания журнала — искусство книги великих мастеров прошлого. В 1971 г. весь мир отмечал 500-летие со дня рождения прославленного немецкого художника эпохи Возрождения Альбрехта Дюрера. К этой знаменательной дате приурочена публикация статей П. Денерта «Книга при Дюрере» (1969, № 36, с. 40—43), Х. Кунце «Апокалипсис Альбрехта Дюрера» (1971, № 41, с. 26—53), П. Денерта «Альбрехт Дюрер как издатель» (1971, № 42, с. 16—22), Д. Дебеса «Книжная графика Альбрехта Дюрера и его современников» (1971, № 44, с. 1—10), Ганса Геннинга «Дюрер и Гете — выставка в Веймаре» (1971, № 44, с. 11—13). К 500-летию со дня рождения Лукаса Кранаха опубликована статья Г. Кюне «Лукас Кранах как издатель, типограф и книготорговец» (1972, № 47, с. 59—73). Изобретателю тоновой ксилографии, сменившей обрезную, Томасу Бьюнку, его жизни и деятельности посвящена большая статья английского историка книги Рея Уоткинсона (1969, № 36, с. 3—36).

Членами Пиркгаймеровского общества являются и собиратели экслибрисов. В № 41 за 1971 г. помещена статья «Экслибрис в Германской Демократической Республике», а также каталог экспозиции экслибрисов, показанной на Международной выставке искусства книги 1971 г. в Лейпциге. Журнал публикует статьи об использовании экслибрисов в генеалогических исследованиях (1971, № 43, с. 61—64), об экслибрисах Освина Фолькамера (1971, № 44, с. 59—62), В. А. Фаворского (1971, № 42, с. 60—63), о современном польском экслибрисе (1969, № 34, с. 58—68).

Большое место на страницах журнала занимает библиофильская тематика. «Маргиналии» рассказывают о библиофилах прошлого. Несомненный интерес представляет статья Хорста Гебауера о библиотеке отца Карла Маркса (реферат исследования Гейнца Монца — см. 1970, № 39, с. 48—50). Сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ Мартин Хундт опубликовал в «Маргиналиях» свою работу «Кугельман — друг Маркса и библиофил» (1970, № 37, с. 1—7). А директор библиотеки этого института, президент Пиркгаймеровского общества проф. Бруно Кайзер написал для журнала небольшую статью «Первые стихотворения, посвященные Марксу и Энгельсу» (1971, № 41, с. 53—57).

О. Г. Ласунский на страницах «Маргиналий» познакомил немецких читателей с советской библиофильской лите-

ратурой (1972, № 46, с. 21—29), а О. С. Чубарьян — с советскими миниатюрными изданиями (1973, № 52, с. 16—24).

В № 44 журнала за 1971 г. помещен отчет о перевыборном собрании Пиркгаймеровского общества, состоявшемся 12 июня 1971 г. в Лейпциге. К отчету приложен перечень заседаний отделений общества в Берлине, Лейпциге, Радебойле за 1966—1970 гг. Опубликован перечень изданий Пиркгаймеровского общества. Среди них три папки, выпущенные в 1966, 1968 и 1970 гг. к XI, XII и XIII Международным конгрессам экслибрисистов в Гамбурге, Комо и Будапеште. Членам общества разосланы подборки хромолитографии Арно Мора, ксилографий Гайнера Фогеля и офортов Макса Улига. В 1966 г. тиражом 750 экз. издана книга Хорста Кунце «Библиофилия при социализме». Выпущено факсимильное издание: И. А. Бергк. Искусство читать книги. 1799.

В каждом номере «Маргиналий» — большой отдел рецензий. В № 53 (1974 г.) опубликована рецензия на первый выпуск «Альманаха библиофила» (М., 1973) и дан перечень напечатанных здесь статей и заметок. Регулярно публикуются «Почтовый ящик», обширная библиография книговедческой литературы, отдел «Известия для любителей книги и графики». В последнем отделе — сведения о новых каталогах букинистических магазинов, об аукционах старой книги, о выставках книги и графики и т. п.

Чтобы читатель мог получить представление о профиле журнала «Маргиналии», мы приводим здесь перечень статей, опубликованных в нем в 1973 г.:

№ 49. Г. Декерт. К истории библиофильства в Дрездене; Ю. Молок. Московская книжная графика; П. Гольдаммер. Письмо Фердинанда Фрейлиграта (1848 г.); Ф. Гезелль. Новые иллюстрированные книги ГДР; Указатель произведений Вильгельма Френгера; Б. Кайзер. Краткие заметки; Р. Голлмитц. Встреча Пиркгаймеровского общества в Дрездене.

№ 50. И. Байер-Френгер. Переписка В. Френгера и А. Кубина; В. Шютте. Левые издательства Веймарской республики; Л. Ланг. Арно Мор как портретист; Х. Чёртнер. Два письма Г. Гауптмана к Максусу Кретцеру; Г. Шефер. Иоганн Гольдфридрих и «История немецкой книжной торговли».

№ 51. Х. Кунце. О собирательстве без затрат; А. Капр. Третье десятилетие конкурса «Лучшие книги ГДР»;

А. Капр. Скандал в Немецкой библиотеке — к избранию лучших книг 1930—1933 гг.; Е. Л. Немировский. Русские иллюстрированные издания Г. Гейне; В. Шаде. Д. Митрохину — к девяностолетию; Л. Ланг. Книжное искусство Лотара Рейера; Х. Чёртнер. Серия «Спектрум» в издательстве «Фольк унд Вельт»; М. Папирник. Цирилл Боуда — классик современной чешской книжной графики; Ю. Зайдель. В. Браке — основатель социал-демократической партии и пионер социалистического издательского дела.

№ 52. Э. Янсен. «Автобиография» Э. Барлаха — к истории издания 1928 г.; О. С. Чубарьян. Советские миниатюрные издания; К. Вигель. Указатель миниатюрных изданий ГДР; В. Бекер. Тертуллиан в издании Фробена 1521 г.; А. Ланге. Жизнь с книгами. О библиотеке И. М. Ланге; К. Маувицкий. Собиратель К. В. Пройскер; К. Д. Драган. Румынское общество библиофилов; Всемирный конгресс библиофилов в Польше; Г. Кноблах. Выставка лучших книг — на этот раз в Берлине; М. Славковский. Иллюстрация и книжная графика в Брно; Ф. Краузе. Первый музей книги Украинской ССР в процессе создания.

Москва

Поиски
и
находки

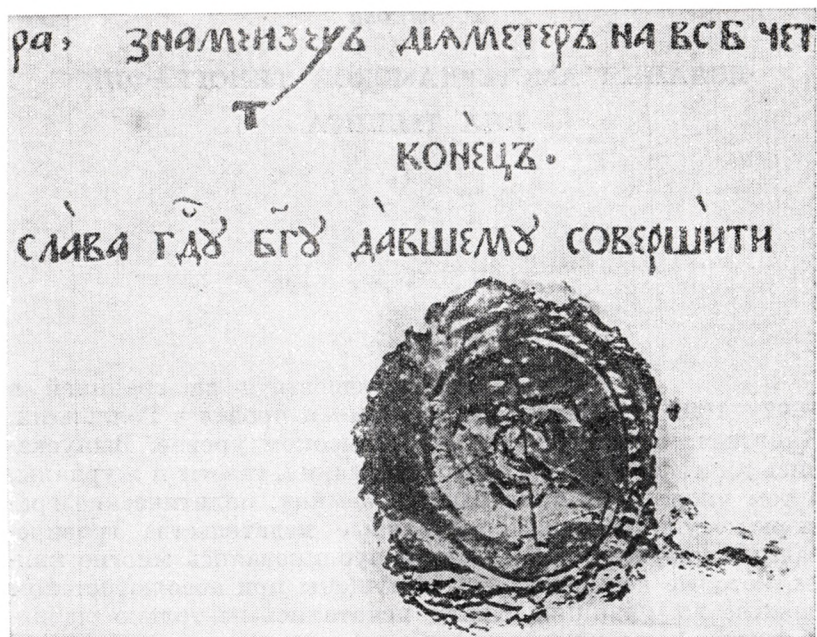
ИЗДАНИЯ АМСТЕРДАМСКОЙ ТИПОГРАФИИ
ЯНА ТЕСИНГА

Путешествуя за границей в 1697—1699 гг., Петр I много времени провел в Голландии. Книгопечатание там стояло на высоком уровне. Выпускались книги по разным отраслям знания, газеты и журналы, в том числе и на иностранных языках, политические гравюры; существовали специальные издательства гравированных увражей. В Голландии публиковались многие книги, которые не могли быть выпущены при абсолютистском режиме во Франции. Книги печатались не только латинским шрифтом, но и другими, например, армянским. Петр I воочию убедился, какой силой обладает печать в общественной жизни.

Естественно, что у Петра I могла возникнуть мысль о печатании в Амстердаме книг и для России, тем более, что тогда он еще не знал, найдет ли в Москве людей, могущих создать учебную и техническую литературу.

Петр I был знаком с амстердамским купцом Яном Тесингом, братья которого вели торговые дела с Архангельском. Ян Тесинг подал Петру I прошение — предоставить ему привилегию на печатание книг на русском языке. 17 мая 1698 г. ему была дана грамота с правом 15 лет печатать русские книги:

«...и повелели ему в том городе Амстердаме печатать европейские, азиатские и америцкие земные и морские картины и чертежи и всякие печатные листы и персоны, и о земных и морских ратных людях, математические, архитектурские, и городостроительные и иные художественные книги на славянском и голанском языке вместе, также славянским и голанским языком порознь по особну, с подлинным размером и с прямым известованием, кроме церковных

Сургучная печать Яна Тесинга в конце первой книги, напечатанной им в Амстердаме

славянских греческого языка книг, потому что книги церковные славянские греческие, со исправлением всего православного устава восточные церкви, печатаются в нашем царствующем граде Москве... А напечатав, ему, Ивану Тесингу, в Амстердаме те чертежи и персоны и книги, в больших и малых изображениях, за подписью и за клеймом своим, чтоб могли быть от иных отделены и знатны (отличимы.— Т. Б.), привозить ему Ивану... к Архангельскому городу... А буде кто из которой земли без нашего царского величества указу и без позволения его, Ивана Тесинга, и без клейма его и подписи... в наше царское величества Российское царствие на продажу к Архангельскому городу или куда в иные места привезут...», то такие книги подлежали безденежному изъятию, а виновные лица обязаны были платить в казну пени.

Всего в типографии Я. Тесинга было напечатано восемь книг: «Введение краткое во всякую историю...» (1 апреля

Иллюстрации из книги «Притчи Эсоповы»,
изданной в 1700 г. Яном Тесингом

1699 г.); «Краткое и полезное руководство во арифметыку...» (15 апреля 1699 г.); «Уготовление и толкование ясное и зело изрядное краснообразного поверстания кругов небесных...» (1699 г.); «Краткое собрание Льва Миротворца августейшего греческого кесаря, показующее дел воинских обучение...» (1 января 1700 г.); «Номенклатор (лексикон.— Т. Б.) на русском, латинском и немецком языках» (1700, первая половина года); «Номенклатор на русском, латинском и голландском языках» (1700, первая половина года); «Притчи Эсоповы, на латинском и русском языке...» (1700 г.); «Святцы или Календарь...» (1702 г.).

Ян Тесинг не знал русского языка; ему пришлось привлечь для работы жившего в Амстердаме белоруса Илью Копиевского. В 1700 г. между ними произошла ссора, и

Копиевский открыл свою типографию; после его ухода у Тесинга были напечатаны только «Святцы или Календарь...».

Книг, выпущенных Тесингом, сохранилось мало. Тематика книг не могла удовлетворить Петра I, который хотел иметь учебные книги. По содержанию они очень легковесны: Илья Копиевский был не ученым, а компилятором. Во «Введении кратком во всякую историю» на 69 страницах совершенно бессистемно изложены разные события древней истории. «Краткое и полезное руководство во арифметику» содержит 48 страниц, из которых половину занимают басни, а не арифметические правила, и, конечно, не могло конкурировать с основательной «Арифметикой» Леонтия Магницкого, вышедшей через четыре года в Москве. «Руководение во арифметику» явно не ценилось как учебник. Копиевский недостаточно владел русским языком. Затруднительна была и доставка книг из Амстердама в Архангельск, чем и объясняется то, что издания Тесинга чрезвычайно редки.

Только два из них вызвали интерес в России: «Притчи Эссоповы» были переизданы в 1712 г. в Москве и в 1717 г. в Петербурге, а «Номенклатор» на русском, латинском и немецком языках был переиздан в Москве в 1718 и в 1720 гг. в Петербурге.

На изданиях Тесинга с 1700 г. помещался знак печатника, как он назван в данной ему «Грамоте» — «клеймо» — печатная монограмма, которая состояла из букв I. T. S. (Jan Thesing — Т. Б.) До этого Тесинг собственноручно подписывал книги — J. Thesing, или на них ставилась его сургучная печать. Вероятно, подписывал он не весь тираж, а только часть. Два таких редчайших экземпляра первой книги «Введение краткое во всякую историю» хранятся в Отделе редкой книги Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: на одном — подпись, а на другом — печать Тесинга, (третий экземпляр без помет). Подпись есть и на одном экземпляре Библиотеки им. В. И. Ленина.

Известно три экземпляра (один в Публичной библиотеке, два в Библиотеке Академии наук СССР) карты звездного неба, прилагавшейся к книге «Уготовление и толкование ясное и зело изряпное краснообразного поверстания кругов небесных...», на всех трех стоит подпись Тесинга и его сургучная печать.

Это редчайший случай в истории книгопечатания, когда выход книги из определенной типографии удостоверялся не гравированным знаком печатника, а его личной подписью.

Интересна более поздняя помета на одном экземпляре Отдела редкой книги Публичной библиотеки, на книге «Краткое собрание Лва Миротворца...»: «1805 года Генваря 13-го сею книгу подарил в знак памяти и усердия, и уверения к талантам в собрании Древностей Российских ГКС (господину коллежскому советнику.— Т. Б.) П. П. Дубровскому, издатель Корифея и любитель Галиковский».

Известно, что П. П. Дубровский собирал не только рукописи, но и редчайшие издания и, конечно, только такое мог подарить Дубровскому Галиковский. Это одно из доказательств, что издания Тесинга очень редки и ценились bibliофилами.

Розыски в библиотеках и архивах нашей страны помогут, вероятно, выявить еще экземпляры типографии Тесинга, на которых могут обнаружиться и другие интересные записи.

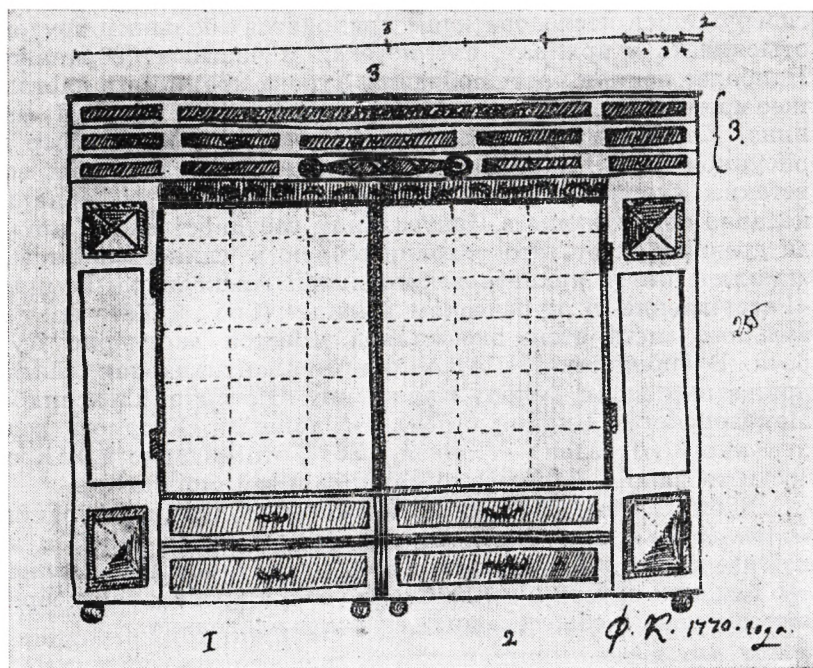
Ленинград

СУДЬБА БИБЛИОТЕКИ ФЕДОРА КАРЖАВИНА

Литератор, издатель, архитектор и путешественник Федор Васильевич Каржавин (1745—1812) прожил жизнь, полную разнообразных приключений. Он «первым из россиян» побывал на Кубе, активно участвовал в становлении новой республики Соединенных Американских областей и выступал за раскрепощение их «разноцветных» народов.

В своей литературной деятельности Ф. Каржавин был связан с выдающимся русским просветителем Н. И. Новиковым, в журналах которого он начал печататься с 1773 г. Вместе со своими друзьями и соратниками — архитектором В. И. Баженовым, поэтом и драматургом Андреем Бухарским, переводчиками А. В. и Е. В. Рознатовскими, художниками И. А. Ерменевым и И. Х. Набгольцем — Каржавин издал около 60 интереснейших книг.

Известно, что Каржавин был страстным коллекционером, на протяжении многих лет он собирал старинные книги и рукописи, рисунки, бумаги своих друзей. Какова же их судьба в дальнейшем? После смерти Каржавина его богатейшая коллекция была передана или продана его вдовой коллекционеру — собирателю старины и редкостей Александру Ивановичу Сулакадзеву. Бывший офицер-гвардеец Сулакадзев в начале XIX в. был известен в московских собирательских и ученых кругах как подделыватель старинных документов. Он был близким к Каржавину человеком, об этом говорит дарственная запись последнего на сатирической книжке «Описание вши...». По словам Сулакадзева, он в 1813 г. (т. е. на следующий год после смерти Каржавина) имел «более 2 тысяч рукописей всякого рода, кроме писанных на баргаменте (пергаменте)».

Чертеж книжного шкафа, сделанный Ф. Каржавиным в 1770 г.

Это собрание родственники Сулакадзева продавали за 25 тысяч рублей. Высокая цена останавливала многих коллекционеров, поэтому книги долго хранились «сложенные в кулях где-то в сарае или чердаке» и, наконец, были куплены купцом Шапкиным за дешевую цену. В числе этих книг было много брошюр и рукописей, которым Шапкин не придавал особой ценности, и он продал их на вес в соседнюю бумажную лавку. Часть книг была куплена известным коллекционером Я. Ф. Березиным-Ширяевым, в том числе «две большие рукописные книги в переплетах с латинским, французским и русским текстом и масонского, мистического и медицинского содержания...» Но большая часть коллекции досталась другому страстному коллекционеру, известному библиографу Н. П. Дурову.

Собрания Н. П. Дурова и Я. Ф. Березина-Ширяева после смерти их владельцев тоже распались. И теперь эти кни-

ги и рукописи исследователям приходится с большим трудом отыскивать в архивах, библиотеках и частных собраниях. Наиболее ценная часть собрания Дурова хранится в настоящее время в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Хорошо известен исследователям «Альбом гравюр и рисунков Ф. В. Каржавина», описанный выдающимся советским ученым А. А. Сидоровым. Некоторые материалы недавно обнаружены в Центральном государственном архиве древних актов. Это сохранившаяся в единственном экземпляре книга архангельского купца Александра Фомина «Рассуждение о купеческом звании» (Спб., 1788); на титульном листе этого экземпляра имеется экслибрис Дурова. В библиотеке ЦГАДА хранится антикварная книга, принадлежавшая Федору Каржавину «История Александра Македонского» Курция (1530). По данным «Каталога редких книг» (Дрезден — Лондон, 1861), это издание в XIX в. отсутствовало в Парижской национальной библиотеке.

В библиотеке обнаружен также конволют из собрания Ф. В. Каржавина. Этот сборник представляет собой ценнейшее собрание книг, рукописей и рисунков Каржавина, его близких друзей и свидетельствует о широте и разнообразии научных и общественных взглядов владельца.

Москва

Михаил Искрин

КТО ТАКОЙ МАРТЫН ЗАДЕКА?

В «Евгении Онегине» Пушкин упомянул Мартына Задеку. Он не сомневался, что это —

Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

Имелся в виду, собственно, не сам гадатель и толкователь Мартын Задека, а книга «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного шестилетнего старца Мартина Задека, по которому узнавал он судьбу каждого чрез круги счастья и несчастья человеческого, с присовокуплением Волшебного Зеркала или толкования снов, также правил физиогномии и хиромантии, или наук, как узнавать по сложению тела и расположению руки или чертам свойства и участь мужеского и женского пола, с приложением его ж, Задека, предсказания любопытнейших в Европе происшествий, с бытием оправданное, с прибавлением Фокус-Покус и забавных загадок и с отгадками» (изд. 3-е. М., 1821).

Пушкин не знал, что Мартын Задека не составлял этого сборника. Литератор Б. Федоров, рецензируя четвертую и пятую главы романа «Евгений Онегин» в своем журнале «Санктпетербургский зритель», заметил: «Автор назвал его (Задеку.— М. И.) гадателем и толкователем снов. А Мартын Задека был швейцарский старик, который, умирая, оставил весьма известное политическое пророчество и никогда не сочинял сонника».

К рифмоплету Федорову, не брезгавшему ремеслом доносчика, Пушкин относился, как позже Добролюбов и Некрасов, резко отрицательно. Однако он прислушался и к такому рецензенту. Федоров был на седьмом небе. Он испы-

тывал чрезвычайное удовольствие от того, что на него обратил внимание гений, и в его дневнике появилась ликующая, путающая желаемое с действительным, запись: «Написал критику на Пушкина, сблизился с Пушкиным и говорил с ним откровенно... Пушкин просматривал со мною весь мой разбор и со множеством мест согласился».

Согласился Пушкин с одним «местом» — о Мартыне Задеке. Так появилось 33-е примечание к роману «Евгений Онегин»: «Гадательные книги издаются у нас под фирмой Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров».

Кто все-таки составил сонник? По гонорарной ведомости московского издательства Решетникова установлено: купец Семен Иванович Комисаров, который и раньше был привержен к изданию книг. Он сочинил «Краткое истолкование почтовой или путешественной игры...» (М., 1792), собрал «Самой новейший отборнейший московский и санктпетербургский песельник...» (М., 1799).

Сонник — более крупный эпизод его литературно-коммерческой деятельности.

Это не объясняет, какое отношение имеет Мартын Задека к «Древнему и новому всегдашнему гадательному оракулу». Вчитаемся в титульный лист и перелистаем книгу. Оказывается, это развлекательный сборник. Главная часть его — толкователь снов. Он был издан раньше (Прохоров Лев. «Волшебное Зеркало...» Иждивением С. Комисарова. М., 1794). Непосредственно с Мартыном Задекой связано лишь «Любопытное предсказание шестистилетнего славного швейцарского старика Мартина Задека друзьям его». Тут несколько изменено заглавие появившейся ранее, в 1770 г., брошюры «Примечания достойное предсказание славного Мартына Задека, которое он на сто шестом году от рождения, в Швейцарии при Золотурне, приятелям своим открыл 20 декабря 1769 года» (издано в Санкт-Петербурге).

Брошюра говорила о близком падении турецкой империи, предрекала голод в Германии и Швейцарии. Давала прогноз погоды и стихийных бедствий: «Америка от землетрясения погибнет». Вдобавок старец угрожал приближением страшного суда, обещая воскреснуть «при конце света». Некто, записавший пророчество Мартына Задеки, уверял, что предсказание это «довольно вероятно», и сообщал год, когда турецкий султан потеряет свои владения в Европе, — 1770!

В 1769—1770 гг. Россия вела победоносную войну против Османской Порты. В Петербурге печатались листовки с военными реляциями. «Санкт-Петербургские ведомости» ввели рубрику «С турецкой границы». 12 января 1770 г. в газете (№ 4, с. 4) говорилось примерно то же, что в «Предсказании» Задеки: «Ныне наступило, по-видимому, то время, в которое все народы как будто восстают от глубокого сна и, ободрившись, устремляются к низвержению возложенного на них за несколько столетий турецкого ига».

Время такое действительно наступило. Вот почему вслед «пророчеству» Мартына Задеки публиковались и другие в таком же духе, например, «Предсказание о падении Турецкого царства аравийского звездослова Муста-Эддина», авторы которого скрылись за инициалами П. К. А. К. Ф. Б.

Оставим пока в стороне вопрос о том, кто написал текст, якобы рассказанный Мартыном Задекой 20 декабря 1769 г. друзьям в швейцарских Альпах. Таких сведений в брошюре нет. Зато на титульном листе сказано: «с немецкого на российский перевел К. Н.».

Перебирая переводчиков, имена и фамилии которых соответствуют инициалам или которые подписывались такими инициалами, отбрасываешь их одного за другим. Характеристика Николая Федоровича Катталинского в «Имянном списке всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-овер-офицерам и кадетам» обнадеживает: кадет «переводит как с российского на немецкий, так и с немецкого на российский язык, изрядно учится истории универсальной, истории специальной новейших времен, также политике...» Быть может, перевел он? Впрочем, каких-либо принадлежавших ему переводов мной не обнаружено.

Гораздо вероятнее кандидатура просветителя XVIII в. Николая Гавриловича Курганова. Майор, «мафематических и навигацких» наук профессор, кавалер, создатель знаменитого в свое время «Письмовника» (выученного наизусть Белкиным, как явствует из вступления к «Истории села Горюхина»), автор учебников, переводчик, он издавал с 60—70-х годов в Санкт-Петербурге книги, которые печатала типография Морского шляхетского кадетского корпуса. Именно из нее вышло и «Предсказание» Задеки! Курганов в совершенстве владел немецким и французским языками, внимательно следил за иностранной печатью, не пропуская новинок.

Предисловие «Письмовника» подписано Н. К. (Николай Курганов). Просветитель пользовался и перевертышем К. Н. (Курганов Николай). Библиограф прошлого века Г. Геннади в третьем томе «Справочного словаря о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях» вернул перевертыш в библиографическом описании «Предсказания» Задеки к исходной точке: Н. К. Под теми же инициалами в словаре описан «Гадательный способ. Переведен с французского стихами, сокращен и издан трудами К... Н...» (СПб., 1778). Вполне возможно, что этот перевод принадлежит Курганову, который не был чужд поэзии. В «Письмовнике» немало его собственных стихотворений.

Сравнение «Гадательного способа» с «Письмовником» подтверждает нашу догадку. Приметам не стоит верить, предупреждает К... Н... в предисловии к переводу с французского: он не принимает гадания всерьез. Желательно, продолжает переводчик, чтобы «читатели находили в сей книжке забаву и душевное спокойствие», не больше. Таковую же позицию занимает автор «Письмовника». «Изучение природы охраняет нас от суеверия,— пишет он,— открывает тщетность предсказаний, бредни разных гаданий...»

В «Письмовнике» Курганов выступает и как библиограф, рекомендует указываемую литературу «особливо имеющим много праздности». Точно так же «Гадательный способ», по мнению переводчика, должен привлечь тех, кто время «препровождает праздну». Вряд ли сходные «мотивы» «Письмовника» и «Гадательного способа» случайны. Иначе говоря, «Гадательный способ», вполне вероятно, также издан Кургановым, который подписывался то К. Н., то Н. К. Но почему, отрицательно относясь к гаданиям, русский просветитель взялся за перевод «Гадательного способа» и «Предсказания» Мартына Задеки? Если первая книга — развлекательное чтение, то вторая — гадание особого рода; политическая брошюра предсказывала крушение турецкой империи, возбуждала патриотизм. Обе книги могли иметь тогда большой успех. Курганов превосходно училывал книготорговую конъюнктуру. Все его издания приобрели долговую популярность среди разных слоев читателей.

Именно это имел в виду литератор XIX в. Е. Колбасин, когда писал, что в судьбе «Письмовника» и «Предсказания» Мартына Задеки много общего. Интуитивно сопоставляя то и другое в первой биографии Курганова, Колбасин словно предугадал нашу гипотезу о принадлежности русского тек-

ста «Предсказания» автору «Письмовника». Между прочим, Пушкин хотел создать жизнеописание Курганова, чтобы вырвать его из забвения, однако не нашел достаточно материалов.

Сравнение «Предсказания» с «Письмовником» дает любопытные параллели. Там и здесь развенчиваются канонические церковные воззрения — о вращении Солнца вокруг Земли. Переводчик «Предсказания», явно разрывая текст, вставляет в невинный абзац о погоде взрывчатую «еретическую» фразу о вращении Земли вокруг Солнца (вставка нами выделена курсивом): «Целые пять лет погода будет против прежней совсем отменная. Тогда (?! — М. И.) люди утвердятся во мнении, что земля обращается, а солнце неподвижно. Но отменная сия погода происходит от ветров...» и т. д.

Этот абзац приводит на память протест в «Письмовнике» против необоснованных прогнозов погоды, а фраза о вращении Земли взята из опровержения — там же — догматики Птолемея. «...Около нашего солнца *обращается* (курсив мой. — М. И.) наша земля», — говорится в «Письмовнике» в разделе «О науках и художествах». А в разделе «Краткие замысловатые повести» помещена такая повесть. «Молодой звездочет... уверял, что солнце, а не земля обращается». Его собеседник остроумно доказывал противоположное. «Не солнце, а земля вертится; ибо когда жарят птиц, тогда вертят их, а не очаг». Звездочет согласился с неотразимым аргументом, сказав: «правде подобно... но весьма далеко от мнения многих ученых мужей и от истины...» Полемика продолжается в стихотворении, сталкивающим Птолемея с Коперником. Оно кончается лаконично: «Коперник прав!» В «Письмовнике» (1769), затем в «Предсказании» (1770) неподвижность Солнца провозглашается лишь ради того, чтобы в противовес этому доказать подвижность Земли. Курганов достаточно ясно дает понять в «Письмовнике», что неподвижных космических тел нет.

Курганов-астроном и Курганов-историк одинаково прозорливы. Идея крушения империй, на примере Оттоманской Порты, в «Предсказании» Мартына Задеки, несомненно, была близка русскому просветителю. Вероятно, это наряду с другими причинами могло вызвать у него желание перевести брошюру. «История, — читаем в «Письмовнике», — представляет забавный театр обращений, дел, поведений

разных народов, приращений, упадков и разорений империй и королевств».

Итак, нашлось немало данных в пользу того, что Н. Г. Курганов перевел «Предсказание» Мартына Задеки. Оставалось разыскать немецкий оригинал. После тщетных поисков в Москве был запрошен Ленинград, но тоже безуспешно. «Однако,— утешали библиографы Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина,— ...нет достоверных свидетельств того, что эта книга действительно переведена с немецкого языка. Она могла быть написана анонимным русским автором...»

К тому же склонялся знаток турецкой истории профессор А. Ф. Новичев: «Никогда не занимался «сочинением» Мартына Задеки,— сообщил он.— Могу лишь сказать, что это безусловная фальшивка, выпущенная в разгар русско-турецкой войны 1768—1774 годов. По всему видно, она предназначалась для «подъема духа» населения... Возможно, сочинение «100-летнего старца Мартына Задеки» (которого, конечно, не существовало в природе) представляет интерес как образец пропагандистской литературы своего времени».

И все же поиски немецкого оригинала были продолжены — за пределами СССР. В фонде Немецкой национальной библиотеки (Лейпциг), сравнительно молодой, брошюры не было. Сотрудник посоветовал обратиться в берлинскую Национальную государственную библиотеку. Оттуда сразу пришел ответ. Требуемая брошюра (следовало библиографическое описание), уведомлял д-р Вилли Унгер, к сожалению, утеряна. Выходит, «Предсказание», действительно, перевод! Издание 1770 г.— не работа русского анонима! Это было известно, как выяснилось позже, после получения письма из Берлина, библиографу минувшего столетия Н. В. Губерти. В первом выпуске своих «Материалов для русской библиографии» он пишет: «Первое издание «Предсказания» замечательно тем, что переведено с немецкого языка на русский в год появления подлинника...»

Счастливым обладателем экземпляра на немецком языке, удалось мне установить, является Открытая библиотека университета Базеля. Директор теологического отдела д-р Х. Хагманн любезно прислал фотокопию титульного листа брошюры. О Мартыне Задеке он нигде, по его словам, ничего не нашел.

Да и мудро найти! Прав профессор А. Ф. Новичев: «Мартын Задека отнюдь не реальная личность. Это — литературный персонаж, придуманный Вольтером. Из повести «Задиг, или Судьба» (1748) прозорливец перешел, видоизменившись, в немецкую брошюру. Ведь Задиг (Zadig) и Задек (Zadecsk) значат по-древнееврейски одно и то же: «праведник».

Автор немецкой брошюры заимствовал не только имя литературного героя. Он подал текст как запись рассказа некоего мудреца, пользуясь опять-таки приемом Вольтера. Тот представил свою повесть как «перевод книги одного древнего мудреца». Даже тема брошюры — неминуемая гибель Турецкой империи, почерпнутая, конечно, из политической и военной действительности того времени, в какой-то мере связана с повестью «Задиг, или Судьба»: она посвящена султанше, упоминается в посвящении султан. У Вольтера Турция — всего лишь иносказание. В брошюре — реальная, конкретная страна.

Автор «Предсказания» взял у Вольтера напрокат персонаж и превратил его в швейцарского пустынножителя. Не потому ли отчасти, что сам Вольтер в 70-х годах XVIII в. одиноко жил в Швейцарии — в поместье Ферней, вдали от парижского «света». Мартын Задека, точнее, Мартин Цадек стал швейцарцем еще и потому, что брошюра издана в Швейцарии — в Базеле, как значится на титульном листе. Кто же ее автор? Ни в Швейцарии, ни в ГДР не удалось разыскать его следов. Но старый русский беллетрист А. Ф. Вельтман называет его имя в предисловии к повести «МММCDXLVIII (3448.— М. И.) год. Рукопись Мартына Задека. В 3-х книгах» (М., 1833). Будучи в Яссах, рассказывает Вельтман, он «приучил» к себе «забавного швейцарца» — странствующего пирожника. Вельтман спросил «про известного всем столетнего швейцарского предсказателя Мартына Задека». Пирожник восторженно ответил: «Мартын Цадэк? — вскричал он. — Ах, мой господин, да это мой предок!..»

Потомок старца сделал важное сообщение. Славную историю 3448 года, хранящуюся в Золотурне под названием рукописи Мартына Цадэка, оказывается, «писал Эрнст Родер». Видимо, Э. Родер и есть автор столь популярной в России политической брошюры, а не шестилетний Мартын Задека, как думают некоторые.

А ведь до сих пор кое-кто всерьез считает его... русским литератором! А. Гессен в книге «Все волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей» (М., «Наука», 1965) пишет: «Мартын Задека издал в Петербурге в 1821 году «Толкователь снов», объемом в 256 страниц, с очень сложным и любопытным названием...»

Мартын Задека не канул в забвение благодаря Пушкину. Однако имя мифического старца — не только выразительная деталь «Евгения Онегина», но также отзвук давних исторических событий, столь же давних немецко-русских публицистических связей и литературной французской классической традиции.

Москва

ГУСТАВ ЗЕЛИНСКИЙ И ЕГО ПОЭМА

Весной 1842 г. из далекого Вильно в сибирский городок Ишим пришла на имя политического ссыльного, поляка Густава Зелинского посылка с экземплярами небольшой книжки. На титульном листе ее стояло «*Kirgiz. Powieść przez G. Z.*» («Киргиз». Поэма Г. З.) Книгу выпустил издатель Глюксберг, а попала она к нему через Януария Янушкевича, брата ссыльного поляка Адольфа Янушкевича, с которым Зелинский жил в Ишиме. Поэма была написана на материале жизни казахов, которых в то время неправильно именовали киргизами, и была совершенно неожиданной для европейского читателя и по своему сюжету, и по образам ее героев, и по реалиям быта степных кочевников.

Казах-кочевник Бий темной ночью напал на чужой табун и увел его. Хозяин помчался вслед, но был убит Бием. Сын убитого схвачен и продан в рабство. Все это мы узнаем постепенно по ходу поэтического рассказа. Начинается поэма внутренним монологом юноши-казаха, который бежит из «плена каменных юрт».

Устремившись в родные степи, юноша долго блуждает там, затем попадает к своим соплеменникам, которые радушно принимают его. Тут юноша увидел Демелю, юную дочь хозяина аула. Ночью юноше не спится, он выходит из юрты и, услышав разговор хозяина с баксы (шаманом), убеждается, что попал к убийце своего отца, жестокому Бию, который продал его в рабство. Враги сговариваются убить юношу, но не теперь, а когда начнется переезд на летнее кочевье и закон гостеприимства утратит силу. В душе юноши борется любовь к Демеле и жажда кровной мести. Любовь побеждает. Он остается в ауле, а при переезде уго-

варивает девушку бежать. Бий скачет за ними в погону, а не сумев догнать — пускает вслед огонь. Влюбленные погибают в страшном степном пожаре.

Поэма была романтической не только по сюжету, но и по форме.

Первый отклик на поэму появился в 1842 г., едва она вышла в свет. В «Тыгоднике Петербургском» была напечатана статья Мошиньского, весьма одобрительная. Да и последующие отзывы были хорошие. Вот что писал о Зелинском друг Адама Мицкевича Антони Одынец в одном из писем: «Это выдающаяся звезда на нашем поэтическом горизонте, «Киргиз» — одна из лучших наших поэм...»¹

Первый отзыв на русском языке появился в 1843 г. Петр Дубровский в варшавском альманахе «Денница» поместил небольшой отзыв о поэме, краткое содержание и перевод (прозой) концовки поэмы, не называя переводчика. В предисловии есть такие слова: «Приветствуем новый, прекрасный поэтический талант, недавно явившийся в области польской литературы, и считаем приятнейшим долгом познакомиться с ним наших читателей»².

В 1846 г. в Варшаве вышла книга «Поэзия» Густава Зелинского, где, кроме «Киргиза», были и лирические стихотворения.

Популярность поэмы росла. В 1847 г. крупное книгоиздательство «Кшенгарня загранична» Бобровича в Лейпциге выпустило роскошное иллюстрированное издание «Киргиза». В дальнейшем Бобрович еще трижды выпустил поэму.

Иллюстрации были выполнены художником А. Рыщевским. Он явно не имел никакого представления о казахах, их быте, одежде и т. д. Его казахи в кафтанах с газырями, в коротких черных бурках и с кинжалами напоминают скорее кавказских горцев. Рисунки сделаны тонко, виньетки необычайно затейливы, но все это далеко от действительности казахской степи.

В Польше при жизни Густава Зелинского, кроме упомянутых изданий, вышло еще семь. Четвертое — в Варшаве в 1857 г.; в том же году Бобрович повторил свое иллюстрированное издание в Лейпциге, в третий раз подобное издание вышло во Львове в 1867 г.

¹ Цит. по предисловию Я. Одровонж-Пенёнжка к 22-му изданию поэмы на польском языке. Варшава, 1956, с. 5.

² «Денница. Словянское обозрение». Варшава, 1843, т. 1, с. 85.

ГУСТАВ ЗЕЛИНСКИЙ
ҚАЗАҚ

Обложка книги Г. Зелинского, вышедшей в 1964 г.
в издательстве «Жазушы» на казахском языке

Во Львове библиотека «Мрувки» издала поэму в 1871 г. И сейчас же Бобрович издал еще раз иллюстрированное издание поэмы «Киргиз» в Лейпциге. А пять лет спустя, в 1876 г. там же, в Лейпциге, Е. Каспрович выпустил «карманное» издание поэмы! Но, очевидно, и этого не хватило, так как библиотека «Мрувки» во Львове в 1877 г. вновь издала «Киргиза». Самые ранние из зарубежных — немецкие издания появились еще при жизни Зелинского: в 1851 г. — перевод А. Бана, в 1855 г. — О. Кониского, в 1858 г. — А. Вейсса. После смерти Зелинского вышел перевод С. Людомира в 1888 г.³

На французском языке поэма вышла в 1878 г. — в журнале «Ле Монд Слав» (переводчик Жюль Мьен). На чешский язык поэму «Киргиз» перевел Колар, опубликована она была в журнале «Люмир» в 1863 г. Есть сведения, что поэма «Киргиз» была переведена на английский и итальянский языки.

Обилие переводов говорит о широком признании поэмы Густава Зелинского. Как же возникло это непривычное сочетание — поэма польского поэта о казахской степи?

Густав Зелинский принадлежал к старинному шляхетскому роду: отец его, полковник, сражался под знаменами Тадеуша Костюшки. Родился Густав в 1809 г., учился в гимназии в Плоцке, в 1827 г. поступил в Варшавский университет на факультет права, но много занимался литературой: слушал лекции знаменитых профессоров, принимал участие в литературных спорах — на стороне романтиков. По своим политическим взглядам принадлежал к прогрессивной молодежи, и когда началось восстание в Варшаве в 1830 г., сразу добровольно вступил в артиллерию и при-

Густав Зелинский. Портрет работы художника Краевского. 1835 г.

³ Сведения об изданиях поэмы «Киргиз» частично взяты из прекрасно составленных комментариев к 22-му научному изданию в Варшаве. Составитель Януш Одровонж-Пенёнжек.

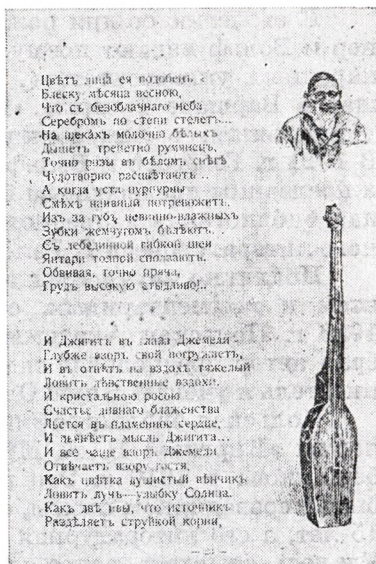
нял участие в боях под Варшавой. Когда теснимые царскими войсками польские повстанцы уходили во Францию, Густав по настоянию престарелого отца вернулся домой и некоторое время скрывался. Позднее за помощь партизанам, сражавшимся с царскими солдатами, Зелинский был арестован и сослан в Сибирь в 1834 г., сначала в Тобольск, затем в Ишим. Он провел в ссылке 8 лет. Стихи начал писать во время восстания, но именно в Ишиме, в самое тяжелое для него время, он становится настоящим поэтом. Талант его, как писал в начале XX в. польский критик Г. Галле, «разгорелся и погас в степях киргизских».

В конце 1842 г. Зелинский вернулся на родину. Здесь он получил огромное наследство и стал рачительным помещиком. Литературу он по-прежнему любил, начал собирать редкие книги, рукописи, первоиздания. Но стихов больше почти не писал. Он умер в 1881 г., оставив городу Плоцку, где он долгие годы жил, огромную библиотеку. Сейчас это прекрасный музей и библиотека им. Зелинских, обладающая богатыми фондами рукописей и старых фолиантов.

Смерть Зелинского вызвала много откликов — некрологов, статей, воспоминаний. Поэма «Киргиз» издавалась в 1884 г. во Львове, в Варшаве в 1892 и 1899 гг.

Первым изданием XX в. были вышедшие в 1901 г. в Торуні два томика: первый включал жизнеописание поэта на основании его писем и архивов, сделанное литературоведом Петром Хмелевским, во втором — поэма «Киргиз» и другие произведения.

Следующее, пятнадцатое по счету издание вышло во Львове в 1906 г. В 1908 г. одновременно в Бродях с предисловием С. Затея и в Варшаве, в издании народной библиотеки «Киргиз» выходит снова.

Страница издания «Киргиза»
в пер. Г. Гребенщикова с рис.
Г. Гуркина и В. Белослюдова

К столетию со дня рождения Густава Зелинского Гебетнер и Вольф издают поэму в Варшаве в серии «Библиотека народных университетов». Девятнадцатое издание, вышедшее в Варшаве в серии «Поэтическая библиотека», стало уникальным, о нем можно узнать только по проспекту. В 1921 г. Гебетнер и Вольф повторили варшавское издание, а последним предвоенным было 2-е издание в серии «Народная библиотека» с предисловием и комментариями известного литературоведа Г. Галле.

Подлинно научное издание поэмы «Киргиз» с предисловием и комментариями, с библиографией осуществила в 1956 г. Польская Академия наук. Огромный материал собрал автор предисловия и комментариев молодой польский писатель и ученый Януш Одровонж-Пенёнжек.

Польская библиография называла два русских перевода поэмы «Киргиз»: Н. К. Михайловского в 1857 г. и Г. Гребенщикова в 1910 г. Это не точно. Михайловский не мог быть переводчиком поэмы, ему в 1857 г. еще не исполнилось 15 лет, а его литературная деятельность началась в 1860 г. Удалось отыскать ранее не упоминавшийся стихотворный перевод того самого отрывка, что был помещен в «Деннице», — в номере шестом петербургского журнала «Дело» за 1872 г. Перевод подписан инициалами «Н. Д.» По словарю Масанова установлено, что это тифлисский беллетрист и поэт В. И. Немирович-Данченко. Он писал: «Прекрасная польская поэма «Киргиз», окончание которой мы перевели, давно известна всем любителям славянской поэзии»⁴.

В 1910 г. товарищество «Бытовая Сибирь» в Томске издало поэму в малоудачном переводе Г. Гребенщикова. Издание украшено рисунками двух художников — Г. Гуркина и В. Белослюдова. Рисунки их этнографически точны.

В начале 60-х годов алма-атинский литературовед Е. Ф. Симонова привлекла внимание общественности к поэме Зелинского. На казахский язык «Киргиз» переведен, к сожалению, с неудачного перевода Гребенщикова.

Поэма Густава Зелинского еще ждет своего настоящего переводчика — поэта, который донес бы до русского читателя всю прелесть звучных польских ритмов и рифм.

⁴ «Дело», 1872, № 6, с. 215—217.

С. В. Белов

ОБ ОДНОЙ КНИГЕ ИЗ БИБЛИОТЕКИ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Жена Федора Михайловича Достоевского вспоминает: «16 мая 1878 года нашу семью поразило страшное несчастье: скончался наш младший сын Леша... Чтобы хоть несколько успокоить Федора Михайловича и отвлечь его от грустных дум, я упросила Вл. С. Соловьева.... уговорить Федора Михайловича поехать с ним в Оптину пустынь»¹.

В этом старинном монастыре, основанном, по преданию, еще в XIV в. возле древнего калужского города Козельска, существовал особый тип русского монашества — так называемое старчество.

Старцы Оптиной пустыни привлекали к себе внимание выдающихся деятелей литературы и искусства. В Оптиной пустыни бывали Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. Н. Апухтин, В. А. Жуковский, Вл. С. Соловьев, П. В. и И. В. Киреевские, Н. С. Лесков, И. С. Тургенев, А. К. Толстой².

Старчество давно занимало Достоевского. В его личной библиотеке были книги: «Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва)» (М., 1876) и «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни» (изд. 3-е. М., 1876). Однако впервые «приоткрыла» писателю дверь в Оптину пустынь и дала толчок соответствующим страницам романов «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» другая книга из его библиотеки: «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции

¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 320, 321—322.

² См.: Богданов Д. П. Оптиная пустынь и паломничество в нее русских писателей.— «Исторический вестник», 1910, № 10.

и Святой Земле инок Парфения». Эта книга вышла в Москве двумя изданиями: в 1855 и 1856 гг. В библиотеке Достоевского было второе издание, несколько исправленное автором по сравнению с первым.

Состав личной библиотеки Достоевского свидетельствует не только о широте интересов писателя, но и о том, что в этой библиотеке не было ничего случайного. Можно с уверенностью сказать, что почти каждая книга так или иначе отражалась в его творчестве. Иные из этих книг почти забыты в наше время. Одна из таких библиофильских редкостей — «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле инок Парфения».

Автор книги — иеромонах Парфений (Петр Агеев. 1807—1878), духовный писатель. В первой половине XIX в. он посетил ряд монастырей и обителей, а затем изложил свои впечатления и наблюдения в книге, которую, кроме Достоевского, высоко ценили Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, П. В. Анненков.

Книгу Парфений закончил 1 марта 1849 г. В ней четыре части. Первая повествует о паломничестве Парфения по России и Молдавии, о жизни монахов в различных монастырях, о его сомнениях в справедливости раскола и, наконец, о его возвращении к православию. Подробно описывает Парфений самые разные события, топографически точно указывает расположение монастырей, приводит все разговоры с монахами и т. п.

Вторая и третья части посвящены путешествию по Турции, пребыванию в Иерусалиме, на Афоне и возвращению в Россию. В четвертой части Парфений снова описывает Иерусалим, свою жизнь на Афоне, давая, правда, дополнительные штрихи к жизнеописанию отдельных монахов. В предисловии к своей книге Парфений подчеркивал, что он решил описывать свое путешествие не хронологически, а в той последовательности, которая ему кажется удобной для читателя.

Поэтичность и подкупающая простота описания Парфения произвели большое впечатление на Достоевского. По всей вероятности, он познакомился с книгой Парфения еще в ссылке, в Семипалатинске, так как эта книга, написанная с благословения епископа Томского и Енисейского Афанасия, получила наибольшее распространение в Азиатской России.

По утверждению Н. Н. Страхова и А. Г. Достоевской, уезжая за границу в 1867 г., Достоевский взял с собой, среди других книг, и «Странствия инока Парфения». В письме к А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. Достоевский, рассказывая о неосуществленном замысле романа «Житие великого грешника», упоминает инока Парфения. В письме к Н. А. Любимову от 7 (19) августа 1879 г. о главке из шестой книги «Братьев Карамазовых», под рубрикой «О священном писании в жизни отца Зосимы» Достоевский замечает: «Эта глава восторженная и поэтическая, прототип взят из некоторых поучений Тихона Задонского, а наивность изложения из книги странствований инока Парфения». В письме к тому же Н. А. Любимову от 16 сентября 1879 г. Достоевский указывает: «Дело идет лишь о мощах умершего монаха Зосимы, а уж это совсем другое. — Подобный переполох, какой изображен у меня в монастыре, был раз на Афоне и рассказан вкратце и с трогательною наивностью в «Странствовании инока Парфения»».

Итак, Достоевский был внимательным читателем труда Парфения. Помимо чисто писательского интереса к стилю и содержанию «Сказания», Достоевского привлекала и личность самого Парфения, его стремление к духовному совершенству, его всеобъемлющая любовь к людям.

Именно книга Парфения впервые пробудила интерес писателя к Оптиной пустыни. В сентябре 1841 г. Парфений был в Оптиной пустыни у старца Леонида и об этом посещении подробно рассказал в книге. Достаточно сравнить оптинские места книги Парфения и роман «Бесы», чтобы сделать вывод, что Достоевский взял из «Странствий» для романа эпизод с «златницей» в сцене приема юродивым Семеном Яковлевичем. Стиль исповеди Лебядкиной, ее стилистическое и грамматическое построение и, наконец, умиленный экстаз также восходят, в основном, к Парфению.

Книгу Парфения Достоевский использовал для лексики и фразеологии в речи странника Макара Ивановича в «Подростке». Недаром, как вспоминает А. Г. Достоевская, зимой 1874 г., работая над «Подростком», писатель снова читает Парфения. Сам Достоевский точно указывает в записях к «Подростку»: «Макар Иванов рассказывает о вечернях и стояниях, взятых из Парфения».

Однако больше всего параллелей с книгой Парфения в «Братьях Карамазовых». Это не только места, отмеченные выше самим Достоевским, но и другие малозаметные на пер-

вый взгляд ситуации и даже образы. Например, образ странствующего по монастырям монаха Парфения дал Достоевскому и идею «захожего монашка» в «Братьях Карамазовых» — только он наполнил этот образ другим содержанием³.

Судьба библиотеки Достоевского трагична. Анна Григорьевна Достоевская в своих «Воспоминаниях» пишет: «У него (Достоевского) была прекрасная библиотека, о которой он очень тосковал за границей. В ней было много книг, подаренных ему друзьями-писателями с их посвящениями; много было серьезных произведений по отделам истории и старообрядчества, которыми Федор Михайлович очень интересовался. При нашем отъезде Павел Александрович (пасынок писателя, сын его первой жены.— С. Б.) уприсил моего мужа оставить эту библиотеку на его попечение, уверяя, что она нужна для его образования, и обещая возвратить ее в целости; оказалось, что он, нуждаясь в деньгах, распродал ее по букинистам...

Потеря ценной библиотеки чрезвычайно огорчила Федора Михайловича».

Но мы знаем, что книгу Парфения Достоевский взял с собой за границу, и таким образом, она оставалась с писателем до конца его жизни. Недаром в записных тетрадах Достоевского за полгода до его смерти снова упоминается имя Парфения⁴. Мы не сомневаемся в том, что и после смерти писателя его жена, верный друг и помощник Анна Григорьевна Достоевская продолжала хранить эту книгу. Известно, что писатель обычно делал пометы на прочитанных им книгах.

Может быть, эти драгоценные пометы и дадут возможность нашим библиофилам найти экземпляр книги Парфения, судьба которого в настоящее время неизвестна, как неизвестна и судьба многих других книг из библиотеки Достоевского⁵.

³ Зная поразительное переосмысление Достоевским имен при создании своих литературных персонажей, можно предположить, что имя Парфения дало толчок к созданию имени его полного антипода — Парфена Рогожина в «Идиоте».

⁴ «Лит. наследство», т. 83, М., 1971, с. 675.

⁵ Часть книг А. Г. Достоевская передала в Пушкинский дом, и часть книг Пушкинский дом приобрел после ее смерти (см. об этом в кн.: Степанов Н. У книг своя судьба. Л., 1974), но книги Парфения среди них нет.

Ключ к поискам библиофилов дадут разыскания замечательного советского литературоведа Л. П. Гроссмана. Весной 1917 г. ему посчастливилось во время работы над рукописями Достоевского в Московском Историческом музее найти тетрадь, в которую А. Г. Достоевская внесла список всех книг библиотеки Достоевского в последний период его жизни. Список этот послужил материалом для составления каталога книг Достоевского в последние годы его жизни.

Ленинград

ЗАМЕТКИ ОБ ЭКСЛИБРИСАХ ПИСАТЕЛЕЙ

Однажды газета «Литературная Россия» напечатала очерк народного поэта Дагестана Расула Гамзатова «Ключи от замков Кавказа». В нем рассказывалось, какую богатейшую библиотеку о Кавказе собрал писатель Роман Фатуев, как увлеченно и настойчиво разыскивает он книги писателя-декабриста А. Бестужева-Марлинского.

Невольно подумалось, насколько успешнее шли бы поиски библиотеки, если бы на книгах Бестужева-Марлинского был его книжный знак.

Были ли экслибрисы у декабристов? Лишь через несколько лет в моей коллекции наконец появился скромный книжный знак. Под небольшим изображением герба — надпись шрифтом пушкинских времен: «Из книг М. Н. и Н. М. Муравьевых, пожертвованных К. Ф. Муравьевой». Это единственный экслибрис декабристов.

Удалось узнать и историю этого книжного знака. После ссылки на каторгу декабриста Никиты Муравьева его мать, Екатерина Федоровна Муравьева, решила сохранить библиотеку сына, сделав ее общественным достоянием. Кто-то посоветовал передать книжное собрание Никиты в библиотеку Московского университета, попечителем которого был ее покойный муж, М. Н. Муравьев. Екатерина Федоровна так и поступила, предварительно заказав экслибрис и наклеив его на книги. Таким образом, скромные инициалы «Н. М.» означают крамольное для того время имя Никиты Муравьева. Вряд ли «власти предрержащие» расшифровывали их, а вот библиотека с ценнейшими для истории пометами Никиты Муравьева благодаря этому уцелела. Без книжного знака она оказалась бы безнадежно разрозненной.

Экслибрис этот можно с полным правом назвать и писательским. Ведь муж Екатерины Федоровны, Михаил Никитич, был известным в свое время поэтом. Его стихи очень ценил Константин Батюшков. Упоминал его и Пушкин.

Один из первых русских печатных экслибрисов (они датированы 30-ми годами XVIII в.) принадлежал Антиоху Кантемиру. Этот книжный знак встречается крайне редко, нет его и у меня. Описал его известный исследователь В. К. Лукомский в одном из трудов Ленинградского общества экслибрисистов. Он сообщал, что листок с гравированным гербом Кантемиров получен им из Парижа еще до мировой войны. Но служил ли он экслибрисом и кому из Кантемиров принадлежал? Уже в 1920-х годах попался Лукомскому каталог аукциона, состоявшегося в Лейпциге в ноябре 1910 г. Там-то и указан был подобный листок как гербовый экслибрис Кантемира. Исследуя гравюру, Лукомский установил, что по «стилю композиции герба знак, несомненно, работы первой половины XVIII в., а из числа немногих представителей этого рода, угасшего в 1820 г., мог принадлежать только светлейшему князю Антиоху Дмитриевичу Кантемиру, известному сатирику, бывшему русским посланником в Париже при дворе Людовика XV (с 1738 по 1744 г.). Будучи широко образованным и исключительно одаренным человеком, Кантемир собрал прекрасную библиотеку на нескольких европейских языках»¹. Принадлежность знака замечательному писателю доказывается и тем, что он был получен Лукомским из Парижа, где эта библиотека осталась после безвременной и загадочной, на 35-м году жизни, смерти Кантемира.

Лукомский называет судьбу библиотеки печальной. В самом деле, значительную ее часть наследники первого русского сатирика распродали в Париже в 1745 г., и только 300 томов попали в Московский архив министерства иностранных дел.

Книжный знак Кантемира красив и пышен. Под широкой великокняжеской короной (Кантемиры — потомки молдавских господарей) гербовый щит, его поддерживают лапами раскрывшие пасти львы. Интересен постамент герба. Он выполнен в стиле барокко и состоит из затейливых завитков и элементов растительного орнамента. При взгляде на него представляешь себе молодого дипломата и писателя в длин-

¹ Труды Лоз. Т. 9—10, 1927, с. 29—30.

ном белом парике с ниспадающими на плечи локонами — таким, каким изобразил его художник Амикони на портрете, гравированном Вагнером. Кстати, под этим портретом, воспроизведенным в первом томе популярной в свое время «Истории русской словесности» П. Н. Полевого, помещен и герб Кантемира, полностью совпадающий с экслибрисом.

Кантемир, видимо, наклеивал экслибрис далеко не на все книги библиотеки. С тем большим интересом рассматривали мы, члены Московского клуба экслибрисистов, этот удивительный книжный знак в 1966 г., когда его показывал нам на одном из заседаний покойный ныне, прославленный ленинградский собиратель Борис Афанасьевич Вилинбахов.

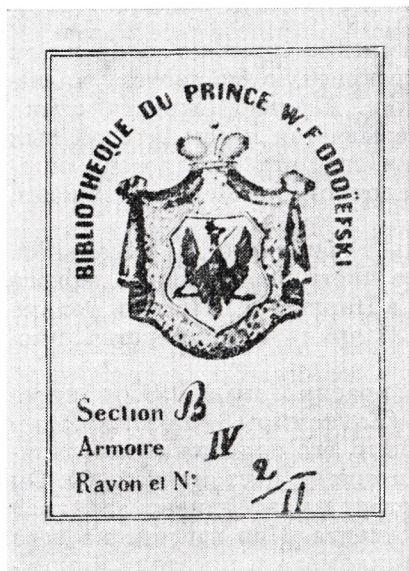
...Любители экслибрисов, развернув 8 июня 1968 г. газету «Книжное обозрение», увидели в ней статью «Онегин — собиратель Пушкинианы» и в первой же фразе слово — *ex libris*: «В музей Мицкевича от А. Онегина. Paris IX/08. № на обложке означает *ex libris* поэта В. Жуковского». Экслибрис Жуковского? Это была сенсация. Мы, экслибрисисты, о нем и не слыхали. Впрочем, скоро выяснилось, что Онегин-Отто под экслибрисом Жуковского подразумевал

цифры, которыми поэт нумеровал бумаги Пушкина.

Александр Сергеевич Пушкин экслибриса не имел. Видимо, предпочитал легкий, воздушный росчерк на книгах. Но у многих его современников, в том числе и писателей, книжные знаки были.

Прежде всего хочу упомянуть книжный знак друга Пушкина, Сергея Александровича Соболевского. Этот знак есть и в моей библиотеке — маленький, готовый взлететь орлик на экземпляре с собственноручной надписью владельца.

Князь Владимир Федорович Одоевский, автор романтических повестей, занимательных детских рас-

Экслибрис В. Ф. Одоевского

сказов и статей о музыке, тоже друг Пушкина, в моем собрании представлен и экслибрисом, и собственноручной надписью «ex libris P. V. Odojevsky», датированной 1823 г. и показывающей, что в тот год печатного знака он еще не имел. Князь был прямым потомком Рюриковичей. Об этом напоминает и его экслибрис с изображением орла, герба русских царей.

Довольно простой, однако же гербовый штемпель имел для книг эпиграммист, каламбурист Иван Мятлев. Этого поэта хорошо знал Пушкин. Его поэмой «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границую, дан л'этранже» восхищался Лермонтов.

Скромный штемпелек имел и прославленный автор исторических романов Михаил Николаевич Загоскин, которого Пушкин хвалил за «Юрия Милославского». Но если книжный знак Мятлева еще встречается изредка, то знак Загоскина — редкость, его не было даже у С. П. Фортинского. Я очень ценю этот значок, доставшийся мне после долгих поисков.

В библиотеке Пушкина, описанной Б. Л. Модзалевским, находились книги с дарственной надписью писателя Николая Сергеевича Всеволожского, имевшего весьма пышный герб. Великолепный экслибрис! Щитодержателем служит вздыбленный конь. Интересен сам смоленский герб Всеволожских с архангелом и пушкой. Французская подпись торжественно гласит, что этот Всеволожский (не путать с другом Пушкина, Никитой Всеволожским, также имевшим экслибрис!) был кавалером ордена св. Георгия. Но порой, чем пышнее книжный знак, тем скромнее литературные заслуги. Хотя и известно, что был Николай Всеволожский драматическим писателем, историком и путешественником, — кто ныне помнит его сочинения?

Одна крылатая фраза осталась от писателя Жозефа де Местра, посланника Сардинского королевства при русском дворе. Взята она из его письма от 27 августа 1811 г.: «Каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает». Предполагают, что это перифраз мысли Монтеスキе — «Каждый народ достоин своей участи». Пушкин в письмах часто называет имя Жозефа де Местра, в частности как автора книги о папах римских. Его брат Ксавье де Местр, бывавший у Пушкиных, когда Александр Сергеевич был ребенком, написал чудесный акварельный портрет его матери Надежды Осиповны. Книжный знак Жозефа де Местра пре-

восходен. Еще бы: это гравюра Николая Ивановича Уткина. Латинский девиз означает: «Кроме чести, никакой заботы». В щите — лилии и раскрывшая крылья сова; щит охраняют две античные фигуры.

Русский литератор и библиофил Авраам Сергеевич Норов заказал свой знак граверу Рабану в Париже. Значок небольшой, но великолепный. Под гербом на ленте девиз: «Помни, если все потеряешь, сбережешь душу». Авраам Норов был братом декабриста Василия Норова. Он путешествовал по Востоку и оставил книги о нем.

Другой, несравненно более знаменитый путешественник, также представлен у меня экслибрисом. Это прославленный адмирал, знаменитый мореплаватель и автор увлекательных книг о дальних странах Иван Федорович Крузенштерн. В Домской церкви в Таллине, увидев его могилу с многоцветным гербом, я вспомнил этот значок и девиз «*Spe fretus*» — «Надейся на море». Не знаю, как связан этот девиз с адмиральством Крузенштерна, ведь обычно гербы и девизы давались при Екатерине II (следовательно, были получены его отцом), но этот девиз оказался на редкость пророческим.

Из имеющихся у меня гербовых писательских знаков хочется упомянуть еще два, более позднего времени, — Владимира Михайловича Жемчужникова и Пимена Николаевича Арапова. Оба знака интересны. Первый из них — гравюра Федора Меркина. Владимир Жемчужников — член знаменитого содружества «Козьма Прутков». Экслибрисная гравюра В. М. Жемчужникова чисто русского происхождения, выполнена превосходно. Очень живо изображены все элементы герба — лиса, несущая кисть винограда, пушечные ядра, рыцарская рука из облака. Под гербом на ленте надпись «Правдой, любовью и честью» и ниже — красивый письменный шрифт с именем владельца.

Любопытен и экслибрис забытого ныне писателя П. Н. Арапова, определенный Лукомским. Это отличная русская гравюра. Плывущий в лодке арап напоминает о происхождении или легенде рода.

Своеобразна и очень выразительна трактовка щитодержателей — грифонов.

С 60-х годов XIX в. пышный гербовый экслибрис уже не моден. Книжные знаки дворян, правда, выполняются еще с геральдическими атрибутами, но гербы эти в большинстве случаев стилизованы и воспринимаются как художествен-

ный элемент. Среди писательских книжных знаков господствует лаконичный деловой ярлык в рамке, скромно сообщающий, кому принадлежит библиотека.

Своеобразен книжный знак библиотеки великого русского комедиографа Александра Николаевича Островского. Спорили о принадлежности знака, но по нашему общему с С. П. Фортинским мнению, его владельцем был именно драматург.

Скорее всего знак этот — три соединенные буквы АНО — выполнен после смерти писателя для сохранения его книжного фонда (как это было со знаком Короленко), ибо буквы сделаны в виде венка.

Моя подборка писательских ярлыков начинается со знака писателя-путешественника Павла Петровича Свиньина, которого Пушкин называл «Павлушей», «Маленьким лжецом» и «Российским жуком» (в стихотворении «Мое собрание насекомых»). Это тот самый «Лжец», который, по преданию, изображен в одноименной басне Крылова.

Ярлык его несколько громоздкий, но интересный по шрифту.

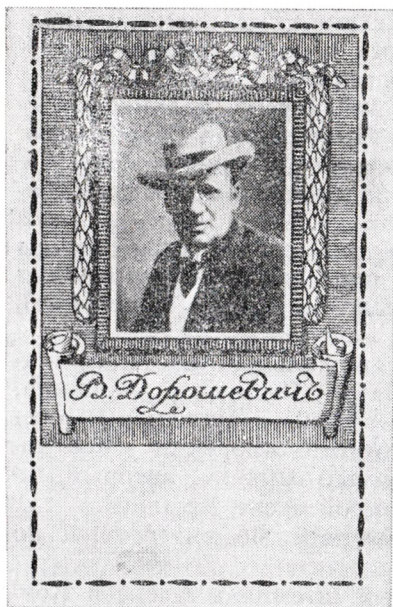
Хранится у меня и овальный штемпель Алексея Константиновича Толстого на титульном листе изданной в Париже в 1844 г. книжки Ларошфуко «Размышления, или Моральные изречения и максимы».

Голубой штемпель-печатка Николая Семеновича Лескова свидетельствует, что проживал он одно время в Петербурге на Сергиевской улице, 56, кв. 14. Простой ярлык, отпечатанный на желтой бумаге, имел исторический беллетрист Григорий Петрович Данилевский. «Из книг А. К. Шеллера» — гласит другой типографский ярлык, уже с более затейливой рамкой.

Это Шеллер-Михайлов, ныне полузабытый, а когда-то модный писатель.

«Эта книга украдена из библиотеки В. Гиляровского. Москва», — полушутит, полугрустит, как бы напоминает неаккуратному или вороватому знакомому «дядя Гиляй» своим чернильным штампом-печаткой. Кто-то взял да и оттиснул его на тетради в линейку — другой бумаги под рукой не оказалось, а ныне этот оттиск хранится у меня.

Очень простые ярлыки были у А. П. Чехова и Н. А. Некрасова. А вот вензелевый знак И. С. Тургенева изящен и замысловат.

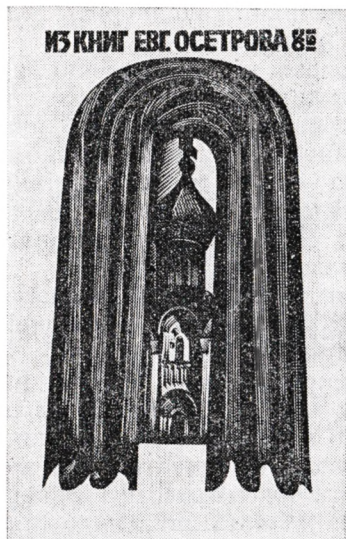

Экслибрис Власа Дорошевича

Влас Дорошевич — это было уже в начале нынешнего века — имел экслибрис-портрет. Рамку ему рисовал известный художник Лео в 1913 г. Связанный с «Миром искусства» художник Калмыков выполнил знаки для Федора Сологуба и Тэффи.

На страницах журнала «Искры» в 1910 г. появился громадный «Экслибрис Льва Толстого» работы немецкого художника Горст-Шульце, где писатель изображен за плугом. Это новый прием работы, когда художник, выражая симпатии и интерес к тому или иному лицу, делает для него книжный знак заочно. Подобный метод особенно развит в наше время.

В 20—30-х годах свой книжный знак имели многие советские писатели. Вот далеко не полный перечень: А. Н. Толстой, П. Бляхин (автор «Красных дьяволят»), ленинградский писатель Леонид Борисов, Иван Евдокимов, Борис Лавренев, Леонид Леонов, Всеволод Рождественский, автор исторических романов Зиновий Давыдов, малоизвестные поэты Иван Логинов, Зинаида Мороз. Любопытны книжные знаки Максимилиана Волошина с изображением предметов оккультных наук (редчайший знак работы Диего Риверы); поэта Михаила Кузмина (с изображением цветов) работы неизвестного художника С. Л. и с французским девизом «лучше быть, чем казаться». Любопытная неожиданность — собственный экслибрис Леонида Леопова (наряду с другим — портретом-силуэтом работы Фалилеева), экслибрис-линогравюра работы Георгия Берендгофа для поэта Александра Жарова, упомянутый в каталоге «Гравюра СССР за 10 лет» (М., 1927) или, например, великолепный цветной экслибрис с верблюдом работы М. Маторина для поэта Г. Санникова, в своих стихах воспевавшего романтику освоения Средней Азии. А вот выполненный Иваном Павловым

Экслибрис Е. Осетрова.
Художник А. И. Калашников

Экслибрис В. Солоухина.
Художник В. А. Фролов

экслибрис для Вл. Лидина оказался малоудачным — лицо молодого человека XIX в. аляповато. Малоудачен и знак для Вл. Лидина работы другого талантливого мастера, Н. Купреянова.

Характерна история с книжным знаком для М. Горького работы Владимира Соколова. Поблагодарив художника, писатель заметил, что хотел бы видеть на знаке каноническое экслибрисное изображение символической фигуры.

Для Горького, помимо Соколова, делал экслибрис Эфраим Лильен из Берлина (фигура обнаженного мужчины, ломающего кнут). Отношение Горького к этому экслибрису мне неизвестно, но он выставлен в экспозиции горьковского музея-квартиры в Москве. Очевидно, организаторы музея считали его более приемлемым для Горького, чем соколовский.

Никто не видел таинственного экслибриса для Горького работы Стенлейна, упомянутого в одном из справочников. Я тщетно ищу его вот уже несколько лет.

Художник Владимир Соколов исполнил экслибрисы для Михаила Пришвина и поэта Петра Орешина.

Говоря о писательских экслибрисах, нельзя, конечно, не назвать и скромнейшую фиолетовую печатку «Владимир Владимирович Маяковский», которая существовала при жизни поэта и которую можно считать книжным знаком.

Скромный фиолетовый штамп «Библиотека писателя Ю. Н. Тынянова» был, видимо, поставлен на книгах после смерти Юрия Николаевича, потому что трудно представить, чтобы он сам именовал себя «писателем».

Своеобразный мемориальный интерес имеет и штемпель «Из книг, переданных в дар Центральной военно-морской библиотеке М. Л. Новиковой-Прибой».

Бурный расцвет советского экслибриса в наши дни естественно захватил и творческие взаимоотношения современных художников и писателей. В подавляющем большинстве случаев эти экслибрисы не заказаны писателями, это выражение симпатии художников к их творчеству. В первую очередь мне хотелось бы здесь назвать двух художников совершенно разных манер, но одинаково много, вдохновенно и плодотворно работавших над экслибрисом. Я не буду подробно разбирать ни сюжеты, ни художественные качества экслибрисов Гершона Абрамовича Кравцова для Е. Пермитина, Б. Слуцкого, еврейских поэтов, других писателей. Мне манера Кравцова с ее лаконичностью, четкой и ясной графичностью, близостью к школе Фаворского, из которой он вышел, кажется одним из идеальных выражений задач художников в книжном знаке. Недавно скончавшийся Евгений Николаевич Голяховский, автор книжных знаков для Анны Ахматовой, Ильи Эренбурга и других, поистине может быть назван вдохновенным певцом черно-белого цвета.

Меньше работают в области книжного писательского знака Анатолий Калашников (правда, есть у него замечательнейший знак для Е. Осетрова с видом храма Покрова на Нерли), Герман Ратнер, Вадим Фролов. Если Кравцов как оформитель и иллюстратор книг связан с писателями долготетней творческой дружбой, то у названных трех мастеров эти связи пока посят эпизодический характер.

Мне довелось знакомиться с экслибрисным творчеством многих молодых мастеров, в том числе с экслибрисами Евгения Терехова и Лсонарда Боде. Е. Терехов сделал интересный книжный знак для покойного писателя Юрия Арба-

Экслибрис Э. Казакевича.
Художник М. З. Фрадкин

Экслибрис К. Федина.
Художник Л. А. Литошенко

Экслибрис И. Андроникова.
Художник Е. И. Кузнецова

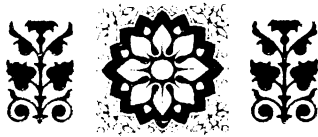

Экслибрис О. Бергольц.
Художник Е. П. Голяховский

та, талантливое пропагандиста народного искусства. Л. Боду рассказывал мне, как долго и трудно работал он над заказным книжным знаком Василия Смирнова. Встречаясь с писателем, он тщательно обдумывал с ним и композицию, и другие элементы, и в результате знак получил полное одобрение владельца.

Мы надеемся, что творческая дружба молодых художников-экслибрисистов с писателями даст нам возможность увидеть новые и талантливые писательские книжные знаки.

Москва

Дела
МИНУВШИЕ

С. Р. МИНЦЛОВ И ЕГО БИБЛИОФИЛЬСКАЯ ПОВЕСТЬ

В плеяде крупнейших русских деятелей книги начала XX в. Сергей Рудольфович Минцлов (1870—1933) занимает почетное место. Литературное наследие его огромно и еще мало изучено. Нашим современникам С. Р. Минцлов известен прежде всего как автор фундаментального библиографического труда «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке»; остальные грани его яркой и многосторонней личности остаются в тени.

Минцлов родился в семье с давними и устойчивыми библиофильскими традициями. Его дед, Р. И. Минцлов, выходец из Кенигсберга, был видным русским историком и библиографом середины XIX в., сотрудником Публичной библиотеки в Петербурге, автором первого путеводителя по ее фондам (Спб., 1872), фундаментального библиографического указателя «Петр Великий в иностранной литературе» (Спб., 1872) и других работ (см. родословную Минцловых в кн.: Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова. Спб., 1913, с. V—XIV). Однако на первых порах Сергею Рудольфовичу предназначалась карьера военного или чиновника. Судьба офицера царской армии не привлекала Минцлова. Он рано вышел в отставку. Дальше мы видим его в роли таможенника, журналиста, земского деятеля, сотрудника провинциальных археографических комиссий. Страсть к путешествиям, к новым впечатлениям побудила его исходить и изъездить всю Россию, проникнуть в самые глухие, «медвежьи» углы. Тяга к экзотике в конце концов сыграла с ним злую шутку. В годы первой мировой войны Минцлов — редактор русской военной газеты в Трапезунде — ока-

зался отрезанным от родины. Остаток жизни он провел в Риге, перебиваясь случайными литературными заработками, терпя нужду и лишения. Мысли рижского отшельника постоянно возвращались к милым сердцу воспоминаниям о далеких друзьях, о странствиях по необъятным просторам России. Единственным связующим звеном между настоящим и прошлым остались книги...

Известно, что книга обладает удивительным свойством: длительное, углубленное общение с ней нередко позволяет человеку, казалось бы, далекому от профессиональной сферы книжного мира, вырваться из плена дилетантизма и стать подлинным исследователем. Так случилось и с Минцловым. Все свободное время молодой офицер и чиновник посвящал собиранию и изучению книг. За полтора десятка лет юношеская полка любимых авторов постепенно превратилась в одно из крупнейших и интереснейших частных книгохранилищ России.

Особую ценность минцловскому собранию придавали строгость отбора печатного и рукописного материала, целенаправленность книжных интересов владельца. Сознательно ограничив рамки своей библиотеки, Минцлов придавал исключительное значение таким ее разделам, как история России и вспомогательные исторические дисциплины (генеалогия, дипломатика, нумизматика, археография), мемуарная и эпистолярная литература. Славу книгохранилищу Минцлова создавала и другая его часть — уникальная коллекция книг, запрещенных царской цензурой. Можно представить себе, каких трудов стоило ему собрать эти драгоценные памятники русского освободительного движения. Известно, что почти весь тираж книг, арестованных цензурным ведомством, подвергался уничтожению «путем обращения в бумажную массу». Сергею Рудольфовичу удалось договориться с некоторыми чиновниками-эксекуторами, которые, не безвозмездно, конечно, утаивали для него один-два экземпляра обреченных на гибель книг.

Естественное для каждого истинного книголюбца стремление поделиться с ученым миром сведениями о своих сокровищах побудило его вскоре выпустить в свет свои первые библиографические труды — «Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке» (Спб., 1904) и «Опись книгохранилища Сергея Рудольфовича Минцлова» (Спб., 1905). Эти традиционные, внешне невинные библиофильские каталоги содержали в себе, как оказалось, опасный для

С. Р. Минцлов. 1909 г.

лиографа» под демонстративным названием «14 месяцев «свободы печати»» — обзор конфискованных полицией книг, журналов и газет того времени. Вольная и запрещенная печать 1905—1907 гг. нашла в Минцлове своего первого историка и библиографа². В этих заметках перед нами предстает уже не любитель-дилетант, а крупный, опытный библиограф, знаток русского печатного слова.

Но еще более ярко профессионализм Минцлова проявился в его самой крупной библиографической работе «Обзор записок, дневников, воспоминаний...» (Вып. 1—5, Новгород, 1911—1912). Она вызвала большой интерес современников и до сих пор не утратила своего источниковедческого значения. В этом первом широко поставленном опыте обозрения русской мемуарной и эпистолярной литературы за два столетия было учтено около пяти тысяч названий книг, журнальных и газетных статей. Как и в предыдущих работах, основой для «Обзора» послужила библиотека автора, однако Минцлову удалось выйти далеко за ее пределы, привлекая широкий круг библиографических материалов.

Сергей Рудольфович принадлежал к тому типу библиофилов, которым свойствен мощный общественный темперамент. Он постоянно выступал с интересными докладами на заседаниях книговедческих обществ и объединений, печатал публицистические статьи на книжные темы в прессе, был в дружеских отношениях чуть ли не со всеми крупными русскими книголюбями.

Современному читателю Минцлов известен только как библиофил и библиограф. Для многих покажется неожиданным, что его перу принадлежит более двух десятков исторических романов, повестей, рассказов, пьес и сборников стихов. Имя Минцлова-беллетриста, хотя он и не принадлежал к числу писателей «первого ранга», пользовалось в начале века известностью. Немалый интерес у читателей вызывали его добротные, написанные на обширном документальном материале исторические романы: «В лесах Литвы» и «На крестах» (о борьбе прибалтийских народов с крестоносцами), «На заре XVII века» (из эпохи Смутного времени на Руси), «В грозу» (о преобразованиях Петра I) и другие. Он пробовал свои силы в самых разнообразных литературных жанрах — писал стихи (довольно слабые), бытовые коме-

² См.: Машкова М. В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). М., «Книга», 1969, с. 95.

дии, очерки из жизни провинциального чиновничества, автобиографические рассказы и даже выступил как автор фантастической повести в духе Жюль Верна о путешествии в недра земли («Царь царей»).

Многообразие жизненных впечатлений, творческих способностей и книжных знаний, слившись в едином сплаве, сделали Минцлова первооткрывателем нового жанра — повести о книгах и людях.

Свою непреодолимую «охоту к перемене мест» библиофил соединил с поисками книжных кладов, о чем впоследствии рассказал читателям в беллетризованной форме.

Библиофильская проза была в России новым явлением. В сущности, у Минцлова нет предшественников и в западноевропейской литературе: известные произведения Ричарда де Бери, Шарля Нодье и Анатоля Франса представляют собой либо апологии книги, либо очерки психологии библиофильства. «Рассказы о книгах» — жанр, которому в советское время суждена была большая будущность и популярность, — имеет много разных сюжетных поворотов. В своей повести «За мертвыми душами», опубликованной в 1921—1922 гг. в парижском журнале «Современные записки» (1921, т. 5, с. 74—93; т. 6, с. 50—73; т. 8, с. 43—71; 1922, т. 10, с. 89—105), Минцлов впервые увлекательно рассказал об археографических путешествиях, о чувствах и раздумьях, вызванных встречами с книгами и их владельцами.

Повесть написана на основе тех впечатлений, которые накопились у библиофила за годы странствий по России в поисках старинных книг и рукописей. Особое внимание опытного знатока русской книжной культуры привлекали вымирающие «дворянские гнезда» — эти кладбища художественных сокровищ минувших эпох. Перед нами предстают и могильщики уникальных книг. С удивлением узнаем мы в «героях» повести Минцлова словно чудом сохранившихся Собакевича, Коробочку, Плюшкина, Ноздрева... Влияние великой книги Н. В. Гоголя на повесть «За мертвыми душами» несомненно, начиная с ее заглавия, но в ней нет ни эпигонства, ни слепого подражания классическому образцу. Путешественнику за книгами мастерски удалось показать старых героев в новых условиях предреволюционной России. Дни их подходили к концу, но они судорожно, скорее по привычке, цеплялись за остатки былых привилегий, варварски уничтожали и разбазаривали культурные ценности, по крупицам собранные их предками.

«За мертвыми душами» — довольно большое и очень разноплановое произведение. Мы познакомим читателей с наиболее интересными страницами повести С. Р. Минцлова, посвященными радостным и печальным встречам с книгами.

В предисловии к повести сам автор рассказывал о возникновении ее замысла: «В 1914 г., — пишет Минцлов, — я делал в Академии наук в Петербурге доклад Библиологическому обществу о помещичьих библиотеках в России. Доклад заинтересовал собравшихся. Ко мне подошел хранитель Славянского отдела Библиотеки Академии Э. А. Вольтер и сказал: — Непременно опишите, Сергей Рудольфович, ваши поездки, ценнейшая будет книга!..

...Ныне мне вспомнился малый конференц-зал Академии, заседание и слова симпатичного друга книги — Эдуарда Александровича. Он был прав! Много было сделано мною поездок, наблюдений, находок... Зарисую далеко не все, что сохранили мне память и мои записи, а лишь то, что выдавалось из общего уровня и что сможет пригодиться впоследствии для истории быта русской провинции. Описываемые поездки были совершены не подряд, не сразу, а в период времени с 1895 по 1913 год и сведены мною в общие главы (фамилии описываемых лиц и названия их имений изменены).

«За мертвыми душами» окрещена эта книга. И всякий, прочитавший ее, увидит, что название дано ей не мной, и не из претензии подражать, или тем более сравниваться с великою поэмою Гоголя, а только по существу содержания» («Современные записки», т. 5, с. 74—75)³.

Бурные события первой мировой и гражданской войн помешали Минцлову немедленно приступить к воплощению своего замысла. Только в дни рижского вынужденного затворничества у него оказалось достаточно времени, чтобы заново переосмыслить отрывочные записи в дневниках, превратив их в художественную повесть о книгах и людях.

Минцлов одним из первых русских книголюбов открыл новые и необычные способы пополнения своей библиотеки. В первой главе повести читаем: «Собирать книги и предме-

³ См. протокол заседания 78-го общего собрания Русского библиологического общества от 25 января 1914 г., на котором С. Р. Минцлов выступил с докладом «О собственном книгохранилище и о помещичьих библиотеках в России» (Русское библиологическое общество. Доклады и отчеты. Новая серия. Вып. 3. 1913—1914 гг. Пг., 1915, с. 36—38).

ты старины так, как это делается нашими любителями,— не интересно. Газетные объявления, аукционы, антикварные магазины — вот все источники, из которых черпают они все свои приобретения. Путь дорогой, не всякому доступный и суженный до последних пределов: в нем нет творчества, это путь бар, привыкших, чтобы жареные рябчики сами валились им в рот. Между тем, Россия была полна оазисов, где в тиши и глуши таились такие сокровища, какие весьма редко можно встретить на рынке. А так как не гора пошла к Магомету, а Магомет — к горе, то в один прекрасный вечер я сел в вагон, и он понес меня в глубину России...» (т. 5, с. 75).

Путь, избранный Минцловым, позволил ему собрать поистине уникальную библиотеку. Ее ценность была не только в том, что здесь хранились первоклассные раритеты: почти каждая книга имела свое лицо, вызывала у владельца живые воспоминания о приключениях, связанных с ее находкой, о ее бывлых хозяевах. Среди них попадались прелюбопытные типажи, невольно напоминавшие незабываемых героев «Мертвых душ».

Вот, например, первая встреча. Автор в сопровождении своего старого друга, чиновника из губернского города, Ченникова приезжает в некогда знаменитую, а теперь запущенную усадьбу, напоминающую дом Плюшкина⁴. Картинное описание «пещерного» быта ее хозяев завершается рассказом о судьбе богатой библиотеки, доставшейся им в наследство от предков:

«— А библиотека у вас сохранилась? — спросил я хозяйку.

— Библиотека? — удивилась та и повернулась к мужу, — Ваничка, где у нас библиотека?

Тот... задумался: — Была в курятнике, — несколько погодя ответил он. — В старом? — Нет...

⁴ Как видно из упомянутого выше доклада С. Р. Минцлова, речь идет о смоленском имении, некогда принадлежавшем М. И. Глинке. «На большом дворе стоит заброшенный, покоящийся от старости дом, — рассказывает он членам Библиологического общества. — Зал в нем с полуобвалившимся потолком, местами виднеются следы позлоты, старинная мебель ломаная. Здесь и рояль Глинки с видными еще на нем остатками инкрустаций; он стоит на чурбанах. А в другой, не менее запущенной, комнате расположились куры. Тут-то и помещается библиотека. В ней много редких замечательных изданий времени, например, Анны Иоанновны. Все они испорчены от времени, многое порвано, изгажено, растеряно».

Должно быть, глаза у меня вылезли на лоб от их мирной беседы; хозяйка заметила мое изумление и поспешила объяснить обстоятельства дела: — Это, видите ли, угловая комната у нас в доме, — сказала она. — Библиотечная стала сильно протекать, книги и перенесли в угловую, потом на зиму пришлось перевести туда кур, они ведь боятся, знаете ли, холода.

— Если эти книги не составляют для вас семейных реликвий, — осторожно я подходил к цели своей поездки, — то, может быть, вы не откажете часть их продать мне?

— Да... Но какие же книги у нас? Все хлам, старье: ни модных романов, ничего порядочного...

— Чем старее, тем лучше! — ответил я.

«Ваничка» через захлапанные комнаты проводил путешественника в «угловую».

«Справа и слева от входа, наклонившись вперед, темнели два хромонogie, большие комода. Ящики из них были полувывдвинуты, и виднолось содержимое — книги и тетради. Поперек комнаты, лестницей, были устроены насесты для кур, занимавшие всю заднюю половину. Под насестами аршина на полтора в вышину грудился куриный помет, спекшийся от времени в твердую кору.

— Только и всего у вас книг? — осведомился я, указывая на комоды. — Иван Павлович глубокомысленно придержал себя двумя пальцами за самый кончик бородки. — А тут-то? — ответил он, показывая глазами на кучу навоза. — И там книги? — вскрикнул я. — Ну да, навозу на них совсем чуть-чуть, разве на четверть! Куры ведь только зимой здесь у нас сидят!

Я забрался под насест и увидел, что спутник мой был прав. Навоз был совершенно сухой и легко снимался целыми слоями...

Я остался один. Поймете ли вы, читатель, то, что испытывал я в те минуты? Курятника не стало, дом омолодел, зазвенели давно умолкнувшие голоса. В шелесте листов альбомов и писем... незримые тени плыли мимо... Но надо было торопиться! Я бережно, на платок, отложил особою кипкою письма и принялся за просмотр книг. К прискорбию моему, почти все они оказались разрозненными, а главное испорченными: целые десятки листов были вырваны из них чьими-то злодейскими руками.

Покончив с комодами, я перебрался к груде и принялся отдирать навозные слои. Впервые здесь я убедился, какой

благодетель куриный помет для российских книг, и как великолепно они сохраняются под ним! Портятся только самые верхние, «лицовочные» книги и то лишь в том случае, если они без переплетов... Книги, главным образом, были екатерининского времени, но попадались и издания времен Анны Иоанновны и Елизаветы. Пару книг я выудил Петровской эпохи, а затем несколько масонских, изданных в царствование Александра I.

Раза два ко мне наведывался Ченников, безмолвно сопел за моей спиной хозяин, звали меня завтракать, но было не до того: как можно говорить о завтраках, когда у тебя в руках «Описание о Японе», увидевшее свет в 1734 году? ⁵ С пола я встал только тогда, когда перебрал все книги до последней. Отдельно я отложил порядочную кучу книг, рукописей и альбомов» (т. 5, с. 86—89).

Все эти сокровища достались путешественнику бесплатно. На его вопрос о цене книг и рукописей хозяйка напыщенно произнесла: «Мы дворяне! Дворяне книгами не торгуют».

На обратном пути в губернский город между деликатным путешественником и прагматичным до цинизма Ченниковым состоялся любопытный разговор:

«— Путное что-нибудь осталось? — спросил Ченников. — И даже порядочно. Я отобрал лишь квинтэссенцию. — Что ж ты не сказал мне? — вскинулся мой спутник. — Все бы и забрали дочиста! Даром ведь отдавали! — Я отмахнулся: — Полно! И так очень неприятно и неудобно вышло... Ченников неодобрительно посмотрел на меня: — Ты вот что, друже, — назидательно произнес он, — коли взялся дело делать, так душевную меланхолию свою оставь! Грабь и тащи все, что ни увидишь, — все равно собаке под хвост пойдет! Книги пыль разводят, места они много занимают, но и в печку их попросту запихать как-то неудобно, и вдруг является благодетель — твоя милость! Какие же тут могут быть церемонии?! А, во-вторых — чем ты рискуешь? На тебя, извини за правду, все равно везде будут смотреть, как на юродивого, ну, какой нормальный человек поедет за сто верст киселя хлебать — за старыми книгами? Ведь это же мертвые души, ты Чичиков». (т. 6, с. 50—51).

⁵ Описание о Японе... Ч. 1—3. Спб., печ. при Акад. наук, 1734. Тираж 1250 экз. См.: Книгохранилище С. Р. Минцлова... № 1839.

Если куриный помет оказался, по мнению автора, «благодетелем» книг, то пламя костра никак уж не могло пойти им на пользу. Во время второго путешествия Минцлову довелось столкнуться с откровенно варварским уничтожением культурного наследия прошлого⁶. В ту самую минуту, когда он въезжал в имение Вихровку, во дворе усадьбы горели огромные костры из книг:

«— Барин в Петербурге. Чем могу служить? — этим вопросом встретил меня приказчик. — В эту минуту из-за его спины взвились две книги и, растопырив листы, как крылья, шлепнулись в огонь. — Что вы тут делаете? — спросил я вместо ответа и поспешил к корзинам. Обе они верхом были нагружены книгами, книги же горели вместо дров и в кострах. — Очисточку производим... — снисходительно пояснил приказчик. — Дрянь всякую велел барин посжечь! — Появилось еще двое людей, приволокших новую корзину с книгами. — Ради бога, подождите, не жгите! — воскликнул я. — Дайте сперва мне пересмотреть, может быть, я куплю их у вас? — Пожалуйста... только смотреть не на что: одно лохмотье!..»

С разрешения приказчика Минцлов пересмотрел все книги в корзинах, приговоренные к сожжению.

«Это были, главным образом, журналы «Москвитянин», «Современник» и другие, но среди них мне попались Снегиревские: «Русские в своих пословицах» и «Русские простонародные праздники и суеверные обряды»⁷.

Затем его проводили в библиотеку:

«Среди книг царил хаос. Местами они лежали кучами, многие были растрепаны и не переплетены. У полок стояла бельевая корзина, наполненная ими же.

— Вы это все намерены сжечь? — с ужасом спросил я приказчика, указывая на полки. — Зачем же все-с? — ответил он, — только что без переплетов, то приказали барин из-

⁶ Минцлов по-прежнему строго придерживается реальных фактов. Свидетелем изображенного в повести книжного ауто-да-фе он стал в одном из «магнатских имений» Минской губернии. К сожалению, этот случай был далеко не единичным.

⁷ Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. Кн. 1—4. М., Унив. тип., 1831—1834; Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1—4. М., Унив. тип., 1837—1839.

ничтожить. Изволите сами видеть — срамота ведь, лавочка на толкучке, а не как в Европе-с! — Значит, можно будет отобрать у вас кое-что из того, что без переплетов? — Да хоть все заберите-с — для нас одно удовольствие! И эту дубину сожжем! — угрожающе добавил он, видя, что я снял с полки одну из лежавших поперек нее книг большого формата, — хоть и в переплете, а никуда не входит! Что не под ранжир, все, значит, приказали барин похерить! — Да сам-то он пересматривал книги? — Приказчик даже как будто обиделся: — Что вы-с? До этого они, извините, не доходят-с! Они что стеклышко всегда, а тут изволите видеть что — разврат-с. Мне приказано: «На эти книжки, изволили они сказать-с, только смотреть можно, а читать их немисленно-с!» А вот не угодно ли взглянуть на диван: книжечка кожаная на подушках лежит, та самая-с, что покойный барин в ручках перед сном держивали... чтобы не соврать, годов двадцать ее здесь помню!

Я развернул ее: то было туманное «английское творение» Йонга «Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии», изданное в Петербурге в 1799 году⁸. — Каждый день он ее читал? — удивился я. — Нет-с... в ручках только держали, для сну, так я полагаю-с!..

Пересматривал я только книги без переплетов и наткнулся среди них на значительное количество весьма любопытных... — И вдруг, — продолжает Минцлов, — глаза мои наткнулись на две старинные, едва затиснутые на полку книги в четверку, с полустертыми натисками на корешках: «Житие и славные дела Петра Великого»⁹. У меня екнуло сердце — неужто это Феодози? Неужто венецианское издание?! — думал я, с усилием высвобождая большие томы. Наконец, я вытащил один и развернул: оно и есть. С титульного листа на меня глянуло — «Венеция, 1772 года». — А эту будете жечь? — спросил я не своим голосом. Приказчик сидел, развалившись в кресле. — Эту? — тоном судьи произнес он, принимая от меня книгу и взвешивая ее на руке. — Будем! — Значит, я могу их взять? — Всенепремен-

⁸ Юнг Э. Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г. Йонга... Ч. 1—2. Спб., тип. Гос. мед. коллегии, 1799.

⁹ Орфелин З. Житие и славные дела государя имп. Петра Великого, самодержца всероссийского... Ч. 1—2. Венеция, тип. Д. Феодозия, 1772. Книга ошибочно приписывалась Димитрию Феодози. См.: Книгохранилище С. Р. Минцлова... № 585.

но!..— Я все еще не верил своему счастью: — Наверное сожгли бы, правда? — Не утруждайте себя беспокойством! — небрежно ответил он,— есть о чем разговор иметь!..— Я молча отложил драгоценные книги к кучке уже отобранных мной. Немного погодя опять попалась переплетенная книжка, тоненькая и большого размера. Я раскрыл ее. То были письма царевича Алексея Петровича, увидевшие свет в Одессе в 1849 году.— Эта тоже не под ранжир? — уже смело заявил я, показывая свою находку.— Крысиная снесь... в печку! И охота вам соприкасаться, ей богу, пылища, паутина!..— Я присоединил ее к своим.

Становилось уже темно и приходилось отложить окончание моей ревизии до утра. Приказчик, несмотря на мои протесты, забрал в охапку все отложенные мной книги и сам понес их.— Уж не знаю, как благодарить вас! — сказал я, идя с ним по залу.— Такие это все интересные книги, что и сказать не могу: я и не видал никогда даже некоторых!..— Помилуйте, что вы?! — воскликнул приказчик. Для вас оно, конечно, лестно, а для нашего барина — тьфу! Эдакую Азию в доме развели — до невозможности! В два дни велено, чтобы все это как стеклышко было... как по ниточке выровнять!

В моей комнате Петр Иванович ссыпал на диван свою ношу, отряхнулся и подал мне руку с растопыренными пальцами... Я остался один со своими спасенными от огня сокровищами. Верите ли, читатель, схватил я оба старые, чуть тронутые червем тома Феодози, прижал их к груди и сочно отчмокал их — такая радость, такой восторг наполнили меня» (т. 6, с. 53—54, 57—58, 61—63).

* * *

Пока, как мы видим, дела нашего собирателя шли блестяще... Однако на его пути встречались не только исполненные пустого гонора старики и глупые приказчики, но и «собаки на сене» — собакевичи и коробочки. Почуяв поживу, эти невежды пытались сорвать с Минцлова изрядный куш за свои заплесневелые сокровища.

На чердаке одного старого помещичьего дома библиофил обнаружил грудку книг в кожаных переплетах и два сундука, набитых бумагами.

«С час, должно быть, разбирался во всем этом,— рассказывает он.— Часть книг, ближайшая к окну, не имев-

шему стеклу, была безнадежно испорчена дождями и снегом. Другая, уцелевшая, состояла главным образом из переводных романов и оригинальной беллетристики XVIII и самого начала XIX века. Там отыскался «Бурсак» и «Два Ивана» Нарезного — этого предшественника и предвестника Гоголя¹⁰, маленькие милые книжечки: «Алберт, или Стратнавернская пустыня», увидавшая свет в Орле в 1822 году¹¹, «Замок в Галиции», 1802 года¹², «Лангедокская путешественница», 1801 года¹³, любимая гадательная книга тех дней — «Волшебное зеркало Великого Алберта»¹⁴ — милые томики, увлекавшие наших прабабушек, заполнявшие их мечты и досуги. Шелестели страницы; ожило прошлое, со мной говорили деды, их.. книги обвеивали теплом и радостью, я был во дворце, а не на чердаке, я был счастлив!..

Среди бумаг отыскались письма Разумовского, Энгельгардтов и, каким-то чудом, — графа Аракчеева¹⁵. Я отобрал целую кучу всякой всячины и когда кончил и встал, то заметил, что перепачкался до невероятия» (т. 10, с. 90).

Новый хозяин поместья — спивающийся купец, — почуввав запах наживы, заломил с путешественника довольно изрядную сумму — 100 рублей. Однако овчинка стоила выделки, и Минцлов не стал торговаться. Совсем неудачной была поездка в соседнее имение, где «жмот-баба» (по меткому определению кучера библиофила) попыталась всучить ему за огромные деньги кучу безвкусных фарфоровых безделушек современной работы и шкаф бульварных романов.

¹⁰ Нарезный В. Т. Бурсак. Малороссийская повесть. Ч. 1—4. М., Univ. тип., 1824. Нарезный В. Т. Два Ивана, или Страсть к тяжбам. Ч. 1—3. М., Univ. тип., 1825.

¹¹ Гельм. Алберт, или Стратнавернская пустыня. Пер. с франц. Якова Лизогуба. Ч. 1—6. Орел, Губ. тип., 1822. См.: Книгохранилище С. Р. Минцлова... № 1854.

¹² Радклиф А. Замок в Галиции. Пер. с франц. Ч. 1—2. М., тип. Кряжева, Готье и Мея, 1802. См.: Книгохранилище С. Р. Минцлова... № 1877.

¹³ Лангедокская путешественница, или Приключения госпожи Деланоа графини Дитри... Пер. с франц. И. Грешнищева. Ч. 1—2. М., Univ. тип., 1801. См.: Книгохранилище С. Р. Минцлова... № 1884.

¹⁴ Прохоров Л. Волшебное зеркало, открывающее секреты Великого Алберта и других знаменитых египетских мудрецов и астрономов... М., изд. М. Глазунова, 1801. См.: Книгохранилище С. Р. Минцлова... № 1865.

¹⁵ См. описание писем Аракчеева в кн.: Книгохранилище С. Р. Минцлова... папки с рукописями, № 34.

Когда же коллекционер отказался от покупки, владелица этих «уников» проводила его такими словами: «Очень жаль, что вас не интересуют редкие вещи. Разумеется, в старине понимать надо, не всякий ее знает!» (т. 8, с. 48). Можно представить себе, как потешался крупный знаток художественной старины Минцлов над этой репликой.

* * *

Путешествие за книгами подходило к концу... Пара белых вислоухих лошадок, спотыкаясь в разъезженных колеях, медленно тащила столь необычный для них груз. Но если лошадки сохраняли стоическое равнодушие, то их хозяин — кучер Мирон — был оскорблен в лучших своих чувствах. Все в его кулацкой душе восставало против бессмысленной (а, может быть, и опасной!) поездки.

Между возницей и седоком состоялся такой примечательный разговор:

«— Ты это что же, купил? — спросил меня Мирон, указывая на книги. В тоне его ни прежней почтительности, ни заискивания не было и в помине. — Купил, — отозвался я. — А сказывал — овес покупать едешь? — Это, брат, ты сказывал, а не я! — поправил я. — Ну? А хотя бы и я: на дело ведь надоумливал! Дешево бы взял!.. А ты ишь чего набрал!.. — Мирон неодобрительно покачал головой. — То-то, думал я: жидок ты для купца!

Некоторое время мы ехали молча. — На что тебе книжки-то? — заговорил опять Мирон. Мысль о них, видимо, не давала ему покоя. — Читать. — Эдакую уймищу? Это, брат, зачитаешься!! — Он опять качнул головой и собрал рот в виде комка. — А пачпорт-то у тебя есть? — вдруг строго спросил он. — А тебе на что? — Да бог же тебя знает, кто ты такой? Может, тебя не возить, а по начальству я предоставить должен? Один вот возил такого же у нас по уезду с книжками, да до острога и довозился!..

У меня было необыкновенно весело на душе... забавен был и мой встревожившийся возница; если бы я вез тигра, вероятно, он был бы обеспокоен гораздо меньше. — Не сумлевайся, — в тон ответил я ему, — и паспорт есть и бумагу особую на разъезды имею от начальства!.. — С печатью? — С орлом даже! — Мирон просиял. — Ну, тогда дело свято! — воскликнул он, — а уж я было высаживать тебя хотел, ей

богу! Долго ли до греха; сейчас тебя урядник за хвост и пожалуйста! По-настоящему, как я понимаю, все книжки собрать, да в землю зарыть следовало: один вред от них! Живет человек, как человек, можно сказать, хозяйственный, а почитает книжку — и шабаш: сейчас коней воровать, либо пьянствовать почнет! На что ты их, скажи на милость, скупаешь? — Не одни книжки, я всякую старину собираю: тарелки, чашки фарфоровые, серебро, все что придется... — Ну, так, так, так! — совсем успокоившись, сказал Мирон. — Это ничего, это дозволяется!» (т. 6, с. 72—73).

* * *

Перед нами прошли некоторые страницы библиофильской повести Сергея Рудольфовича Минцлова. К сожалению, в наши дни только они и напоминают о книжном собрании, некогда столь знаменитом. Судьба этой библиотеки сложилась столь же печально, как и судьба ее владельца. В начале 1925 г. тяготы эмигрантской жизни вынудили Минцлова расстаться со своими любовно собранными за долгие годы книгами. Лишенный своего последнего духовного прибежища, в полном забвении, Минцлов закончил свои дни в Риге в 1933 г.

В последние годы жанр рассказа о книжных поисках и находках завоевал широкую популярность среди советских читателей. Чрезвычайно близки к повести С. Р. Минцлова очерки московского археографа В. Кобринина «По избам за книгами»¹⁶, в которых также заметно стремление художественно осмыслить многолетние книжные поиски, создать образы владельцев старинных книг и рукописей. Радуюсь успехам отечественной библиофильской прозы, стоит вспомнить о первых днях зарождения этого интереснейшего жанра и о человеке, который стоял у его истоков, — Сергее Рудольфовиче Минцлове.

¹⁶ См.: «Новый мир», 1969, № 12, с. 66—94.

«ХУДОЖНИК С УМОМ И ЧУВСТВОМ...»

Симпатичная по тону, живая статья псковского книголюба характерна как выражение внимательно сочувственного отношения советской современности к классическому наследию раннего русского реализма. Желательно лишь к ней добавить краткие книжно-библиографические уточнения.

Общее описание всех изданий, в которых участвовали А. А. Агин и его неизменный сотрудник гравер Е. Е. Бернадский, даны в известных справочных изданиях: Верещагин В. А. Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (Спб., 1898); Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий (вып. 1—4. Спб., 1908—1910); Оболянинов Н. А. Каталог русских иллюстрированных изданий (т. 1—2. М., 1914—1915). Первая монография, специально посвященная Агину, — Кузьминский К. С. Художник-иллюстратор А. А. Агин, его жизнь и творчество (М., 1913, 2-е расширенное изд. 1923). Позднее вышли: Лазаревский И. И. Александр Алексеевич Агин (М.—Л., 1946); Айзенман Т. С. А. Агин (М., 1949); Стернин Г. Ю. Евстафий Ефимович Бернадский (М., 1953), Стернин Г. Ю. А. А. Агин (М., 1955) и многие статьи в энциклопедиях от «Словаря русских художников...» Н. П. Собко (т. 1, вып. 1. Спб., 1893) до библиографического словаря «Художники народов СССР» (т. 1. М., 1970). Об Агине говорится во всех общих изданиях по истории русского искусства, графики, книги, в статьях, главным образом в журнале «Искусство» от 1950-х годов до нашего времени.

К изданиям воспоминаний современников помимо «Моих воспоминаний из прошлого» Л. М. Жемчужникова (вып. 1—2. М., 1926—1927) можно добавить «Памятные встречи» Ал. Алтаева (М. В. Ямщиковой), М., 1957.

«Ветхий завет» в иллюстрациях Агина был издан в 1846 г. Ф. Прянишниковым и А. Сапожниковым и включал 83 (учитывая титульный лист) композиции Агина, гравированные на меди К. Афанасьевым. «Сто рисунков к поэме Н. В. Гоголя „Мертвые души“» выходили в 1846—1847 гг. тетрадами по 4 гравюры на дереве в каждой, в желтых печатных обложках с виньеткой Агина. Кроме Е. Е. Бернадского в гравировании иллюстраций принимали участие ученики Бернадского Ф. Бронников и П. Куренков. Вышло всего 18 выпусков, т. е. 72 гравюры из выполненных ста. Три гравюры к «Повести о капитане Копейкине» из тех же «Мертвых душ» Агина в гравюрах Бернадского помещены в «Иллюстрированном альманахе» 1848 г. и 2 гравюры в «Лите-

ратурном сборнике» 1849 г., изданных Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым. Известна композиция Агина, изданная отдельно, — афиша об издании «100 рисунков». Полностью вся серия, 104 рисунка, опубликована в 1892 г., повторена дважды (уже в фоторепродукциях) в 1893 г. Включенные в текст «Мертвых душ» воспроизведения иллюстраций Агина, гравированных Бернадским, опубликованы в 1934, затем в 1937 гг. и в наши дни.

Сохранились и некоторые предварительные рисунки Агина к завершенным иллюстрациям и сделанные им самим копии с гравюр, выполненные пером.

А. А. Сидоров

В негромкой выставке «Русская литература XVIII—XIX веков» все очень к лицу друг другу: и покойные залы старого московского монастыря на Петровке, и книги двух великих для русской литературы столетий. Портреты, акварели, миниатюры соседствуют здесь с книгами, как соседствовали прежде в сумрачных кабинетах Петербурга и Москвы. Когда же какие-нибудь милые старые повести или с детства дорогие стихотворения в первом, порою на ломкой бумаге печатанном сборнике окажутся не без умысла открытыми на небольшой гравированной иллюстрации, к ней припадаешь со смутным и сладким волнением. Каково-то тогда читали эти строки, что видели за ними? Художник — это ведь наиболее зоркий читатель. И, может быть, из всей выставки сильнейшее впечатление, заметнейшее имя — А. Агин. Его рисунки к «Мертвым душам», гравированные Е. Бернадским, уже и не иллюстрациями кажутся (а издание их на отдельных листах это мнение еще укрепляет), но произведением самостоятельным, свидетельством глубоко благодарного Гоголю, крепкого и нравственно здорового ума.

Лист за листом озаряют текст в памяти и все отчетливее сознаешь, что перед тобою «поэма». Со школьной скамьи знакомый с чеканной формулой — «видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы», читатель порою вспоминает о выставленном на титуле гоголевской рукой определении жанра — поэма, но в душе подтверждения не находит. Разве еще порою попробует мотивировать жанр несколькими лирическими отступлениями, но часто и этого не делает. А тут одни старые листы гравюр, словно сознательно строгого рисунка, и персонажи-то на них все знакомые и события ведомые, но все неотступнее будет звенеть это прекрасное слово «поэма». Сразу и не разберешь, почему, но, возвратясь сюда еще раз-другой, поймешь, что причиною

был Агин — его легкая бесхитростная рука, начертившая галерею персонажей и сцен, полных иронической поэзии. Пушкин безупречным слухом отметил существо гоголевского смеха — «Боже, как грустна наша Россия!» Агин услышал это сердцем и подтвердил рукою. В русской иллюстрации это был голос первый, вернейший, но долгие годы оказался путь к тому, чтобы он обрел силу, прозвучал ясно и был слышен и сегодня.

I

Чтобы написать о днях детства Александра Агина в новоржевской деревеньке Петровское, не надо особенного воображения и вполне довольно сказать о детстве любого деревенского мальчика, не знающего истязания нищеты и слишком раннего труда. Просто мальчика.

Будет страстное влечение к конюшням и несбыточная мечта о верховой прогулке. Будут летние до бессилия и силены купания у мельницы и нетерпеливые рыбалки (в одной из них смерть посмотрит ему в лицо, но решит, что пришла рано, и возьмет жизнь его спасителя — бедного крепостного художника Сергея Полякова). Будут долгие часы в полях, в дни крестьянской страды и робкий перевод увиденного на бумагу. Будет любовь к отцу и непонимание: отчего он плачет ночами и много пьет. Не решившийся в свое время на брак с крепостной женщиной, Алексей Петрович Елагин уже не мог, не имел права дать своим детям ни целой своей фамилии, ни состояния. Он дал им волю, но не освободил от печати незаконнорожденности.

Агин не привез с собою в Псков деревенских своих зарисовок, когда в сентябре 1827 г. отец приехал определять его в гимназию, но уже в первые дни настороженные товарищи узнали силу его ядовитого пера. Карикатуры рождались стремительно, сами собою — Александр защищался ими от собственной деревенской робости, печати «незаконности», которой его тотчас попытались пометить сверстники.

Много лет спустя, уже после смерти Агина, его ученик Л. Жемчужников с некоторым удивлением и гордостью за учителя напишет об иллюстрациях к «Мертвым душам» Гоголя: «Но талант и ум Агина еще более будут оценены, когда узнают, что он никогда не бывал в провинции и изображаемые им типы представляют собой результат его вооб-

ражения и серьезного отношения к своей задаче». Суждение продиктовано добрым чувством, но согласиться с ним нельзя. Незабвенными стихами высказал однажды нетускнеющую истину Батюшков: «О, память сердца! Ты сильнее рассудка памяти печальной». Александр Агин уже не мог забыть детства, не мог забыть Петровского — деревню подлинно гоголевскую, в которой могли жить Ноздревы, Мижуевы и Маниловы, провинциального города Пскова.

В эти десять лет в деревне и без малого семь в Пскове провинция вошла не только в сердце, осталась не единой памятью обид. Она, что особенно важно художнику-жанристу, осталась в памяти его пальцев, в памяти руки, которая прочнее усилия воображения.

К порогу Российской Императорской Академии художеств Александр пришел после смерти отца в 1834 г.

II

По окончании общерисовальных классов Агин выставляет в Академии этюд с Аполлона — мотив, рисованный всеми, кто отваживался брать в руки карандаш или кисть. Однако, оказывается, и тут возможно выказать заметное дарование. Карл Брюллов, триумфатор, явившийся из Италии с «Последним днем Помпеи» и тотчас удостоенный остроты, что этот «последний день» стал «для русской кисти первым днем», осыпанный почестями, счастливо соединивший молодость, красоту и славу, уже в первый день в Академии, когда облако профессоров, почитателей, дам влечет его в залу, где выставлена «Помпея», среди ученических рисунков тотчас отличает безупречную руку Агина. И еще не думая о классе и профессуре, решает про себя — «мой».

Для Агина это праздник. Он не просто чтит учителя, он боготворит его, мучается любовью и восторгом, и эта любовь выказывается в изнурительном копировании «антиков», в многочасовой работе с натурой. При незнании меры это опасный путь. Но Агина от совершенного подчинения классикам спасает прекрасная память отрочества, простая кровь матери и дружба с маляром и поэтом — Тарасом Шевченко, который после дня работы успевал не один час провести в Академии и принести с собою исцеляющий воздух улицы, дыхание бедного ремесленного Петербурга. На этом сквозняке двери открывались сами собою и статуи становились особенно мертвы в соседстве с человеком, от чьих стихов

вспыхивало сердце. Согретое, оно искало жизни, и Агин с удовольствием заполнял альбомы зарисовками мастеровых, дворников, булочников — пестрым петербургским людом.

В 1839 г. Академия выпустила своего ученика, уже очевидно склонного к литературе «натуральной» школы и к правде, в звании рисовального учителя.

Время становилось практическим. Меценатов сменяли деловые люди. Они разбирали выпускников Академии с необыкновенным проворством, зная, что это чистый капитал.

Агину были заказаны 80 рисунков к «Ветхому завету» с никчемной, почти издевательской платой по 5 рублей за лист. Неспособный к легкомыслию в работе, взволнованный серьезным заказом, он почти не вставал из-за стола неделями, месяцами. Наградой была серебряная медаль в Академии и бриллиантовый перстень от государя.

Серебряная медаль Академии уже ничего не меняла в жизни рисовального учителя. Единственное, что оказалось полезно, — перстень, который позднее, в тяжелые дни работы над иллюстрациями к «Мертвым душам», Агин и неразлучный его товарищ отменный гравер по дереву Евстафий Бернардовский заложили ювелиру, чтобы еще как-то протянуть умирающее издание.

Царский подарок послужил на пользу отечественной культуре, ее, может быть, самому ироническому детищу — это достойно многих острот.

Александр любил свою первую большую работу. В легких, словно чеканных листах с прекрасными контурами Моисея, Давида, Юдифи оставался мир его юности, его школы, в них звучала благодарность Академии и уже слышался голос прощания с нею.

Его дорога лежала в другой стороне, и она манила его неудержимо, ничего не обещая, не суля, но требуя безусловного подчинения.

III

Сороковые годы — время в России высокое, трудное и прекрасное. Крепнет плеяда великолепных умов — Станкевича, Грановского, Герцена, Белинского. Публичные лекции и дискуссии собирают переполненные аудитории. Полемика в России становится книгой, и Агин отдается литературе со всею страстью и преданностью. Живопись в ее

А. А. Агин.
Художник М. П. Клодт

изящном академическом платье более не влекла его. Карандаш и перо оказывались сейчас оружием более дорогим, желанным, действенным.

В. Соллогуб пишет иронический «Тарантас». У Г. Г. Гагарина — целая путевая тетрадь рисунков — путешествия по России. Агин, согласно источникам, принял в издании «Тарантаса» участие. Е. Гребенка выпускает в «Литературной газете» «Злого человека», и Александр сопровождает рассказ иллюстрацией необыкновенной сатирической силы: хозяин крепостного ор-

кестра кичится своими музыкантами перед юным племянником. Оркестр толпится сзади с инвалидными инструментами.

В работе с лучшими литераторами и издателями — Тургеневым, Некрасовым, Панаевым — оттачивается глаз и ум художника.

Любопытство рисовальщика к обширному миру Петербурга сменяется пристальностью психолога.

Уже появились «Мертвые души» Гоголя. Агин читал их с восторгом почти мучительным. Выходит «Обыкновенная история» Гончарова, «Кто виноват?» Герцена, «Бедные люди» Достоевского, «Колыбельная песня» Некрасова. Это был взлет, внезапное общее одушевление.

Для Агина, его предшественников и его товарищей, кто, как и он, вышел из крепостного состояния, в рождении «натуральной» литературной школы слышался призыв.

Сколько их, всех этих «казеннокоштных» и «приходящих» со смятением, отчаянием, торопливостью эмигрировали из своей духовной отчины в другие сословия, в низшее чиновничество. Сколько их бежали навсегда от земли, детства в скверные мастерские для писания посредственных портретов посредственных людей. Они слишком долго были пленниками, чтобы подлинная, живая реальность не стала обнаруживать себя сначала у Венецианова и Тропинина, и

не сделалось, наконец, общим, отчетливым сознание, что служение красоте должно сочетаться со служением совести.

Совесть властно потребовала их к ответу, и они впервые стали вглядываться в прохожих, товарищей, в народ.

Эта перемена взгляда, едва обозначившаяся, почти и неразличимая, уже сулила в будущем бунт 14 вышедших из Академии художников и начало искупления — передвижничество.

Литература первой посмотрела в лицо России. Живопись от этого еще уклонялась, не зная о своей целительной силе, не ведая, что в иные времена зеркало живописи именно наглядностью своей для народа может оказаться порою действеннее зеркала литературы.

IV

«Мертвые души» манили все неудержимее, и, наконец, Агин с Бернардским обращаются к Гоголю с просьбой о позволении иллюстрировать поэму. Писатель отговаривается, наученный опытом прежних изданий, выходивших с иллюстрациями весьма относительного достоинства: «...я — враг всяких политипажей и модных выдумок. Товар должен подаваться лицом, и нечего его подслащивать этим кондитерством».

Но не одно это было подлинной причиной отказа. Гоголь, кажется, был встревожен «странным» для него приемом книги, которую встретили так, как еще недавно встречали «Ревизора»: громом рукоплесканий друзья и несдержанной злобой враги. Вигель готов был о «Мертвых душах» сказать то же, что сказал некогда о «Ревизоре»: «Автор выдумал какую-то Россию и в ней какой-то городок, в который свалил он все мерзости, которые изредка на поверхности настоящей России находишь: столько накопил плутней, подлостей, невежества!.. Я знаю г. автора — это юная Россия, во всей ее наглости и цинизме».

А между тем сам-то Гоголь на своих героев так не смотрел и, кажется, не хотел писать карикатуры. Во всяком случае, он считал нужным сказать: «Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту любому из них — читатель помирился бы с ними со всеми». Иллюстраторы тотчас обнажили бы характеры именно злодейские, потому что, по его мнению, «схватить черты, которые до-

вольно благовидны и не выходят острыми углами из обыкновенного светского круга,— дело мастера сильного». Гоголь в существование такого мастера не верил и, что не менее важно, уже писал в это время страницы «Выбранных мест из переписки с друзьями». Карикатура становилась чужда ему как род мышления.

Отказ был огорчителен, но Агин уже не мог поступиться замыслом. Иллюстрации жили в нем, тревожили воображение и возникали на листах чуть не помимо воли. Скоро они с Бернадским нашли прижимистого заказчика, который надеялся перевести сто листов гравюр в чистый доход. Заказчик был из северных купцов и дело прежде имел с товаром более осязаемым, чем человеческая мысль, поэтому до конца издание не довел. Пришлось просить помощи у Академии. Денег дали, но и их не хватило — вот тут и пошел в дело императорский перстень. Только выпустить все листы издатели так и не сумели. Коммерческий опыт был у художников невелик.

Полностью издание выйдет спустя много лет после смерти обоих, тщанием друзей и всех, кому дорога была история трудно рождающейся русской иллюстрации. При жизни же Агина, в 1847 г., напечатано только 72 листа (69 из них недавно были перегравированы М. Приданцевым и И. Неутимовым и в конце 1972 г. выпущены издательством главного управления Гознака).

«Капитан Копейкин» не был представлен в первом издании ни одним листом. Затруднения с его публикацией у Гоголя в точности повторились и при печатании иллюстраций. Их предлагалось числить ненапечатанными.

Не преминул накинуться на Агина и Фаддей Венедиктович Булгарин, но это было уже отличием, признанием подлинной ценности иллюстраций, потому что образованные люди России еще со времени ослепительных пушкинских эпиграмм выучились мнения «Видока Фиглярина» читать наоборот.

V

Что же сохранило жизнь этой работе? Что заставило современников и потомков всматриваться в нее с волнением, любовью, удивлением и благодарностью? Первое и важнейшее — то, что собрание листов было не просто графическим переводом текста, но наглядной пластической энциклопедией русской провинции.

Афиша к альбому А. Агина

Мужики, помещики, стряпчие, губернаторы Агина тем более замечательны, что бесконечно далеки от столь популярных на дешевых базарах костюмированных картинок с героями, более похожими на ряженых. Мир Агина живет всюю полнотою действительной жизни: ссорится, умничает, заискивает, плутует.

Диалоги в его листах предельно точны. Довольно посмотреть на первых персонажей, только-только оставивших питейный дом, двух нечесанных философов, из которых один еще и армяка на плечи как следует не накинул и волочит полу по земле как патрицианскую тогу,— и становится ясно, что беседа далека от связности.

Диалогический тип иллюстрации особенно очевиден в движении характера Павла Ивановича Чичикова. Как он замечательно различен, переменчив, нов с дамами на губернаторском балу, с кучером Селифаном или наедине с зеркалом в те заветные минуты, когда он ласково треплет себя за подбородок, приговаривая «Ах ты, мордашка эдакой!» Он огорчается, недоумевает, сочувствует, иронизирует, как и его замечательные собеседники — младенчески толстощекий, живописнейший Ноздрев или особо ценимые В. Г. Короленко Плюшкин и Собакевич, которых писатель не мог представить иначе, как в чертах, закрепленных Агиным.

Совершенно самобытные, единственные, они вместе с тем были и образами целого сословия, и псковские помещики с таким же раздражением узнавали себя, как тверские и тамбовские. Правда, каждый торопился вместо себя указать на соседа, да ведь и сосед мстил тем же.

И не отдельные сцены, не отдельные, пусть даже и наиэффектнейшие, столкновения героев успевают изобразить Агин, но всю систему отношений между персонажами от листа к листу. Вон как Чичиков счастливо улыбается при встрече с Ноздревым, когда тот, распахивая объятия, успевает с ликованием оповестить: «А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух!» И как Павел Иванович потихоньку скучнеет от крика, раздражается, когда Ноздрев силком заставляет его щупать собачьи уши и нос и как, наконец, бьет себя в лоб кулаком, каясь, что не сбежал во-время, и думает только «Господи, пронеси!».

С Собакевичем же скоро выравнивается. Этот медведь тоже негодяй не последний, но с ним можно дела делать и темненькие, и вовсе черные и сохранять при этом отношения простые и душу спокойную.

Агину удалось главное — справиться с той трудной задачей, о которой говорил Гоголь, — «схватить черты, которые довольно благовидны и не выходят из светского круга».

Рисунок всюду несколько наивен той могущественной наивностью, которая скрывает совершенное владение линией и светом. Композиция проста и непреложна, и каждый штрих свидетельствует о таланте высоком, умном, психологически пронизательном, страстном и демократическом. Мощную линию «Ветхого завета», известную нам по гравюрам резцом, сменила линия «доверчивая», «провинциальная» и оттого особенно поэтическая и именно русская, как дальше эхо великолепных народных лубков.

«Мертвые души» стали вершиной, смыслом и целью агинского существования. Впервые книжная графика поднялась на вершины, где прежде селились только литературные пророки. «Натуральная школа» в слове нашла блестящую опору в линии, проведенной рукой природы и правды. Это была сюита на тему великого подлинника, написанная с волнением и любовью, как и десятилетия спустя явившиеся «Демон» Врубеля и «Медный всадник» А. Бенуа.

VI

В конце 40-х — начале 50-х годов в жизни Агина чередой пошли утраты: сослан милый сердцу бунтарь и утешитель — Шевченко, после двух месяцев, проведенных по делу петрашевцев в одиночке Петропавловской крепости, никак душой не поправляется застенчивый и тихий Бернадский. Сделался призрак, страшной тенью, товарищ по петербургской бедности Павел Федотов.

Душа Александра темнеет. Петербург для его осиротевшего сердца делается невыносим. К тому же нет заказов, и невозстановимо уходят силы.

В Киеве, куда Агин приехал в 1853 г. преподавать рисование в кадетском корпусе, вспыхнет на минуту, оденется в звуки и краски уже стихающий в нем голос Шевченко и затеплится мечта иллюстрировать «Кобзарь», но как садиться за него со сломанными крыльями... Светлая печаль сменилась черной — ослабело перо. И вот его уже никто не узнает, никому не приходит в голову увидеть в стареющем, бедно одетом человеке великого читателя Гоголя.

Последним его приютом стало имение коллекционера Тарновского на Черниговщине. Работать Агин уже не мог.

рис. А. Аринъ

БЕРНАДСКІЙ.

«Это был большой талант; художник с умом и чувством. При других обстоятельствах из него вышел бы другой человек, и он имел бы серьезное значение в истории нашего искусства», — писал Жемчужников, узнав о кончине Агина.

В наши дни имя Агина уверенно вошло не только в историю иллюстрации, но и в повседневную жизнь «Мертвых душ». Недавнее переиздание этих прекрасных листов с благодарностью встречено библиофилами. Время позволяет немного поправить доброе суждение Л. Жемчужникова. Сожалительное «имел бы» сейчас можно по праву заменить утвердительным «имеет серьезное значение в истории нашего искусства».

История книжной иллюстрации знает пока не много имен великих подвижников, служивших слову с благодарным волнением и теперь в нашем сознании не разъединенных с живым движением этого слова. Имя Александра Алексеевича Агина в этом недлинном ряду незабвенно.

Псков

**ПЕШЕХОДЕЦ ВАСИЛИЙ ГРИГОРОВИЧ-БАРСКИЙ
И КНИГИ**

В одном ряду с Феофаном Прокоповичем, оставившим после себя замечательно подобранную библиотеку, и Стефаном Яворским, автором известной элегии, навеянной расставанием с любимым книжным собранием, стоит еще один воспитанник Киево-Могилянской академии. Это Василий Григорович-Барский, автор своеобразной «документальной» книги XVIII в.— «Путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году», большой знаток и любитель книги.

Имя Василия Григоровича-Барского никак нельзя отнести к числу имен, несправедливо забытых потомками. Еще до того как его путевые записки были напечатаны, они в рукописных копиях распространялись главным образом по Украине, знали их и за ее пределами. Первое их издание увидело свет в 1778 г. в Петербурге и было напечатано «под смотрением» В. Г. Рубана на средства князя Потемкина. В предисловии указывалось: «Тридцать лет уже прошло, как сию книгу... по кончине сочинителя ее, с превеликою жадностью списывают все те, до коих о ней хоть малейшее дошло сведение».

Издание Рубана нашло многочисленных читателей. Среди них были и прямые подражатели. Так, один из младших современников Григоровича-Барского Л. Зеленский-Яценко, ведя записи своих путешествий по странам Средней Азии (в 60-х годах XVIII в.), называет себя «младшим Григоровичем». Экземпляр «Путешествий» Григоровича-Барского в издании XVIII в. имелся в небольшом, интересно подобранном книжном собрании Т. Г. Шевченко. Перепечатки и переделки «Путешествия» особенно в первые десятилетия

XIX в. многочисленны. В середине 80-х годов прошлого века один за другим выходят четыре тома фундаментального научного издания «Путешествий», предпринятого известным библиографом и историком-архивистом Н. Барсуковым.

Высоко оценил «Путешествие» Н. Г. Чернышевский, он писал: «Записки его (Григоровича-Барского.— И. К.) представляют чтение разнообразное и занимательное»¹.

В советское время на русском и украинском языках были опубликованы многочисленные статьи о Григоровиче-Барском, посвящены ему и отдельные главы в трудах по истории географии, например, Голубев Г. Необычные путешествия (М., «Молодая гвардия», 1958); Данциг Б. Русские путешественники на Ближнем Востоке (М., «Мысль», 1965); Данциг Б. Ближний Восток в русской науке и литературе (М., «Наука», 1973). В этих книгах читатель найдет подробные сведения о жизни и путешествиях Григоровича-Барского, о его книге. Нас же интересует отношение Григоровича-Барского к печатному слову ибо он пронес большую любовь к книге через годы, заполненные всяческими испытаниями и лишениями и, не собрав сам большого количества книг, обнаружил тем не менее удивительное умение ценить в них те качества, которые милы сердцу истинного книголюбца.

Отправляясь в путешествие, он заботится о книгах, оставленных во Львове, помнит о них через много лет. Как только обретает он временную оседлость, он начинает накапливать книги. Так было на острове Патмосе и в других местах. Описав бурю, настигшую его во время одного из морских переездов в 1736 г., Григорович-Барский рассказывает затем, как сушил на солнце свои вещи и книги. В заплечном мешке носил он их, странствуя пешком. Возвращаясь из путешествий, он привозит с собой в Константинополь целое книжное собрание. А получив некоторые средства от резидента русского правительства в Турции А. Вешнякова, Григорович-Барский употребляет их прежде всего на книги, «полезные к поучению»; только на втором месте упоминает он затраты на одежду («ибо безчестие быст ко двору в раздраных... ризах»).

Посещая монастыри на Афоне, он очень точно описывает хранящиеся в них рукописные и печатные книги, архивные документы (царские грамоты, договоры) и всякий раз отмечает случаи небрежного хранения. Вот одна из та-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 2, с. 518—520.

ких записей, сделанная в 1743 г.: «видехъ же и книги много безчинно хранимых и водою замоченных, и сожалех, обличив небрежение их».

Узнав, что в монастыре св. Афанасия на Афоне были проданы «малоценно Латином на вес пудами, аки древа» древние кожаные книги и что они «и донныне обретаются в Венеции, в библиотеке святого Марка, и в прочих градах Европы», он возмущен этим поступком, совершенным «от нужды или от нерассуждения».

Если в библиотеке монастыря имеются только церковно-служебные книги, это особо оговорено: в монастыре Ставроникиты, например, «поучительные, философские и Еллинские книги не суть». Иначе говоря, отсутствие других книг кроме церковных Григорович-Барский рассматривает как серьезное упущение — обязательно надо было сберечь «учительные» книги, и не только на славянском языке, но и греческие. Он возмущается, узнав, что монахи не только не сохранили древних рукописных «славянских книг», но и те книги, которые еще остались у них, готовы «продати на сторону».

Для историка-медиевиста и историков византийской и славянских литератур в «Путешествии» заключено множество драгоценных сведений. Посещая афонские монастыри, Григорович-Барский непременно составляет перечни, а частично и переводы хрисовулов — жалованных грамот византийских императоров — и других хранящихся там исторических документов. Это говорит о неугасимом интересе Григоровича-Барского к книге, к историческому документу.

Во время второй поездки на Афон перед настойчивым путешественником открылись двери «книгохранительниц» — библиотек, где нередко он обнаруживал бесценные книжные сокровища.

Уже в начале своей «подробной повести» (как он называл этот отчет о своем путешествии) он описывает библиотеку монастыря св. Афанасия. Хранящиеся здесь древние рукописные церковные книги он распределяет на следующие группы: 1) содержащие «толкования святого писания»; 2) «беседы полезные к чтению общему в церкви»; 3) «правильны», т. е. церковнослужебные книги.

Григорович-Барский различает описываемые книги также по материалу их изготовления (пергамент, бумага). Ценно самое стремление классифицировать книжный состав

монастырской библиотеки, состоявшей из более чем 500 томов.

Подробно описана Григоровичем-Барским библиотека Иверского монастыря, «древняя, большая паче всех монастырей и различием книг и множеством»: там, пишет он, «обретаются многие изрядные книги Еллинские, Латинские, Греколатинские, Философские, Богословские, Исторические, Отечественные рукописные же и печатные на кожах же и на хартиях, яже и аз многажды видех». Отмечая деятельность монаха Неофита Мавромата, который библиотеку «обновы, умножи и в благочиние расположи своим коштом и расположением», он особо выделяет сообщение этого книгохранителя-библиофила о том, что здесь сберегаются уникальные экземпляры книг «неудобообретаемых и в мир неявлявшихся».

Григорович-Барский умеет ценить книгу по разным признакам. Так, в монастыре Ставроникиты ему показали Псалтырь, примечательную тем, что то ли была она написана рукою Иоанна Златоуста, то ли лично ему принадлежала и ее он «употребляше в чтении»; «многой похвалы достойная» в его глазах эта книга, хранящая неповторимый аромат древности.

Здесь же хранилось и другое произведение книжного искусства. Вот как оно описано: «Ест вся писанна Греческим (псалтырь.— *И. К.*), чистым тертым златом на пергаменте, писменами художественными, великими, и пред всякою кафисмою пролозы (промежутки) широки, на три и четыре пальца, на них же с златом и различными красками, зело дробныя различныя узоры древнего некоего искусного художества и удивительного преплетания, и ни едина другой подобная, все же тонкими шелковыми завесами покровенны, да не отпираются, сего ради всегда, аки новоизображенна; аз же глаголю, яко еще таковой книги лепой во всем моем странствовании не видеви и достохвальныи суть труды пишущих сицевая, и с тщанием хранящих ю».

Так похвалой тем, кто создал эту прекрасную книгу, и тем, кто сумел бережно ее сохранить, заканчивается это описание, весьма точно передающее особенности рукописного памятника.

Но примечательные особенности той или иной рукописи не заставляли Григоровича-Барского забыть о критическом подходе к ее оценке. Так, в монастыре Пантократор он познакомился с книгой — «такою, каковой не случися зрети

во всем моем странствовании», которая, по его словам, одна «содержит в себе едва не целую библиотеку». Дальше он с восхищением говорит об исключительной красоте этой миниатюрной рукописи: написана она «на тонком и прекрасном пергаменте... в длину яко на пять, в широту же и толстоту, яко на полпяди, вне покровенна сребром позлащенным, на ней же изваяна подпись некоего Господаря Волоского имать же окрест листов праздного места на два перста, в длину положенна, писанна же Еллинским Греческим языком, сице же малыми, дробными и черными письмены, яко несть мощно ниже младому, кроме окуляр (очков) прочести, и сице тонкою и подобной власу человекью тростию, яко всей книзе не зрится ни едино рци, ниже едину он наполненное чернилом, точию начала и надписи златыми буквами мало большими, начертаны, сице же искусным характером и чистым писанна вся книга, яко аще и сице дробна есть, обаче всяк может с помощью стекла чести и зная Греческий имети о ней мнение, яко искусный человек ю написа».

Отдав должное искусству переписчиков, создавших этот шедевр, Григорович-Барский затем подвергает сомнению достоверность преданий, гласящих, будто это евангелие «святого Иоанна Кущника» и он «ношаше на себе даже до смерти»: вряд ли его можно было носить «на себе» из-за «толстоты и тягости» этой книги.

Далее приводится подробное оглавление этого уникального памятника рукописного искусства, действительно включающего «целую библиотеку». Заканчивается это критическое описание возгласом: «Кто же не удивится таковой маловеликой книзе!..»

* * *

Через десятилетия трудных странствий пронес свою любовь к книге — «великому дару человекам» неутомимый путешественник — киевлянин Григорович-Барский. Не раз на чужбине вспоминал он о своей родине, то, увидев знакомую деталь или особенность пейзажа², то напротив — по контрасту, когда увиденное совсем не было похоже на то,

² «Земля мягка, якоже в Российских странах»; «Келии, покровенни древнем и поверху черепицею, подобием остримь, якоже и в странах Российских».

к чему привык он дома³. «Над землю бо Рускую в семь свете нест лучшей к благоплодию плодов, земь и стран веселейших и красивейших несть, земля воистину благословенная, земля млеком и медом кипящая», — восклицает он, проплывая мимо островов, на которых «все дрeвеса и лески прекрасные и земля мало камене имущая».

Нередко в своих путевых записях он прибегает к разговорной украинской речи, чтобы объяснить незнакомый термин, трудное слово.

Увидев на Кипре чудесный камень — горный лен, — волокна которого не горят в огне, Григорович-Барский берет с собою образцы, «имущи намерение принести его в Киев, отечество мое».

Однако не столько вещественные доказательства своего пребывания в дальних странах рассчитывал он привезти домой после четвертьвекового отсутствия. Он много раз в своих записях обращается к будущим своим читателям, он никогда не упускает из виду их интересов. И поэтому с такой тщательностью делает он свои зарисовки — их множество в его рукописи; он фиксирует увиденные пейзажи, архитектурные памятники. Они должны помочь лучше понять, нагляднее представить то, о чем рассказывается в книге. (В работах, посвященных В. Григоровичу-Барскому, эти сделанные пером рисунки неоднократно воспроизводились.) Он рассчитывает по возвращении домой «вес[ь] путник совершенно направить» и затем издать. Очевидно, взыскательный автор стремился к большему совершенству. Но и в том виде, в каком до нас дошла его книга, она навсегда останется замечательным памятником культуры, формировавшейся в начале XVIII в., свидетельством ее своеобразия, больших творческих сил, в ней заложенных.

³ «Малые реки на Кипре, иже сравниаеми с реками Росийскими, едва потоки или источники могут именоваться».

БИБЛИОФИЛЫ СТАРОЙ ВЯТКИ

Старая Вятка — теперь город Киров — отметила свое 600-летие. Издавна этот город был «книжным сундуком» обширного края. Задолго до открытия школ здесь, несмотря на бедность населения и его сравнительную малочисленность, большим распространением пользовались «азбуковники». Так, в 1650 г. на московском Печатном дворе для Хлынова — Вятки уже закупили 714 таких азбук (а в городе тогда было менее 5 тысяч жителей).

Здесь были и огромные личные библиотеки. Об этом свидетельствует, например, перечень книг, найденных в 1666 г. при одном из обысков.

Основатель Вятской славяно-латинской школы (позднее — духовной семинарии) Лаврентий Горка (1671—1737) привез более 350 книг, из них 235 — на латинском, греческом и еврейском языках. После его смерти около 40 редчайших книг осталось в Вятке; часть из них недавно найдена.

С открытием главного народного училища (1786), а затем гимназии (1811) книги стали особенно необходимы. Их все чаще выписывали, привозили, дарили. Довольно долго в обиходе была и рукописная книга.

Книги были дороги, их берегли и почти обязательно переплетали. С середины XVIII в. деревянные крышки переплета заменяли «картоном» из склеенных листов старых архивных документов. Для более дешевых переплетов взамен кожи применяли холст или самодельную «мраморную» бумагу, иногда лощенную воском.

В начале XIX в. вятский мастер Юмин переплетал в кожу с тиснением только дорогие сочинения для гимназии. Работы его были грубоваты: без каптала, корешок — без

бинтов и отстава, неровный оттиск орнамента на крышке, очень узкие поля страниц.

Нередко пользовались услугами бродячих переплетчиков. Они поселялись у заказчика, затем переходили к новому хозяину. Такие «странники» (например, в 40-х годах был некий Павел Бобров) оставляли в книгах, переплетенных ими, — обычно весьма однообразно, без обрезки и с бумажными корешками — свои «квитанции» — датированные автографы, иной раз и с назидательными афоризмами.

В 20-х годах братья Александр и Константин Блиновы открыли в Вятке переплетную мастерскую. Своим трудом они довели дело до высокого совершенства. Их работы не уступали лучшим столичным. Красивые и прочные «блиновские» переплеты высоко ценились книжниками и библиотекарями. Ученики Блиновых затем успешно работали не только в Вятке. Характерно, что в 60-х годах XIX в. в городе мастеров-переплетчиков было больше, чем мясников, модисток и живописцев. Имена Д. Перфильева, О. Полякова, Т. Турина, А. Бражникова, а в 900-х годах А. А. Вшивцева, Н. С. Семакова, П. М. Сорокина (в Яранске) и других переплетчиков известны по их превосходным работам.

Первое вятское издание, посвященное книге, — знаменитая «Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 года».

Большими книжниками тогда считались купцы Машковцевы (один из них — Егор, университетский товарищ Герцена), педагоги Н. П. Орлов и Г. И. Пинегин, а позднее — чиновник Н. К. Калайдович (1820—1854), сын известного археографа.

В середине прошлого века хорошие личные библиотеки имели многие вятчи: лекари К. В. Пупарев, Н. В. Ионин, И. И. Михайлов, учителя А. А. Красовский, П. П. Хохряков, чиновник А. Я. Спасский, а в уездах: в Елабуге — И. Н. Кибардин, в Нолинске — А. Ф. Ергин, в Орлове — А. Н. Кузнецов, в Слободском — В. З. Ефремов и Н. З. Платунов, в Малмыже — К. К. Пафнутьев, в Уржуме — А. А. Чернов и Л. П. Матвеев, в Котельниче — И. Н. Кошурников, в Яранске — А. С. Филимонова, в селе Казакове — крестьянин Д. Л. Сенников.

Вятские чиновники Д. Я. Далматов и Ф. Н. Домелунксен собрали около тысячи драматических произведений. Позднее эти пьесы вошли в театральную библиотеку А. Я. Прозорова.

Многие из названных библиофилов не только собирали книги, но и деятельно их распространяли: А. А. Красовский, А. Н. Кузнецов, А. А. Чернов, позднее С. И. Сычугов и др. Попав за это под подозрение, они немало натерпелись от полицейских и иных притеснений.

Своеобразной энциклопедией для начинающего читателя была составленная вятским книголюбом-просветителем И. Трапицыным «Русская азбука с общепользным чтением, или руководство к практическому изучению скотоводства, птицеводства, пчеловодства, луговодства, лесоводства, огородничества и проч.» (Вятка, в типографии К. Блинова, 1865, 161 с.).

Прекрасную личную библиотеку собрал Василий Иванович Огнев (1837—1884). Он окончил Вятскую духовную семинарию, получил в Казани степень магистра. Много лет он преподавал словесность в Пермской семинарии (одним из учеников его был Д. Н. Мамин-Сибиряк). По отзывам современников, Огнев обнаруживал «выдающийся ум, замечательное богатство познаний и добросердечие», но за «содействие вольнодумству» был уволен. Вернувшись в родную Вятку, он сотрудничал в статистическом комитете, напечатал ряд статей по истории. Незадолго до смерти опубликовал труд «Страницы из истории книги на Руси» (Вятка, 1880, тип. Куклина, б. Красовского, 130 с.) Книга основана на материалах библиотеки Соловецкого монастыря. Эту библиотеку (1343 рукописных и более 90 старопечатных книг) изучали И. Я. Порфирьев и А. П. Щапов при участии В. И. Огнева. В своем знаменитом курсе истории русской словесности Порфирьев ссылался на работу Огнева, сохранившую и в наши дни книговедческую ценность.

Библиофилы встречались и среди вятского духовенства. В основном из книг состояло «вещественное достояние» епископа Агафангела (Соловьева) (1812—1876). «Предусматривая окончание земного жития своего», он подарил местным библиотекам множество книг, изданных Н. И. Новиковым, знаменитый трехтомник Н. С. Арцыбашева «Повествование о России» (М., 1838—1843), «Остромирово Евангелие», более четырехсот томов на латинском и греческом языках (около 80 — античных классиков), 52 огромных фолианта по истории папства («Акта санкторум») и пр.

В 1863—1868 гг. в городе Слободском, в 30 верстах от Вятки, жил архимандрит Иероним Геппнер (1811—1876), основатель книжно-филологического кружка «Слободская

академия», где долгие и жаркие собеседования с вятскими гостями велись только по-латыни; тринадцать ящиков своих книг (1066 томов) Геппнер подарил Вятской семинарии, где им нашлись настоящие ценители.

Многие годы литературными и философскими вопросами занимался учитель Павел Петрович Хохряков (1827—1894). Зная европейские языки, он пополнял свою библиотеку зарубежными изданиями. В 1859 г. он получал 14 журналов. К началу 90-х годов у него были представлены почти все основные новые сочинения по философии, истории и праву. Он и сам написал несколько книг по этим вопросам. В одной из них — «Дело А. М. Вольфа и вопрос о злоупотреблении рекламой» (Вятка, 1885) — разбирался нашумевший тогда издательский инцидент.

Товарищ Хохрякова по гимназии Илья Николаевич Редников (около 1850 — ок. 1900) был крупным филологом. Его «Греческий синтаксис» (в Вятке вышло два издания) считался основным пособием в гимназиях. В 1883 г. Редников издал своеобразный «экстракт» из книг своей библиотеки: «Сборник замечательных изречений, цитат, поговорок и т. п. различных времен и народов с историческим и сравнительным объяснением» (Вятка, тип. Куклина, б. Красовского, 229 с., XV с. + оглавл.). Книга получила известность, вызвала отклик и в столице¹. В 1890 г. вышло второе издание (217 с. + XVII с. + оглавл.). Теперь «Сборник» Редникова — почти уникам. Так, известные ленинградские букинисты П. Н. Мартынов и И. С. Наумов говорили, что за полвека ни разу не встретили его.

Литератор и земский деятель Авксентий Петрович Батуев (1863—1896) вместе со своими сотрудниками сумел приобщить к печатному слову множество земляков. Три тысячи пятирублевых «батуевских» библиотек, созданных земством на рубеже XX в., открылись в далеких селениях. Так к вятскому крестьянину впервые пришли Пушкин, Кольцов, Гоголь, Некрасов и Короленко. А. П. Батуев собрал и издал сочинения А. Осиповича-Новодворского (1853—1882), которого А. М. Горький относил к писателям щедринской школы.

В предреволюционные годы многие культурные и общественные деятели Вятки имели большие личные библиоте-

¹ Журнал Министерства народного просвещения, 1884, ч. 233, июнь, отд. II, с. 286—301.

Вятский библиофил В. И. Огнев (1837—1884)

теки. Среди тогдашних библиофилов в первую очередь следует назвать историка А. С. Верещагина, агронома А. Н. Гангесова, драматурга А. П. Вершинина, фотографа Д. И. Долгушина, бухгалтера Л. В. Махаева, юриста Н. В. Огнева, педагога И. М. Осокина, литераторов: Н. А. Падарина, Н. А. Чарушина, И. Г. Шадрина и в Сарапуле — Н. Н. Блинова, в Нолинске — Г. А. Рязанова, в Уржуме — Н. А. Чемоданова и других. КATALOGИ всех этих книжных собраний не сохранились. Издан был только перечень книг из библиотеки литератора и статистика М. П. Бородин (1854—1910), переданных одному из обществ. В этот список попали и некоторые запрещенные издания (например, «Вятская незабудка», 1878 г.). Особый интерес представляло в г. Слободском книжное собрание Валентина Петровича Куршакова (ок. 1870 — ок. 1932). Оно имело более 5 тысяч томов, среди которых было много изданий по истории книги и типографскому делу, разнообразные библиографические указатели, каталоги, справочники, литература по экслибрисам и проч. В комплектовании этой библиотеки участвовал П. И. Стучка (1865—1932), находившийся в вятской ссылке.

Сейчас по экслибрису В. П. Куршакова удалось выявить в фондах местных библиотек многие издания и составить представление о профиле и размерах этого ценного книжного собрания. История вятского «книжного сундука» известна пока лишь в самых общих чертах. Предстоит еще немало сделать, чтобы выяснить судьбы наиболее ценных личных библиотек, отыскать многие редкости и клады. Встречаются неожиданные находки. Так, среди остатков библиотеки чиновника-юриста А. П. Померанцева оказались редчайшие львовские издания Петра Могилы середины XVII в.

Особого внимания заслуживает деятельность многих забытых энтузиастов-библиофилов, букинистов, библиографов и других «носителей книжности». Их «труды и дни» достойны внимания всех, кто интересуется историей накопления наших книжных богатств.

Н. Рерих

ЛИСТЫ

В октябре 1974 г. советская и мировая общественность отметила столетие со дня рождения Николая Константиновича Рериха — великого русского художника-гуманиста, ученого, писателя и общественного деятеля.

Сделанное им не укладывается в обычные представления о человеческих возможностях. Семь тысяч картин и тридцать книг, длящиеся годами центральноазиатские экспедиции, во время которых пройдены десятки тысяч километров через высокогорные гималайские перевалы и среднеазиатские пустыни, почти полувековая самоотверженная борьба за продвижение международного соглашения о сохранении культурных ценностей человечества — вот далеко не полный перечень сделанного Николаем Константиновичем. И через всю жизнь пронесена горячая несломимая любовь к Родине. Особенно много делается Н. К. Рерихом и всей его семьей в трудные военные годы — устраиваются в Индии выставки с продажей картин в фонд советского Красного Креста, печатаются сотни статей о Советской России в индийских газетах и журналах, организуются выступления по радио. О чем думал и писал Николай Константинович, видно уже из названий публиковавшихся статей: «Толстой и Тагор», «Голос Горького», «Пушкин», «Русская женщина», «Московский Художественный театр», «Сибирь», «Крылья победы», «Слава», «Подвиг». По инициативе Н. К. Рериха в 1942 г. в Индии начинает выходить журнал «Новости Советского Союза». В том же году в США начинает работу новая общественная организация АРКА — Американо-русская культурная ассоциация. Ее почетным президентом избирается Н. К. Рерих, а почетными членами Эрнест Хемингуэй, Чарли Чаплин, Рокуэлл Кент, Эрскин Колдуэлл.

Сотни выставок и лекций, несших правду о СССР, были устроены АРКой. Вот названия некоторых выставок — «СССР во время войны и мира», «Исторические города и памятники культуры России», «Музеи Толстого, Чайковского, Чехова», «Окна ТАСС», «Сокровища русской культуры», «Оборона Сталинграда», «Защита Севастополя», «Блокада Ленинграда», «Рисунки советских художников на фронте». В письме к писателю В. Ф. Булгакову в июне 1946 г. Николай Константинович пишет «Радуюсь Вашей светлой оценке Советского Строительства, ибо мы живем тем же сознанием... Не мало удалось здесь поработать во Славу Русскую за эти годы, и такие посевы нужны безмерно. Народы во множестве своем верят Советскому Строительству и молодежь ждет ободрения и светлого напутствия»...

Литературное наследие Н. К. Рериха огромно. Если бы мы попробовали назвать все написанное Рерихом-писателем, пришлось бы перебрать около тысячи названий. Среди них были бы книги о путешествиях и статьи о культуре многих стран, сказки и стихи, листы дневника. Большую часть литературного рериховского наследия составляют статьи и листы дневника. Сам он называл их чаще всего «Записными листами», «Листами дневника» и просто «Листами». Как картину Н. К. Рериха трудно спутать с картиной другого художника, так и его литературные произведения несут на себе печать его яркой индивидуальности. Они полны глубоких и вечно живых мыслей о познании красоты, о мире и культуре, о преодолении трудностей и о любви к Родине. По-пусту читатель сам познакомится с «Листами» Н. К. Рериха, посвященными книге и библиотеке.

И. Богданова-Рерих

ЛЮБИТЕ КНИГУ

Среди искусств, украшающих и тем улучшающих жизнь нашу, одним из самых древних и выразительных является искусство книги. Что заставляло с самых древних времен начертаний придавать клинописи, иероглифам, магическим китайским знакам и всем многоцветным манускриптам такой изысканный, заботливый вид? Это бережное любовное отношение, конечно, возникало из сознания важного запечатления. Лучшее знание, лучшие силы полагались на творение этих замечательных памятников, которые справедливо занимают место наряду с высшими творческими произведениями. По сущности и по внешности манускриптов, книг мы можем судить и о самой эпохе, создавшей их. Не только потому, что люди имели больше времени на рукописание, но одухотворение поучительных памятников давало неповторяемое высокое качество этим запечатлениям человеческих стремлений и достижений.

Но не только рукописность давала высокое качество книге. Пришло книгопечатание, и разве можем мы сказать, что и этот массовый способ не дал множество памятников высокого искусства, послужившего к развитию народов.

Не только в утонченных изданиях XVII и XVIII веков, но и во многих современных нам, были охранены высокие традиции утонченного вкуса. И качество бумаги, и изысканная внушительность шрифтов, привлекательное расположение предложений, ценность заставок, наконец, фундамен-

43-53
Уже в феврале издательство
Камни своею мне сугубо
предымаю
и нов. 1910

Н. Перух

тальный крепкий доспех украшенного переплета делали книгу настоящим сокровищем дома. Таким же прочным достоянием, как и твердь, был переплет книги, не гнувшийся ни от каких житейских бурь.

Говорят, что современное производство бумаги не сохранит ее более века. Это прискорбно, и, конечно, ученые вместо изобретения «человечности» войны посредством газов должны бы лучше заняться изобретением действительно прочной бумаги, для охраны лучших человеческих начертаний. Но если даже такая бумага опять будет найдена, мы опять должны будем вернуться к утонченности создания самой книги. Поистине самые лучшие заветы могут быть отпечатаны даже в отталкивающем виде. Глаз и сердце человеческое ищут Красоту. Будет ли эта красота в черте, в расположении пятен, текста, в зовущих заставках и в утверждающих концовках — весь этот сложный, требующий вдумчивости комплекс книги является истинным творчеством.

Только невежды могут думать, что напечатать книгу легко. Конечно, не трудно набросать в кучу дурную книгу, которую в небрежности, в изломе линий, в раздражающих кривизнах люди быстро поймут и с пренебрежением бросят на нижнюю полку несоответственного шкафа. Или пошлют с удовольствием приятелю, следуя пословице: «На те, боже, что мне не гоже». Хорошую книгу, конечно, создать нелегко. Имя редактора и издателя хорошей книги является действительно почитаемым именем. Это он, вдумчивый работник, дает нам возможность не только ознакомиться, но и сохранить как истинную драгоценность искры духа человеческого.

Книга остается как бы живым организмом. Ее внешность скажет вам всю сущность редактора и прочих участников. Вот перед нами суровая книга неизменных заветов. Вот книга неряха. Вот поверхностный резонер. Вот щеголь, знающий только поверхность. Вот витиеватый пустослов. Вот углубленный познаватель. Зная эти тончайшие рефлекс-ы книжного дела, как особенно чутко и внимательно мы должны отнестись ко всему окружающему книгу — это зеркало души человеческой.

Но все создается лишь истинной кооперацией. Мы будем глубоко почитать издателя — художника своего дела. Но и он может ждать от нас, чтобы мы любили книгу. Иногда, под руководством современных декораторов, не нахо-

*Иллюстрация Н. Рериха к первому тому «Сочинений в трех томах»
М. Метерлинка. Спб., изд. М. В. Пирожкова*

дится места для книжных шкафов. В некоторых очень зажиточных домах нам приходилось видеть вделанные в стену полки с фальшивыми книгами. Можете себе представить все потрясающее лицемерие владельца этих пустых переплетов. Не являются ли они красноречивым символом пустоты сердца и духа? А сколько неразрезанных книг загадочно лежат на столиках будуаров. И хозяйка их с восторгом говорит о знаменитом имени, напечатанном на обложке. Как часто, среди оставленных наследий прежде всего уничтожаются именно книги, выбрасываемые как домашний сор, на вес, на толкучку. Каждому приходилось видеть груды прекрасных книг, сваленных, как тягостный хлам. Причем невежды, выбросившие их, часто даже не давали труда открыть и посмотреть, что именно они изгоняют.

Что же должен чувствовать издатель, художник, зная и видя эту трагическую судьбу истинных домашних сокровищ. Но и здесь не будем пессимистами. Правда, знаки безобразия существуют как со стороны читателей, так и со стороны издателей. Но ведь существуют же и поныне издания прекрасные, даже недорогие, но чудесные своею простотою, своею продуманною внушительностью. Существуют и нарождаются и прирожденные библиофилы, которые самоотверженно собирают лучшие запечатленные знаки человеческих восхождений. Может быть, именно сейчас нужно особенно подчеркивать необходимость сотрудничества между читателем и издателем. Финансовые кризисы обычно больше всего отражаются на способах и на качестве просвещения, это печально, но это так, точно бы в силу материального кризиса кто-то получает индульгенцию на невежество и одичание. Именно теперь мир переживает незапамятный, глубоко внедрившийся материальный кризис. Кризис производства, кризис падения качества, кризис веры в возможность светлого будущего. Главным образом это происходит оттого, что уже многие поколения приучаются верить, что руководящая мощь Мира лишь в золотой валюте. Но, призывая на помощь всю историю человечества, мы знаем, что это не так. Не будем еще раз повторять, что истинная валюта есть валюта духовных ценностей. Источниками этих ценностей несомненно остаются книги, на разных языках приносящие единый язык духа. Не может быть, но наверное именно сейчас нам нужно помыслить о книге, нужно светло ободрить издателей, мыслящих о красоте. Даже среди стесненного нашего обихода нужно найти место, достойное истинным сокровищам каждого дома. Нужно найти и лучшую улыбку тем, кто собирает лучшие книги, утончая качеством их сознание свое. Неотложно нужно ободрить истинное сотрудничество вокруг книги и опять внести ее в красный — прекрасный угол жилища нашего. Как же сделать это? Как же достучаться до сердец остеклившихся или замасленных? Но, если мы мыслим о Культуре, это уже значит, мы мыслим и о Красоте, и о книге, как о создании прекрасном.

В далеких тибетских домах, в углу священном, хранятся разные доски для печатания книг. Хозяин дома, показав нам драгоценности свои, непременно поведет вас и к этому почитаемому углу и со справедливой гордостью будет показывать вам и эти откровения духа. Он согласится с досок

этих и сделать оттиски для вас, если видит, что вы сорадауетесь его благородному собирательству. Я уже как-то писал вам, что на Востоке самым благородным подарком считается книга. Не ободряет ли это? Если мы скажем друзьям нашим «любите книгу», «любите книгу всем сердцем вашим» и почитайте сокровищем вашим, то в этом древнем завете мы выразим и то, что настоятельно нужно в наши дни, когда ум человеческий обращается так ревностно к поискам о Культуре.

Любите книгу!

Кто-то, не знающий действительного положения, спросит: «Почему нас сейчас призывают любить и защищать книгу, когда шкафы библиотек ломаются от ежегодных печатных поступлений». Скажем ему: «Мы не говорим о числе печатных поступлений, мы говорим о «любви к книге». Кто знает, может быть этот неисчисляемый поток печатной бумаги в свою очередь смутил народное представление о книге, как об истинной ценности. Не только каждый библиотекарь, но даже вдумчивый продавец книг скажет вам, что любовь к книге как к таковой сильно поколебалась и рассеялась. Так же как во многих других областях, произошло распыление и обезличение. Каждый близко стоящий к книжному делу, конечно, согласится с нами и признает, что настало время неотложно подумать опять о достоинстве книги.

Помню, во время аудиенции в Елисейском дворце, президент Думерг находился на фоне целого ряда прекрасных книжных томов. Какой достойной мозаикой цветилось это драгоценное собрание.

Книга, как в древности говорили, река мудрости, наполняющая мир. Книга, выхода которой еще недавно с трепетом ожидали и берегли наилучшее ее издание. Все это священное рвение библиофилов, оно не есть фанатизм и суеверие, нет, в нем выражается одно из самых ценнейших стремлений человечества, объединяющее Красоту и Знание. О достоинстве книги именно сейчас пробил час подумать. Не излишне, не по догме, но по неотложной надобности твердим сейчас.

Любите книгу!

Келанг Лахуль
1931 г.

СОКРОВИЩЕ ДОМА

Каждый библиотекарь является другом и художника и ученого. Библиотекарь — первый вестник Красоты и Знания. Ведь это он открывает врата и из мертвых полок добывает сокровенное слово для просвещения ищущего духа. Никакие каталоги, никакие описания не заменят библиотекаря. Любящее слово и опытная рука производят истинное чудо просвещения. Мы настаиваем, что Красота и Знание являются основами всей культуры и именно они меняют всю историю человечества. Это не мечтание. Мы можем проследить это от первых страниц истории. Несомненные факты говорят нам, как от первобытных времен весь прогресс, все счастье, все просвещение человечества слагалось красотой и знанием.

Мы говорим это в то время, когда миллионы книг печатаются и ежегодно фонтаны печатных страниц замерзают подобно снежным горам. В этом лабиринте бумажных ледников снежная слепота может поразить неопытного путника. Но зорек библиотекарь, как истинный хранитель Знания. Он знает, как провести ладью искателя через волны безбрежного печатного океана.

Библиотека существует не только, чтобы распространять знание. Каждая библиотека сущностью своею поощряет приносить знание и в дом. Возможно ли представить себе просвещенный дом и очаг без книг? Если вы возьмете даже очень древние изображения внутренности дома, вы найдете в них и произведения искусства и книги. Вы заметите, что эти старинные книги защищены прекрасными переплетами, и представляли из себя истинное сокровище. Это было не потому, что библиотеки тогда не существовали. Книгохранилища существовали во все века, со времени рукописного знака. Но дух человеческий всегда чувствовал, что знание может быть приобретено не только в общественных местах, но закрепление знания происходит именно в тишине дома. Часто мы носим с собою наиболее священное Изображение и книги. Они являются нашими бессменными друзьями и водителями. Мы отлично знаем, что истинная книга не может быть прочтена лишь однажды. Как магические знаки, истина и красота книги впитываются постепенно. И мы не знаем ни дня, ни часа, когда бы мы не нуждались в Завете Знания. И мы проверяем рост сознания нашего на этих верных друзьях. Итак, книгохранилище — это первые врата

просвещения. Но истинное восхождение знания совершается в часы молчания, в одиночестве, когда мы можем сосредоточить всю нашу познавательную сущность на истинном значении писаний.

Книги являются истинными друзьями человечества. Каждое мыслящее существо обязано иметь эти благородные ценности. На Востоке, на этом мудром Востоке, книга является наиболее ценным даром, и тот, кто дарит книгу, является благородным человеком. В течение пяти лет путешествия по Азии мы видели многие книгохранилища в монастырях, в каждом храме, в каждой разрушенной китайской дозорной башне. Всюду, и явно, и тайно, хранятся сокровища замечательных учений, жизнеописаний, научных трактатов и словарей. Князю Ярославу Мудрому, тому, который украсил Киев прекрасными памятниками романского стиля, приписывают слова о книгах: «Книги суть реки, напоющие благодатью всю Вселенную». И теперь, когда в пустыне или в горах вы видите одинокого путника, часто в его заплечном мешке найдется и книга. Вы можете отнять у него остальное имущество, но за книгу он будет сражаться, ибо он считает ее истинным сокровищем. Итак, приветствую вас, как хранителей истинных сокровищ. Будем собирать и беречь их, как благороднейший знак нашего дома.

*Нью-Йорк
1930 г.*

Книжный
развал

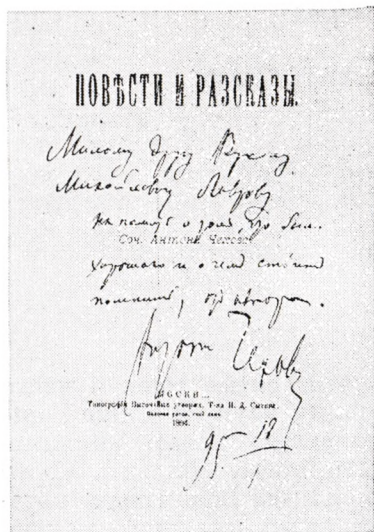
В. Н. Терновский

ДРАГОЦЕННЫЙ АВТОГРАФ

В пятидесятые годы я часто навещал книжный магазин Академии наук на улице Горького, куда мы приходили просматривать новые книжные поступления, а поступления были тогда обильны. Часто встречался я там с Сергеем Ивановичем Вавиловым, который был ревностным посетителем этого книжного салона на втором этаже магазина. На узкой деревянной лестнице, ведущей туда, мы часто сталкивались, уступая друг другу дорогу. Заглядывал туда и П. А. Ребиндер, и историк К. В. Базилевич. Здесь можно было натолкнуться на удивительные тома старых изданий, украшенных автографами Брюсова, Блока, Куприна, Короленко и даже Сергея Тимофеевича Аксакова, который подарил свою книгу «Детские годы Багрова-внука» Тарасу Григорьевичу Шевченко. Эти книги теперь украшают мою библиотеку.

Однажды я увидел там «Повести и рассказы, соч. Антона Чехова. Москва. Типография Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина. Валовая улица, свой дом. 1894». В книге было утрачено окончание (не хватало целой тетрадки). Она была без обложки, зато на ее титульном листе красовался автограф Антона Павловича Чехова: «Милому другу Вуколу Михайловичу Лаврову на память о том, что было хорошего и о чем стоит помнить, от автора Антона Чехова. 95 $\frac{12}{1}$ ».

Кто же был «милый друг» Чехова? Вукол Михайлович был довольно популярной фигурой в московской литературной среде 90-х годов. С 1880 г. в течение двадцати пяти лет он был редактором-издателем толстого литературного журнала «Русская мысль», очень популярного среди интеллигенции. И, конечно, Антон Павлович знал и любил Лаврова

Дарственная надпись
А. П. Чехова

как прогрессивно настроенного издателя, с которым он имел литературные связи. Лавров написал воспоминания о Чехове¹, выразив в них большую любовь к рано умершему другу. Вукол Михайлович был также известным переводчиком; особенно много он переводил с польского языка. Он переводил Генрика Сенкевича — его популярные романы «Огнем и мечом» (1886 г.), «Потоп» (1888 г.), «Без догмата», «Янко-музыкант», «Повести и рассказы», «Пойдем за ним», «Семья Поланецких», «Через степи» и др. В 1883 г. он перевел «Американские очерки и рассказы» Г. Сенкевича (совместно с писателем Л. Пальминым). Лав-

ров сотрудничал в «Русских ведомостях» и в журнале «Исторический вестник».

Дружеское обращение в чеховском автографе отражает искренние отношения Чехова и Лаврова.

¹ «Русские ведомости», № 202, 1904 г.

СЦЕНКА В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ

Это было в 1919 г. Я провожал Александра Александровича из книжной лавки на Колокольной. Идем по Литейному проспекту. Блок предлагает зайти в какой-то книжный магазин, он повсюду искал тогда старые пьесы для издания их в Театральном отделе Наркомпроса.

В магазине, в который мы вошли, у прилавка стоит и тоже роется в старых книгах какой-то человек высокого роста с черной бородой и длинными волосами, на попа похож. Приметная фигура.

Вдруг вижу: он что-то нашел. Держит на ладони маленькую книжечку, другой рукой бережно переворачивает странички. Невольно наблюдаю за ним. Он весь ушел в эту маленькую книжечку.

Вдруг на весь магазин раздается радостный, победный крик:

— Лимонарь!!! Нашел!!!

И пошел по магазину приплясывая и громко припевая:

— Лимонарь мой, Лимонарчик,— и так несколько раз.

Все в магазине обернулись к нему, решили: рехнулся человек, а поп продолжает плясать. Вдруг остановился. Книжечку держит, нежно поглаживает ее, а заметив, что все на него смотрят, обратился к окружившим его людям:

— Четыре года ищу, знаете, какая она редкая!

Блок просит показать книжечку.

Человек боится выпустить ее из рук, прижимает к себе как хрупкую драгоценность, а потом, подняв над головой, издала показывает. Прочность невозможно.

— Да какая же это книжечка? Скажите название,— опять спрашивает Блок.

И тогда человек торжественно объявляет:

— Книга Алексея Ремизова, а название «Лимонарь», ни разу ее не видел. У меня все книги этого издательства имеются, а вот эту — четыре года ищу. У автора ее нет. Понимаете, какое мне счастье.

Все стоят кругом, улыбаются, а он счастливый и немножко безумный поглаживает книжечку и теперь уже, едва слышно, напевает: Лимонарь мой, Лимонарчик.

— А ведь у меня эта книжечка должна быть, — говорит мне Александр Александрович. — Найду и подарю Алексею Михайловичу, быть может, и ему будет радость.

На следующий день я рассказал Алексею Михайловичу об этой сценке и о «чудаке-библиофиле». Ремизов рассмеялся и сказал:

— Да ведь это известный книгочий — Яков Петрович Гребенщикова, сколько раз стыдил меня, что не сохранил у себя ни единой книжечки. Это замечательный собиратель и человек очень интересный. Голодает, а книгу покупает. Он у меня часто бывает. Хотите — познакомлю вас?

И познакомил. Интересный человек. Озаренный книголюб.

Москва

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КНИЖЕЧКИ

Книжечка, о которой я собираюсь рассказать, в своем роде уникальная.

История ее такая.

Редакция популярного журнала для маленьких «Веселые картинки» (его тираж пять с половиной миллионов) предложила мне вести в течение года, из месяца в месяц, страницы детского творчества. На этих страницах будут стихи, сказки и рисунки детей, причем сочинения и рисунки должны быть связаны между собой: не просто детские картинки, а *иллюстрации* к напечатанным рядом стихам и сказкам.

Поскольку все дети в душе немножечко Карлсоны (помните героя книжки Астрид Линдгрэн «Малыш и Карлсон, который живет на крыше»?) и поскольку для уверенности в себе им важно знать, что они, конечно же, умеют делать то дело, за которое сейчас принимаются, я решил, что лучше всего эти страницы назвать так: «Мы умеем рисовать, мы умеем сочинять». Пусть название чуточку хвастливое, зато оно отвечает детской натуре и подбадривает ребенка.

Страницы «Мы умеем рисовать, мы умеем сочинять» появились в первом номере 1970 года. С тех пор в редакцию хлынул поток детских стихов и сказок. Читатель «Веселых картинок», как правило, еще не может по малолетству писать сам, и вот сочинения, записанные мамой, папой, бабушкой, дедушкой, старшей сестрой или братом, — в тысячах конвертов легли на редакционный стол.

Из этого потока я отбирал одно-два стихотворения или сказку для очередного номера. А для удобства общения с читателем придумал, что стихи, сказки и рисунки отбирают постоянные персонажи журнала — веселые человечки.

У каждого из них была своя роль: Петрушке всегда нравились стихи, а Дюймовочке — сказки, Карандаш понимал толк в рисунках, и т. п. Стихи поэтому читатели слали Петрушке, сказки — Дюймовочке, рисунки — Карандашу.

Но вы спросите, наверное, как же создавались иллюстрации, если, например, стихи принадлежали одному малышу, а картинки к ним рисовали дети, которые автора стихотворения никогда не видели? Делалось это так. Уже отобранные стихи и сказки редакция заблаговременно рассылала в детские сады по стране, и там воспитательницы читали эти сочинения сверстникам авторов и предлагали нарисовать рисунки к понравившемуся стихотворению или сказке. Потом из многих иллюстраций редакция выбирала лучшие.

Так все и шло, когда однажды я подумал, что этим же способом можно сделать и книжечку, авторами и иллюстраторами которой были бы сами дети.

Возможность соединить в книге разные виды детского творчества, разные художественные дарования казалась мне очень привлекательной.

Что мы называем детской книжкой? Книжку, которую сочинил взрослый писатель, проиллюстрировал взрослый художник и которую издательство адресует детям.

А нельзя ли создать, или, вернее, способствовать созданию, в полном смысле слова детской книжки?

Можно предположить, что иллюстратору-ребенку легче соответствовать автору-сверстнику, нежели приблизиться к малышу-автору взрослому художнику, который, естественно, в какой-то мере утратил мироощущение детских лет и которому необходимо всякий раз воссоздавать его в себе.

Для книжечки отобрали семь стихотворений, по числу разворотов. «Веселые картинки» печатали время от времени книжечки-вкладыши, и решено было нашу детскую книжечку поместить в последнем номере года.

Каждое из семи вошедших в нее стихотворений имеет свою историю, и мне хотелось бы прокомментировать некоторые стихи, а затем и рисунки, — в той последовательности, в какой они напечатаны в книжечке.

Юра Цапко семи лет (живет он в поселке Красная Горка, Архангельской области) прислал стихотворение «Зима»: «На зеленый, на лужок/выпал беленький снежок...» Стихи очень обычные, и скорей всего их полагалось отложить в сторону. Но что-то остановило меня, я интуитивно почувст-

вовал, что это не единственные у него стихотворные строчки. И не ошибся. В новом письме среди прочих было такое стихотворение:

РЕЧКА

У нас на Горке речка есть.
Весной по речке плыват лес.
Лес — это просто брёвна,
Плывут они неровно.

Позже Юра пояснил мне: «Стихи про речку я сочинил весной того года, когда был сплав леса».

Эти стихи, сложенные в шесть лет, сообщают очень простые вещи, притом на редкость непосредственно и безыскусно. Но каким непостижимым образом эти наивные строчки таят в себе поэзию!

Мама восьмилетней москвички Аннушки Тарасовой прислала несколько сочинений дочери, некоторые с иллюстрациями. «Интерес к сочинительству и рисованию у нее давний и устойчивый», — писала мама. Иллюстрирует Аннушка свои сказки не так уж плохо, и все же в «сочинительстве» она сильнее. Ее стихи, включенные в книжечку, — это чистой воды лирика, не так уж часто встречаемая у шестилетних поэтов, которые предпочитают живописать явления и предметы в их объективном качестве.

Какая погода хмурая!
Все люди ходят хмурые.
А я одна весельем занимаюсь!
Все хмуро на меня глядят,
А я всем людям улыбаюсь.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля!

(6 с половиною лет)

Непродолжительной была моя переписка с Леной Карасёвой из села Карамышева Алтайского края. Девочка сообщила: «Мое первое стихотворение «Снежинки». Больше всего у меня получается про зиму...» Однако стихи на излюбленную тему ничем не примечательны, банальные. А вот ее «Мяч», с остроумной тавтологической рифмой, сочиненный в семь лет, так и хочется повторять:

В мяч с утра играли мы,
Прыгали, скакали мы,
Прыгали, скакали мы,
Бабушке мешали мы.

Стихи Олега Павлова, 7 лет,
Рисунок Валеры Новикова, 7 лет.

ОЖИДАНИЕ

Раз решил я погулять,
Да забыл коня позвать.

Конь лежал в густой траве
На зелёной мураве.

Я стоял и ждал коня,
Конь лежал и ждал меня.

Рисунок Валеры Новикова к стихотворению «Ожидание»

Два стихотворения в книжечке принадлежат братьям Олегу и Вове Павловым. Это из их первых опытов. Вот стихи Олега, семи лет.

ОЖИДАНИЕ

Раз решил я погулять,
Да забыл коня позвать.
Конь лежал в густой траве
На зеленой мураве.
Я стоял и ждал коня,
Конь лежал и ждал меня.

А вот стихи Вовы, написанные в восемь лет:

ЛОДОЧКА-ЛЕБЕДОЧКА

Лодочка, лодочка,
Лодочка-лебёdochка,
По воде несётся,
Флаг из марли вьётся.
А на лодке — капитан,
Красно-рыжий таракан,
Он фуражку нахлобучил,
Сигарету закурил,
Стрекозе, своей подруге,
Подмигнул
И вдаль поплыл...

Ныне братья переехали в город, а в ту пору, когда слагли эти стихи (в которых, кстати, нетрудно уловить близость к фольклору), жили еще в уральской деревне. Я к ним туда ездил и был поражен почти нереальным размахом творческой игры. Братья издавали рукописные журналы, газеты и книжки, выпускали многосерийные рисованные фильмы, устраивали в своем деревенском доме выставки рисунков и т. д., и т. п. Но это такая богатая, насыщенная жизнь в творчестве, что я не хочу повествовать о ней сейчас бегло, наспех.

А теперь о рисунках. Только добавлю прежде, что на этот раз, для книжечки, я еще привлек при посредстве родителей несколько московских детей, которые, я знал, много и хорошо рисуют. Техника была та же. Детям прочли стихи и спросили, какое из этих стихотворений понравилось. К тому, которое нравилось, каждый и рисовал свою картинку.

Но в книжке все начинается с обложки. Как сделать ее? Отец Кати Литвиненко предложил дочке порисовать любимые персонажи. У шестилетней Кати это — кошка, три поросенка, Буратино и девочка. Их всех она изобразила на листе в окружении розовых пятен-бликов. А когда ей сказали, что этот лист, наверное, станет обложкой книжки, которая называется «Мы умеем рисовать, мы умеем сочинять», девочка решительно вывела в том месте, где должно быть название: «Я умею рисовать».

Саша Власюк семи лет, рисуя картинку к «Речке», следовал точно за текстом. Раз сказано, что речка «на Горке» (иллюстратор понял это буквально: на горé), следовательно, она потечет из верхнего правого угла в нижний левый. И бревна поплывут неровно. А на заднем плане лесоруб в лесу пилит дерево... В иллюстрации та же наивность, что и в стихах, но это не делает ее примитивной. В ней чувствуется весна, простор, весенний воздух.

Иллюстрацию к лирическому стихотворению «Какая погода хмурая!..» сделала Катя Литвиненко. Разными фломастерами Катя нарисовала четыре фигуры в одеждах защитного цвета, спешащие под дождем. И только одна девочка — золотистые волосы, красное платье и красные чулки — веселится. В руках мяч, рот до ушей: «А я одна весельем занимаюсь!» Настроение передано безо всяких усилий: легко, свободно, даже, пожалуй, лихо.

«Мяч» иллюстрировал Женя Протопопов шести лет. Лицом к зрителю бабушка в очках и мальчик рядом с большим мячом. У мальчика испуганное выражение: сейчас накажут! Но бабушка, видно, не собирается наказывать, она только — в какой раз! — останавливает расшалившегося внука. Удивителен лаконизм иллюстрации. Хотя в ушах звучит четырехкратное «мы», художник рисует *одного* мальчика, и представьте себе, иллюстрация все равно исчерпывающая.

В картинке семилетнего Валеры Новикова к «Ожиданию» взрослых настолько пленил конь с орнаментами от холки до хвоста, лежащий в окружении ромашек и порхающих над головой бабочек, что ни я, ни художник журнала не заметили до печати маленького несоответствия: вместо мальчика («Я стоял и ждал коня») нарисована девочка. Очевидно, подсознательно девочка для художника была ближе к той поэтической обстановке, которую он изобразил.

Рисунок Роксаны Шилинис-Корбут к стихотворению «Кошка и мышка» едва ли не самая тонкая художническая иллюстрация во всей книжке. Она выполнена разноцветной шариковой ручкой и акварелью. Большая кошка бежит за крошечной мышкой. Комната, вечерний час, светит лампа под абажуром. Вы попадаете в мир детской фантазии («играла кошка с мышкой»), вписываемый в наш реальный быт. Пятилетняя художница не ищет для своей композиции особую обстановку, она видит кошку и мышку в обычной комнате, в какой живет сама и какую, конечно, подразумевала пятилетняя Люда Левицкая.

Семь авторов и семь художников. Кроме одной детали, всюду безукоризненная согласованность рисунка и текста, проникновение в поэтическую ткань, в самое существо строк. И это я подмечал не только в отобранных рисунках, но и в тех, которые были в композиционном или декоративном отношении слабее и не попали в книжку. А ведь дети не иллюстраторы по природе, они просто рисовали картинку на темы стихов, которые им пришлось по душе. Тут есть над чем подумать взрослым.

Уже держа в руках готовую книжечку, очень милую по формату (в четверть журнальной страницы — а дети любят книжки-малышки), я подумал, что она, пожалуй, первая целиком детская книжка, изданная у нас.

В самом деле, за минувшие десятилетия в стране вышло, по моим подсчетам, свыше ста пятидесяти сборников

детских произведений. Среди них такие известные книги, как «Мы из Игарки», написанная ребятами Заполярья «по замыслу и плану» М. Горького (М.—Л., Детиздат, 1938), как сборник «Стихи детей», изданный «на правах рукописи» с предисловием и под редакцией С. Маршака (М.—Л., Детиздат, 1936), как альманахи «Уфимская весна», отпечатанные самими школьниками (Уфа, 1958 и 1959), «Тетрадь Володи Лапина» (М., «Детский мир», 1961), сборник тринадцати авторов от 5 до 12 лет «Раннее солнце» (М., «Малыш», 1964) и многие другие. Однако, за исключением второго издания книжки «Сами писали» (М., «Крестьянская газета», 1931), иллюстрированной гравюрами на дереве 15-летнего Никиты Фаворского, это все книги, которые оформили взрослые, профессиональные художники, либо сборники, где, наряду со стихами и прозой, напечатаны также детские рисунки, имеющие самостоятельное значение.

«Мы умеем рисовать, мы умеем сочинять» оказалась первой истинно детской книжкой, написанной и проиллюстрированной маленькими детьми. Притом изданной гигантским тиражом: пять миллионов! Первой. Но я надеюсь, она недолго останется единственной,— за ней последуют вторая, третья, десятая...

Москва

В. Манукян

КНИЖНЫЙ ЗНАК ДЛЯ ПОДЗЕМНОЙ БИБЛИОТЕКИ

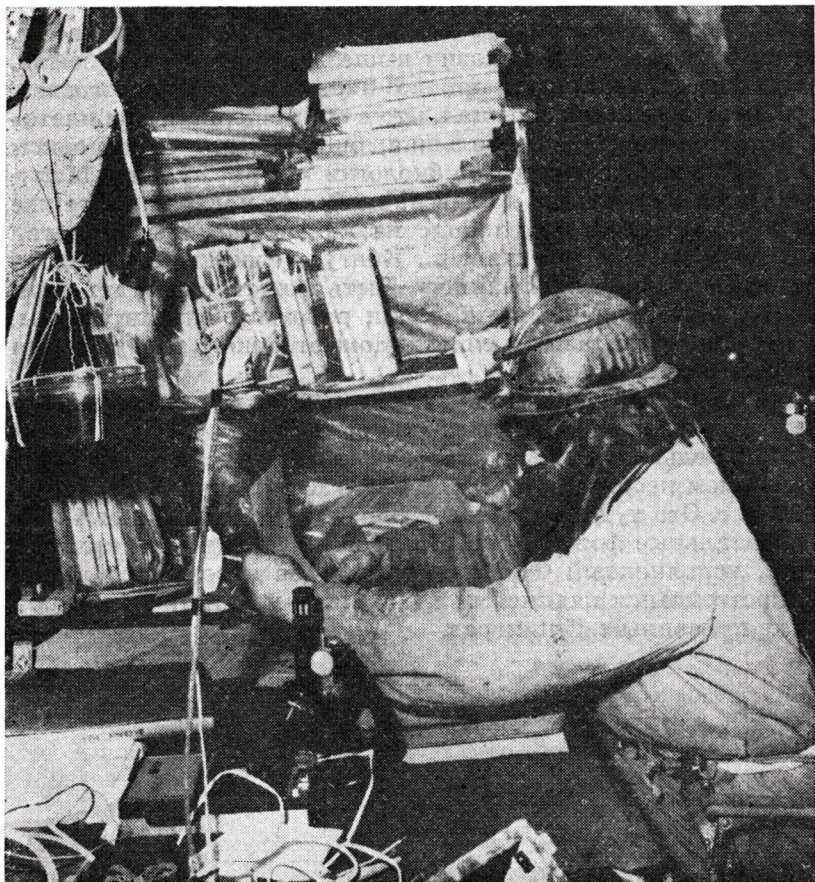
Интересна история книжного знака, исполненного ленинградским художником Филиппом Махониным для югославского спелеолога Милутина Вельковича. 24 июня 1969 г. М. Велькович спустился в пещеру, на-

ходящуюся на глубине 100 метров и пробыл там без перерыва 463 дня, побив тем самым мировой рекорд одиночного пребывания человека в пещере, который равнялся 110 дням и принадлежал французу Анри Гийо. Это был выдающийся по сложности и длительности эксперимент. Подобно космонавту, исследователь длительное время находился в замкнутом пространстве, был оторван от людей. С другой стороны, постоянная радиосвязь позволяла Вельковичу быть в центре внимания общественности. Изучение опыта такого «публичного одиночества» может быть полезно для развития космонавтики, тем более что М. Велькович вел научный дневник.

Пещера Самар, в которой проводился эксперимент, находится в горе Калафанта в Восточной Сербии, недалеко от югославского города Ниша.

Экслибрис работы художника
Ф. Махонина

*В подземном «кабинете» М. Вельковича.
Снимок сделан после окончания эксперимента.
На полке книги, на которых теперь наклеен книжный знак
ленинградского художника*

Филипп Махонин, узнав об эксперименте, предположил, что Велькович обязательно должен был взять с собой в пещеру книги. Художник исполнил для спелеолога книжный знак и послал его в белградскую газету «Вечерние новости», которая была одним из организаторов опыта. Газета опубликовала экслибрис под заголовком «Привет Милутину из Ле-

нинграда». Привет дошел до адресата только через восемь месяцев, когда М. Велькович вышел на поверхность земли.

Вскоре в Ленинград пришло письмо, в котором югославский исследователь сообщал, что в его пещерном «кабинете» действительно была небольшая библиотека — в основном специальная литература по биологии и горному делу. Милутин Велькович писал: «Благодарю Вас за подарок... а также за идею поставить экслибрис на книгах, которые я читал в пещере. Я уже это сделал... Книгу о своем пребывании в пещере я обязательно напишу. Быть может, она будет переведена и на русский язык. Ваши работы очень интересны, в них много фантазии и силы художественного изображения действительности...»

Между ленинградским художником и югославским спелеологом завязалась дружеская переписка.

М. Велькович сдержал свое слово и написал книгу «Под каменным небом», которая вышла в Югославии, в Белграде, в 1972 г. Это художественный дневник ученого. В нем 43 документальные фотографии. Воспроизведен здесь и книжный знак, исполненный Ф. Махониным. Два экземпляра книги с дарственными надписями художнику и автору этих строк были присланы в Ленинград.

Ленинград

Г. Кизель

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ В МИРЕ ЭКСЛИБРИС

Вечером у известного тамбовского коллекционера Н. А. Никифорова собрались друзья. Занятную вещицу показывал Николай Алексеевич — миниатюрную книгу-сувенир. Прислал ее из Финляндии его большой друг — коллекционер и однофамилец Александр Никифоров. Французские полиграфисты выпустили ее в честь «Белой Олимпиады» в Гренобле. В ней напечатан текст олимпийской клятвы на семи языках — русском, английском, французском, немецком, итальянском, шведском и финском. Прочсть его можно лишь с помощью сильной лупы, вделанной в футляр книги. Размер книги 5×5 мм!

Много разговоров было в тот вечер: обсуждали миниатюрное издание, сравнивали с другими книгами-малютками. А у молодого тамбовского графика Александра Чернова неожиданно возникла мысль: а что, если... сделать экслибрис к этой чудо-книге! Только вот как отпечатать его?

После долгого раздумья он остановился на микрофотографии. А оригинал знака можно выполнить тушью.

И вот появился на свет экслибрис. Это владельческая надпись «КНИГА НАН» (Н. А. Никифорова). Слова располагаются друг под другом, образуя композиционное целое. Но размер экслибриса — $0,5 \times 0,7$ мм, в семьдесят раз меньше книги! На торце спички помещаются всего четыре таких знака.

Наклеили один экземпляр этого самого маленького в мире экслибриса на второй экземпляр книги-малютки и послали во Францию. Так русский умелец вновь «подковал блоху», на сей раз французскую!

БИБЛИОТЕКИ НА ПОЧТОВЫХ МАРКАХ

Среди множества почтовых марок, выпущенных во всем мире и посвященных различным сюжетам, изображение библиотек занимает весьма скромное место. По нашим подсчетам, таких марок во всем мире не более ста.

Впервые библиотека была изображена на испанской почтовой марке. К 300-летию со дня смерти великого испанского писателя Сервантеса в 1916 г. были изданы две серии по четыре марки в каждой. Марки были выпущены без указания цены и предназначались для служебной переписки членов Палаты депутатов и Сената. В обе серии входили марки с изображением Национальной библиотеки в Мадриде, причем марка одной серии напечатана черной и красной краской, другой — черной и зеленой.

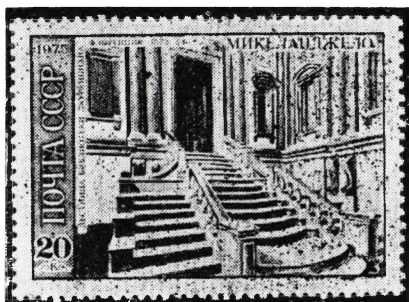
В нашей стране первая марка с изображением библиотеки появилась в 1939 г. в серии «Реконструкция Москвы».

На одной из миниатюр лилово-коричневого цвета изображена Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. На переднем плане видно ее новое здание (архитекторы В. Гельфрейх и В. Щуко), на заднем — старое, воздвигнутое по проекту замечательного русского зодчего В. И. Баженова. Марка представляет собою гравюру на дереве художника Н. Шевердяева.

После этого изображение Библиотеки им. В. И. Ленина на марках встречалось неоднократно.

В 1949 г. к 150-летию со дня смерти В. И. Баженова выпущены две марки, на которых изображено старое здание библиотеки, а справа — портрет его создателя. Одна марка фиолетовая, другая — красно-коричневая. Рисунок художника Е. Соколова.

В 1957 г. в Москве во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в здании Библиотеки СССР им. В. И. Ленина была организована Международная филателистическая выставка «VI Фестиваль — Москва». В честь этого события была выпущена марка с изображением нового здания библиотеки. Марка сине-зеленого цвета, рисунок Е. Гундобина. Одновременно вышел почтовый блок, оформленный коллективом художников Гознака. На узорном подкладном фоне в центре блока изображена эмблема VI Всемирного молодежного фестиваля. Справа и слева от эмблемы — новое здание библиотеки.

В 1962 г. исполнилось 100 лет со дня основания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Это знаменательное событие было отмечено выпуском двух марок черно-зелено-серого цвета. На одной из них — старое здание библиотеки, на другой — новое. Обе марки изготовлены по рисункам Н. Круглова.

И наконец, Библиотека им. В. И. Ленина появляется на многоцветной новогодней марке 1969 г. (рисунок художника В. Пименова).

В послевоенные годы на почтовых советских марках были изображены также Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотека Академии наук СССР.

В 1949 г. была выпущена серия «Памяти М. В. Ломоносова». На марке темно-ультрамаринового цвета по рисунку В. Климашина — здание петровской Кунсткамеры в Ленинграде, где в 40-х гг. XVIII в. работал М. В. Ломоносов и где до 1923 г. помещалась Библиотека Академии наук СССР.

Кунсткамера встречается еще на нескольких марках. В частности, в 1961 г. к 250-летию со дня рождения М. В. Ло-

моносова была выпущена специальная серия. На марке, отпечатанной по рисунку Е. Комарова (коричневая, серая, вишневая), — портрет ученого и вид на его родное поморское село близ Холмогор и здание Кунсткамеры.

В 1964 г. в нашей стране отмечалось 250-летие со дня основания Библиотеки Академии наук СССР. На памятной марке (гравюра на дереве Н. Калиты, выполнена в черном, серо-оливковом и красном цветах) изображено новое здание библиотеки (архитектор Р. Р. Марфельд).

Кунсткамера вновь появляется на марках в 1970 и 1974 гг.

В 1974 г. к 250-летию Академии наук СССР в обращении появилась многоцветная марка, выполненная по рисунку художника А. Калашникова и гравированная на металле Л. Майоровой. В центре марки — раскрытая книга, на страницах ее слова: «250 лет Академии наук СССР». По обеим сторонам книги изображены здания: слева — Кунсткамеры в Ленинграде, справа — Президиума Академии наук СССР в Москве. На фоне Кунсткамеры видны старинный глобус, огромный циркуль и транспортир.

В 1970 г. Министерство связи СССР выпустило юбилейную серию марок, посвященную 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, выполненную по рисункам художников И. Мартынова и Н. Черкасова. На шестом купоне серии изображен фасад главного здания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, воздвигнутого по проекту архитектора К. Росси. Здесь в 1893—1895 гг. занимался В. И. Ленин.

В 1970 г. старейшей библиотеке нашей страны — Библиотеке Вильнюсского университета исполнилось 400 лет. Это событие отмечено выпуском оригинальной почтовой марки (черная, серая, серебристая). На рисунке И. Гудмонаса и С. Эйдричавичуса воспроизведен один из экслибрисов библиотеки: на фоне зданий университета женщина в национальном костюме держит в двух руках таблички с датой основания библиотеки и с юбилейной датой. По периметру марки расположен памятный текст, внизу даты: «1570 — 1970».

Наконец, в марте 1975 г. Министерство связи СССР выпустило очень интересную, высокохудожественную серию из шести марок, посвященных 500-летию со дня рождения великого представителя культуры эпохи Возрождения — Микеланджело. Библиотекарей-коллекционеров привлекает

особое внимание к этой серии марка зеленовато-серого цвета. На ней изображена великолепная широкая лестница, ведущая в чудесную библиотеку Лауренциану во Флоренции, сооруженную по проекту Микеланджело и названную в честь Лоренцо Медичи «Великолепного» (1449—1492), ученого и поэта, одного из преемников известного итальянского рода, правившего во Флоренции с 1434 по 1737 год, крупнейших банкиров Европы. В 1571 г. эта богатейшая библиотека, созданная на основе фамильной библиотеки Медичи, была открыта как публичная.

Ленинград

Хроника

15 ЛЕТ КЛУБУ ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ ПРИ ЦДРИ СССР

Клуб любителей книги при Центральном Доме работников искусств СССР открыл свою деятельность заседанием 18 ноября 1959 г. Инициатором создания клуба и его первым председателем был заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств Виктор Михайлович Лобанов (1883—1970). Ближайшее участие в организации и становлении клуба принимали писатель В. Г. Лидин, заведующая библиотекой ЦДРИ Г. Г. Поршнева, библиограф Е. Д. Шрейдер и с начала 1960 г. А. Ф. Иваненко. В 1967 г. Г. Г. Поршневу заменила Р. А. Лившиц. В 1970 г. председателем клуба избран А. Ф. Иваненко. Деятельности клуба оказывает всемерное содействие заместитель директора ЦДРИ, заслуженный работник культуры Э. С. Разниковский.

Вначале членами клуба были только книголюбцы из числа работников искусств: художники книги (К. М. Буров, Е. Н. Голяховский, Д. В. Даран, П. М. Кузання, Н. В. Кузьмин, Т. А. Маврина, В. А. Милашевский, А. П. Могилевский, С. Б. Телингатер, Г. Г. Филипповский и др.); работники книги (книговеды, издатели, библиотекари, букинисты); старейшие московские библиофилы (бывшие члены РОДК: И. Н. Жучков, А. М. Макаров, Э. Ф. Ципельзон и др.). Впоследствии клуб принял в свои ряды книголюбцов различных профессий, в 1974 г. число его членов достигло 275 чел.

Члены клуба изучают вопросы истории книги и книгопечатания, книжного оформления и иллюстри-

Пригласительный билет на вечер,
посвященный А. А. Блоку 1970 г.
Гравюра на дереве.
Худ. Е. Голяховский

рования; изучают творчество мастеров книжной графики прошлого и современников; знакомятся с малозвестными материалами о деятелях книжной культуры (издателях, библиофилах, выдающихся букинистах); знакомятся с главными книгохранилищами страны и наиболее интересными личными библиотеками; знакомятся с новыми книжными и архивными разысканиями; проводят встречи с авторами книг, художниками, работниками издательства и книжной торговли.

Кроме докладов и сообщений широко используются воспоминания современников, чтение неопубликованных мемуаров, писем, документов с необходимыми комментариями. На клубных встречах (один раз в месяц), как правило, организуются однодневные выставки редких книг, документов, оригиналов иллюстраций и книжного оформления, фотографий и других материалов из собраний членов клуба и фондов Центрального государственного архива литературы и искусства, с которым у клуба установлены тесные творческие связи. В феврале 1973 г. клубом впервые в Москве была организована в выставочных залах Союза художников РСФСР «Выставка книжной графики из коллекций московских собирателей» — книги, оригиналы иллюстраций, обложки и книжных украшений. Приглашения на клубные встречи всегда оформляются гравюрами или рисунками, выполненными художниками, членами клуба (А. Д. Гончаровым, Д. Б. Дараном, Г. А. Кравцовым, А. И. Калашниковым, В. А. Милашевским, А. П. Могилевским и др.) или воспроизведением редких рисунков и гравюр известных художников, отпечатанных с авторских досок.

Клуб поддерживает тесные связи с Московским клубом экслибристов, Харьковским, Ленинградским и Ульяновским клубами книголюбов, проводя совместные и выездные заседания. О работе клуба дает представление приводимая ниже «Хроника работы за 15 лет».

I СЕЗОН

- 18 XI 1959 «Задачи клуба и исторический обзор советских библиофильских обществ»
Сообщения писателей: В. Г. Лидина, И. Л. Андроникова, Н. П. Смирнова-Сокольского; чл.-кор. Академии художеств СССР В. М. Лобанова, чл.-кор. АН СССР А. А. Сидорова; народного художника СССР С. В. Герасимова и профессора А. Д. Гончарова.
- 11 XII 1959 «Мастера книжной графики». Доклад д. чл. Акад. художеств СССР М. В. Алпатова «Владимир Андреевич Фаворский». Выступление В. А. Фаворского. Выставка его работ.
- 22 I 1960 «Антон Павлович Чехов» (к 100-летию со дня рождения). Сообщения: В. Г. Лидин «Прижизненные издания А. П. Чехова», Н. П. Смирнов-Сокольский «Молодой Чехов», д-р искусствовед. И. С. Зильберштейн «Новое о Чехове», художник Д. А. Дубинский «Моя работа над Чеховым».
- 16 III 1960 «25 лет издательству «Советский писатель»». Воспоминания литературного критика Ф. М. Левина и библиографа Б. Я. Шиперовича.
- 4 IV 1960 «Французские классики в иллюстрациях советских художников». Сообщения художников: В. Г. Бехтеева, А. Д. Гончарова, Д. Б. Дарана, В. А. Дехтерева.

- 24 V 1960 Доклад В. Б. Шкловского «Петербургские издательства и книги первых лет революции». Выступление И. Л. Андроникова.
- 8 VI 1960 «Вечер книголюбов». Выступления: И. Л. Андроникова, В. Г. Лидина, Н. П. Смирнова-Сокольского, А. Д. Гончарова. Кинофильм «Загадка НФИ». Литературный концерт с участием мастеров художественного слова. Выставка редких книг из фондов Гос. Центр. театральной библиотеки. Книжный базар и книжная лотерея.

II СЕЗОН

- 17 XI 1960 «Александр Блок» (к 80-летию со дня рождения). Сообщения: С. М. Алянский «Из воспоминаний о поэте», П. Г. Антокольский «Об Александре Блоке», К. Г. Паустовский «А. Блок», И. С. Зильберштейн «Об А. Блоке по материалам «Лит. наследств»»; стихи А. Блока прочла народная артистка СССР Алиса Коонен.
- 15 XII 1960 «Книга и экслибрис». Сообщения художников: Н. И. Калиты, Е. И. Когана, Г. А. Кравцова, С. Б. Телингатера.
- 31 I 1961 «Художник и книга». Сообщения художников: К. М. Бурова, Т. Г. Вебер, А. Д. Гончарова; писателя В. Г. Лидина.
- 21 II 1961 «Китайская гравюра». Доклад искусствоведа К. С. Кравченко и сообщение коллекционера Д. М. Смирнова.
- 19 IV 1961 «Мастера книжной графики. И. Я. Билибин». Сообщения: В. Г. Лидина, В. М. Лобанова, архитектора Е. П. Климова — «Книжная графика И. Я. Билибина»; сообщение А. Ф. Иваненко «И. Билибин и Г. Нарбут. По неопубликованным письмам».
- 24 V 1961 «Журнал «Молодая гвардия» в гостях у книголюбов». Выступления писателей: В. Астафьева, Э. Асадова, В. Боква, А. Вознесенского, А. Коваленкова, В. Кострова, В. Фирсова, О. Фокиной, В. Цыбина; композитора А. Пахмутовой. Выставка книжной графики художников М. Рудакова и И. Сущенко. Книжный базар и книжная лотерея.

III СЕЗОН

- 30 X 1961 Главы из новой книги «Друзья мои — книги» читал автор — В. Г. Лидин. Вступительное слово Г. А. Виноградова.
- 23 XI 1961 Доклад художника К. М. Бурова «Художественное оформление книг в издательстве «Советский писатель»».
- 12 XII 1961 Творческая беседа И. Г. Эренбурга с книголюбями.
- 29 I 1962 Творческая беседа Н. П. Кончаловской о ее книге «Дар бесценный».
- 26 II 1962 «А. С. Пушкин» (к 125-летию со дня смерти). Доклад А. А. Сидорова «Фаворский — иллюстратор Пушкина» и сообщение Т. Г. Цявловской «Неясные места в биографии Пушкина».

- 27 III 1962 Доклад С. П. Фортинского «Елизавета Сергеевна Кругликова».
- 27 IV 1962 «Друг книги — С. Г. Кара Мурза». Сообщения: В. М. Инбер, В. Г. Лидина, И. Г. Эренбурга, А. А. Сидорова, А. Д. Гончарова.
- 6 VI 1962 «Мастера художественного слова в гостях у книголюбов». Выступления артистов: Е. Ауэрбах, В. Маратова, В. Поповой, Г. Сорокина, В. Токарева. Книжный базар.

IV СЕЗОН

- 25 X 1962 «Из жизни русской литературы второй половины XIX века» и «Книга «Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями»» — доклады д. чл. АН УССР Н. К. Гудзия и профессора Ю. Г. Оксмана.
- 27 XI 1962 «Литературная Москва первых лет революции». Сообщения писателей А. М. Арга и М. Д. Ройзмана.
- 24 XII 1962 «Об Александре Блоке». Поэму «Воспоминания об Александре Блоке» прочитала автор Н. А. Павлович. Воспоминания о А. А. Блоке Н. А. Павлович прочел артист Г. Г. Рахманов.
- 22 I 1963 «Литературная Одесса первых лет революции». Сообщения писателей: Б. В. Бобовича, С. А. Бондарина, Л. И. Славина, артиста Н. А. Голубенцева.
- 25 II 1963 «Книги о книгах». Сообщения: В. Г. Лидина, профессора С. И. Машинского и С. А. Клепикова.
- 26 III 1963 «Издатель М. В. Сабашников». Сообщения В. Г. Лидина, В. М. Лобанова. Воспоминания Н. М. Артюховой и Н. М. Гусева.
- 23 IV 1963 «Мастера книжной графики. Г. И. Нарбут». Воспоминания В. П. Нарбут-Линкевич о Георгии Ивановиче Нарбуте. Сообщение художника А. П. Могилевского «Г. Нарбут в Мюнхене — малоизвестная страница его биографии».
- 20 V 1963 «Букинистическая Москва начала XX века». Сообщения букинистов: Н. М. Гусева, Н. А. Старицына, А. И. Фадеева.
- 24 V 1963 «Вечер книголюбов». Показ кинофильмов: «Библиотека Вольтера», «Мастера книжной иллюстрации», «Записные книжки Чехова», «Художник Н. К. Рерих», «Художник Д. Дубинский», «Н. П. Смирнов-Сокольский». Книжный базар. Книжная лотерея.

V СЕЗОН

- 8 X 1963 «Мастера книжной графики. Д. И. Митрохин». Доклады М. В. Алпатова и канд. искусствовед. В. Р. Герценберг «Д. И. Митрохин» (к 80-летию со дня рождения). Воспоминания художника А. П. Могилевского о встречах с Митрохиным.
- 15 X 1963 Просмотр и обсуждение выставки работ художника книги С. Б. Телингатера.
- 25 XI 1963 «Пушкин в своей библиотеке». Этюды из новой книги прочел автор — А. И. Гессен.

- 20 XII 1963 «Художники книги». Творческая встреча с художниками А. Д. Гончаровым, С. Б. Телингатером. Вступительное слово д. чл. Акад. художеств СССР Д. А. Шмаринова.
- 29 I 1964 «Эдуард Багрицкий» (к 30-летию со дня смерти). Сообщения писателей: Б. В. Бобовича, С. А. Бондарина, Г. Н. Мунблита, С. Ю. Олендера, Л. И. Славина; канд. филол. наук Е. А. Динерштейна. Стихи поэта читали артисты Н. Голубенцев, Е. Дубнова, Н. Лернер, В. Попова.
- 25 II 1964 «400 лет русской печатной книги». Доклад канд. пед. наук М. М. Клевенского.
- 6 III 1964 Выездное заседание в Гос. Лит. музее. Доклад А. А. Сидорова «Иван Федоров в свете новых изысканий».
- 30 III 1964 «Мастера книжной графики. Даниил Даран» (к 70-летию со дня рождения). Сообщения: А. М. Волошина; писателей Н. К. Вержбицкого, Е. А. Гунста; М. А. Зенкевича, В. Г. Лидина; художника Г. Г. Филипповского. Сообщения А. Ф. Иваненко «Цирковые новеллы Дарана».
- 18 IV 1964 «Литературная Москва начала века» (К. Бальмонт, А. Белый, В. Брюсов). Сообщения: И. С. Зильберштейна, Н. К. Бруни, Л. А. Ильинского, Т. А. Тургеневой.
- 22 V 1964 Выездное заседание в книжном магазине «Букинист». Сообщения и выступления: В. М. Лобанова, К. М. Бурова, коллекционера Н. И. Суroveжина.

VI СЕЗОН

- 13 X 1964 «М. Ю. Лермонтов» (к 150-летию со дня рождения). Доклад засл. деятеля искусств РСФСР Н. П. Пахомова «Иллюстрации к произведениям М. Ю. Лермонтова».
- 19 XI 1964 «Книжная графика на выставке «Москва — столица нашей родины»». Доклад искусствоведа О. М. Бескина.
- 14 XII 1964 «Русские лирики первых лет Октября» (А. Блок, В. Маяковский, М. Цветаева). Доклад д-ра филол. наук. З. С. Паперного. Стихи М. Цветаевой прочла засл. артистка РСФСР В. Попова.
- 26 I 1965 «Как мы делаем книгу». Сообщения художников: В. С. Алфеевского, А. Ф. Билль, Е. О. Бургункера, Г. Г. Филипповского.
- 17 II 1965 «О том, что не напечатано, о сокровищах, хранящихся в ЦГАЛИ и о последних находках». Доклад директора ЦГАЛИ, канд. филол. наук Н. Б. Волковой.
- 25 III 1965 «О Михоэлсе богатым и старшем», главы из новой книги прочла автор — д-р биол. наук А. П. Потоцкая-Михоэлс. «Актеры без грима», новые главы к 2-му изданию книги прочел автор Б. М. Филиппов. Обсуждение прочитанного.
- 20 IV 1965 «Из истории московских издательств. Издательство «Недра»». Доклад писателя Б. Л. Леонтьева.
- 8 VI 1965 «Международная выставка книжного искусства в Лейпциге». Доклад К. М. Бурова.

VII СЕЗОН

- 26 X 1965 «Сергей Есенин» (к 70-летию со дня рождения). Сообщения: Н. Б. Волковой, засл. артистки РСФСР А. Л. Миклашевской, писателя И. И. Шнейдера, литературоведа А. Г. Тихомирова.
- 17 XI 1965 «Александр Грин» (к 85-летию со дня рождения). Доклад В. М. Россельса. Сообщения: писателя Н. К. Вержбицкого, художников С. Г. Бродского и А. П. Могилевского.
- 20 XII 1965 «Блок в Шахматове». Доклад П. А. Журова.
- 24 I 1966 «Зеленая лампа». Главы из новой книги прочитала автор — Л. Б. Либединская.
- 11 II 1966 Просмотр и обсуждение выставки книжной графики художника С. Г. Бродского.
- 28 II 1966 «Мастера книжной графики. Лев Александрович Бруни». Доклад искусствоведа В. И. Ракитина. Сообщения: Н. К. Бальмонт-Бруни, художников А. Д. Гончарова и В. Б. Эльконина.
- 31 III 1966 «Мастера книжной графики. В. А. Фаворский» (к 80-летию со дня рождения). Доклад М. В. Алпатова. Сообщения художников: И. В. Голицына, А. Д. Гончарова, Д. Д. Жилинского.
- 19 IV 1966 «Из истории творческих объединений 20-х годов». Доклад А. А. Сидорова.
- 5 V 1966 Выездное заседание в Доме-музее А. П. Чехова. «Г. Р. Державин» (к 150-летию со дня смерти). Доклад проф. А. В. Запотова и сообщение В. Г. Смолицкого. Стихи Державина прочитали артисты: Ю. Аржанов, В. Рогов, Л. Савченко. Концерт русской музыки XVIII в.: Б. Доброхотов (виола да гамба) и Е. Малышева (арфа).

VIII СЕЗОН

- 6 X 1966 «Первые советские издательства». Доклад Е. А. Динерштейна. «Из истории печати первых лет революции». Сообщения Н. К. Вержбицкого.
- 30 XI 1966 «Три месяца поисков во Франции». Доклад И. С. Зильберштейна.
- 23 XII 1966 «Я рисовал советских писателей». Новеллы о писателях: Л. Сейфуллиной, И. Бабеле, И. Евдокимове, А. Толстом, А. Белом, Н. Хикмете читал автор — художник В. А. Милашевский.
- 3 II 1967 «Необыкновенные собеседники» (М. Булгаков, А. Платонов, М. Цветаева). Главы из новой книги читал автор — Э. Л. Миндлин.
- 22 III 1967 «На заре советского музейного строительства Москвы». Доклад засл. деятеля искусств РСФСР Н. П. Пахомова и сообщение К. А. Зелениной.
- 21 IV 1967 «Рассказывает и показывает ЦГАЛИ». Доклад директора ЦГАЛИ Н. Б. Волковой и сообщения ст. науч. сотр. ЦГАЛИ: Ю. А. Красовского, В. В. Кулешовой, К. Н. Суворовой, М. В. Хорольской.
- 29 V 1967 «Забытый издатель. Ф. А. Куманин». Доклад ст. науч. сотр. ЦГАЛИ В. Н. Колеченковой.

IX СЕЗОН

- 30 X 1967 «Мастера книжной графики — Великому Октябрю». Впечатления о выставках и конкурсах: председателя международного жюри по конкурсу на лучшие книги художника А. Д. Гончарова, гл. худож. изд-ва «Художественная литература» Т. Г. Вебер, гл. худож. изд-ва «Искусство» И. С. Жихарева. Сообщение худож. К. М. Бурова «Моя Кузьминина».
- 6 XII 1967 «История литературной мистификации начала века. Черубина де Габриак». Сообщения профессора В. Н. Афанасьева и А. Ф. Иваненко. Воспоминания М. Волошина, С. Маковского и М. Цветаевой прочитал артист МХАТ Ю. В. Ларионов.
- 15 XII 1967 Выездное заседание в выставочном зале Союза художников РСФСР. «Разговор издателей с читателями». Сообщение гл. редактора изд-ва «Художник РСФСР» доктора искусствовед. И. Н. Бродского и ст. редактора Б. Д. Сурица. «Вчера и позавчера» — главы из новой книги прочитал автор — художник В. А. Милашевский.
- 22 I 1968 «Мастера книжной графики. Евгений Николаевич Голяховский». Доклад канд. искусствовед. наук Л. Р. Варшавского. Сообщения: А. А. Сидорова, В. М. Лобанова и Г. Г. Филипповского.
- 15 II 1968 «Сегодняшний Париж глазами москвича». Впечатления о выставках и музеях М. В. Алпатова.
- 22 III 1968 «Максим Горький в изобразительном искусстве и книжной графике». Доклады искусствоведа К. С. Кравченко и канд. искусствовед. Ю. А. Молока.
- 26 IV 1968 «Из истории поэтического Петербурга. Пятницы Случевского» Доклад Т. П. Мазур.
- 21 V 1968 «Судьба ВХУТЕМАСА». Доклад П. И. Новицкого.
- 31 V 1968 Выездное заседание в Гос. музее изобразит. искусства им. А. С. Пушкина. «Д. И. Митрохин» (к 85-летию со дня рождения). Доклад М. В. Алпатова и сообщения Ю. А. Молока, художников К. М. Бурова, П. М. Кузаняна и Л. В. Чаги, искусствоведа Е. С. Левитина. Показ новых работ художника.

X СЕЗОН

- 28 X 1968 «Новое в ЦГАЛИ». Доклад Н. Б. Волковой.
- 17 XII 1968 «Мастера книжной графики. Павел Варфоломеевич Кузнецов» (к 90-летию со дня рождения). Сообщения: проф. А. Ф. Чудновского, канд. филол. наук Е. Г. Киселевой, искусствоведа М. Г. Неклюдовой, Ф. П. Малаева.
- 28 II 1969 «...с книгами и книжниками...» Рассказы букиниста Л. А. Глезера. (У развалов китайгородской стены. На старом Арбате. Друзья и враги книги. Книги-загадки. Книжки-малютки).
- 25 III 1969 «Библиофилы пушкинской поры. История библиотеки С. А. Соболевского». Сообщение ст. науч. сотр. ЦГАЛИ Л. В. Никольской и доклад В. В. Кунина.

Г. В. ЮДИН
(1840—1912)

*Пригласительный билет на заседание
«Судьба архива и библиотеки Г. В. Юдина» 1969 г.*

- 18 IV 1969 «Вчера и позавчера». (На посмертной выставке В. Серова. В столовой Академии художеств. Шаляпин — Еремка). Главы из новой книги прочел автор — художник В. А. Милашевский.
- 13 V 1969 «Портреты — словами» (Исаак Бабель. Всеволод Иванов. Алексей Толстой. Наталья Гончарова. Михаил Ларионов). Главы из новой книги прочитала автор — художница В. М. Ходасевич.

XI СЕЗОН

- 28 X 1969 «Библиотека Г. В. Юдина и ее судьба». Доклад д-ра ист. наук А. А. Преображенского. «Архив Г. В. Юдина». Сообщение В. Н. Колеченковой. Сообщение М. М. Клевенского.
- 28 XI 1969 «Нашему клубу X лет». «О нашем клубе» — сообщение А. Ф. Иваненко. «Рассказывают букинисты» — В. Н. Алексеев, Л. А. Глезер, Н. А. Старицын, А. И. Фадеев. «Встречи с прошлым» — сообщения ст. науч. сотр. ЦГАЛИ Н. Г. Королевой и Ю. А. Красовского. Стихи о библиофилах прочитал артист МХАТ Ю. В. Ларионов.
- 3 XII 1969 «Редкости из моей библиотеки». Доклад вице-президента АПН СССР проф. А. И. Маркушевича.

- 23 XII 1969 Просмотр и обсуждение выставки засл. деят. искусств РСФСР Д. И. Митрохина (книжная графика, акварель, рисунок).
- 17 II 1970 «Новые стихи». «Воспоминания о Михаиле Александровиче Чехове» прочитала автор — Надежда Павлович.
- 30 III 1970 «Полвека в музеях. Николай Павлович Пахомов» (к 80-летию со дня рождения). Сообщения: д. чл. АХ СССР Д. А. Шмаринова, проф. К. Н. Ломунова, чл. Союза журналистов О. К. Гусева, А. Ф. Иваненко, А. З. Крейна.
- 24 IV 1970 «Ленин и Луначарский». Доклад И. С. Зильберштейна. «Ленин в литературе и искусстве по материалам, хранящимся в ЦГАЛИ». Сообщение Н. Б. Волковой.
- 29 V 1970 «Искусство книжного знака». Сообщения: А. Ф. Иваненко, Ю. Я. Герчука, художников Г. А. Кравцова и Е. Н. Голяховского, канд. ист. наук Е. Л. Немировского.

XII СЕЗОН

- 30 X 1970 «А. А. Блок» (к 90-летию со дня рождения). Сообщения: А. Ф. Иваненко, Н. П. Ильина, А. М. Туркова, К. Н. Суворовой.
- 26 XI 1970 «Как я стал домовым». Главы из новой книги прочитал автор — Б. М. Филиппов.
- 27 I 1971 «Книгам вторую жизнь». Рассказы реставраторов и научных сотрудников ГБЛ: С. И. Захаровой, Т. Н. Каменевой, Г. С. Рожковой, Л. В. Тигановой, Н. П. Черкашиной.
- 26 II 1971 В. М. Лобанов — основатель нашего клуба». Сообщения: А. Ф. Иваненко, художников А. П. Белых, Н. Ф. Денисовского, П. Ф. Никонова, Г. Г. Филипповского, писателя В. Г. Лидина, искусствоведов В. И. Костина и Л. Р. Варшавского.
- 16 III 1971 «Издательство «Искусство» в новой пятилетке». Сообщения редакторов издательства: В. Демина, Ю. Овсянникова, Ю. Шуб и авторов книг — М. Меркель и В. Виленкина.
- 27 IV 1971 «Вокруг Александра Бенуа». Сообщение И. С. Зильберштейна.
- 11 V 1971 «Издатель Иосиф Кнебель». Доклад А. Ф. Иваненко. «Воспоминания об отце» проф. М. О. Кнебель.

XIII СЕЗОН

- 27 X 1971 «Издательство «Художественная литература» в новой пятилетке». Сообщение гл. редактора издательства А. И. Пузикова. Выступления И. Л. Андроникова, поэтов Е. М. Винокурова и Л. В. Гинзбурга; художников книги А. Д. Гончарова, В. Н. Горяева, В. Н. Минаева.
- 10 XI 1971 «По измам за книгами» (об экспедициях, в поисках редких книг). Доклад канд. ист. наук В. Б. Кобринина. Показ кинофильма «Путешествие за древними книгами».
- 4 XII 1971 «Старое и новое о Достоевском» (по материалам личного собрания). Доклад канд. филол. наук С. В. Белова (Ленин-

- градский клуб книголюбов). Совместное заседание с Секцией книги Московского Дома ученых.
- 22 II 1972 «Московский книжник Павел Шибанов». Доклад А. Ф. Иваненко. Сообщения В. Г. Лидина, засл. деятеля искусств РСФСР Н. П. Пахомова и букиниста Л. А. Глезера. Отрывки из воспоминаний П. П. Шибанова прочитала его дочь — Е. П. Шибанова.
- 29 III 1972 «Международный год книги, навыков чтения и библиотек». Доклад вице-президента Международной Федерации библиотечных ассоциаций М. И. Рудомино. Сообщения: члена коллегии Госкомиздата СССР В. Г. Мочалова, зам. председателя Всесоюзного объединения «Международная книга» Ю. Б. Леонова. Выступления поэтов Л. В. Гинзбурга и М. П. Кудинова.
- 25 IV 1972 «Из истории советской журналистики. Журнал «Красная Новь». Доклад Е. А. Динерштейна. Воспоминания писательницы Т. В. Ивановой.
- 5 V 1972 ««Мастера перевода поэзии народов СССР». Выступления поэтов: Н. И. Гребнева, Т. А. Жирмунской, А. А. Тарковского.

XIV СЕЗОН

- 19 X 1972 «Архивы — прошлое человечества, будущее науки». Доклады зав. отд. рукописей ГБЛ С. В. Житомирской и канд. филол. наук М. О. Чудаковой.
- 24 XI 1972 «Мастера книжной графики. М. В. Добужинский». Доклад А. Ф. Иваненко. Сообщение д-ра искусствовед. наук А. Н. Савинова. Воспоминания о Добужинском художника В. А. Милашевского прочитал артист МХАТ Юрий Ларионов.
- 26 I 1973 «Литературные и исторические загадки XVIII—XIX веков» (главы из новой книги). Доклад канд. ист. наук Н. Я. Эйдельмана.
- 17 II 1973 Открытие, просмотр и обсуждение организованной клубом выставки «Книжная графика из коллекций московских собирателей».
- 28 II 1973 «Библиофилы пушкинской поры. Две библиотеки Д. П. Бутурлина». Доклад В. В. Кунина. Совместное заседание с Московским Клубом экслибрисистов.
- 22 III 1973 «Государственная публичная историческая библиотека и ее книжные редкости». Доклады: зам. директора биб-ки М. К. Старокадомской и зав. отделом редких книг биб-ки Н. Ф. Чернышевой.
- 16 V 1973 «Сотое заседание клуба. Устный альманах библиофила». Слово о первом председателе — А. Ф. Иваненко. От наших друзей — председатель секции книги Московского Дома ученых, вице-президент АПН СССР А. И. Маркушевич. Встречи с прошлым — директор ЦГАЛИ Н. Б. Волкова. Завещание В. С. Сопикова — канд. филол. наук А. П. Толстяков. Новое о И. А. Бунине — д-р искусствовед. наук И. С. Зильберштейн. Книжные премьеры — художник К. М. Буров. Новые переводы Бодлера —

поэт В. В. Левик. За театральными кулисами (из неопубликованных театральных мемуаров) В. Н. Нечаев. «Усы Мольера» — новелла в исполнении автора — актера МХАТ Юрия Ларионова.

- 5 VI 1973 «Д. И. Митрохин» (к 90-летию со дня рождения). Доклады А. Ф. Иваненко и канд. искусствовед. наук Н. Н. Розановой. Сообщения художников А. И. Зыкова и В. Н. Ростовцева.

XV СЕЗОН

- 22 X 1973 Просмотр и обсуждение выставки художника С. Г. Бродского «Новые иллюстрации к Дон-Кихоту».
- 26 XI 1973 «Криминалистика служит музам». Сообщение канд. юрид. наук В. П. Герасимова о проведенных литературных и искусствоведческих экспертизах.
- 3 XII 1973 «В. Я. Брюсов» (к 100-летию со дня рождения). «Брюсов и Луначарский» — доклад д-ра филол. наук Н. А. Трифонова. «Брюсов и кино» — сообщение канд. искусствовед. наук В. С. Листова. Показ кинохроники 20-х годов с участием В. Я. Брюсова.
- 29 I 1974 «Жизнь, отданная книге. Иван Иванович Лазаревский». Доклад А. Ф. Иваненко. Сообщение художника Н. А. Седельникова. Воспоминания о И. И. Лазаревском А. А. Сидорова. Воспоминания И. И. Лазаревского о Д. В. Григоровиче и И. С. Остроухове прочел артист Театра на Таганке В. Андреев.
- 22 II 1974 «Редкости личных библиотек». Сообщения: С. И. Богомолова, Л. Р. Варшавского, П. С. Краснова, А. Ф. Маркова, П. М. Матко, С. Я. Фельдштейна.
- 30 III 1974 «Новые приобретения Государственного Русского музея». Доклад директора ГРМ, кандидата искусствовед. наук В. А. Пушкарева. (Прижизненные портреты В. И. Ленина работы Ю. Анненкова, Ф. А. Малявина, портреты XVIII в., архивы А. Н. Бенуа, К. А. Сомова, Л. С. Бакста, графика Н. Гончаровой, М. Ларионова, К. Сомова и др.).

КРАСНОЯРСКАЯ ХРОНИКА

В 1968 г. красноярские книголюбцы создали общество экслибристов (КОЭ), целью которого была пропаганда советского книжного знака, устройство выставок, изучение экслибрисов, помощь местным художникам и коллекционерам. Проведено около 50 заседаний, заслушаны разнообразные доклады и сообщения красноярских книголюбцев и коллекционеров, выпущено более 40 памяток, каталогов выставок, проспектов и буклетов, библиографических изданий.

Общество провело около 30 выставок в Красноярске, Кызыле, Абакане, Ачинске, Енисейске, Уяре, Канске, Минусинске, в селах Дзержин-

ское и Краснотуранское. Выставки книжных знаков в районных центрах края способствовали тому, что экслибрис украшает теперь и книги сельских библиофилов.

Председателем КОЭ бессменно со дня его создания является красноярский журналист В. А. Аверихин.

Более семи тысяч книг насчитывает библиотека сельского книголюбца, инженера-химика, ныне пенсионера Степана Гавриловича Шкурпело из поселка Балахта, что расположен на берегу реки Чулым, вдали от железной дороги, к югу от Красноярска. Это вторая его библиотека, первая погибла во время войны на Украине. В библиотеке С. Г. Шкурпело нет особо редких изданий, однако собранные им книги свидетельствуют о широте кругозора и знаний ее хозяина. Память С. Г. Шкурпело хранит много интересных литературных, исторических, краеведческих фактов и событий. У него часто собираются сельские книголюбцы, чтобы послушать его рассказы о книгах, поделиться сообщениями о приобретенных новинках, получить консультацию, познакомиться с изданиями, собранными в его библиотеке.

В середине 1974 г. в городе Уяре Красноярского края состоялась персональная выставка известного мастера книжного знака, рижского художника Алексея Илларионовича Юпатова. На выставке экспонировались 400 экслибрисов работы художника из коллекций красноярца В. Аверихина и уярских книголюбцов Г. Никулина и И. Пискуновича. К выставке уярский клуб книголюбцов и экслибрисистов выпустил специальную памятку «Экслибрисы Алексея Юпатова», часть тиража — с приложением многоцветного автоэкслибриса художника.

Старейший красноярский книголюбец санитарный врач дома отдыха «Енисей» — Иван Маркелович Кузнецов имеет одну из самых крупных личных библиотек Красноярска, она содержит сейчас свыше 24 тысяч томов, не считая комплектов журналов и газет. В библиотеке — широкий подбор литературы по разным отраслям культуры и специальностям. Прекрасно представлены книги по медицине, истории мирового искусства (более 5 тыс. томов), философии, художественной литературе и т. п. Интересно для книголюбцов собрание книг, изданных в XVIII в. — 1200 томов. Особая ценность для книголюбцов — издания по библиографии и библиофилии: журналы «Русский библиофил» и «Среди коллекционеров», работы В. Сопикова, А. Мезьер, Г. Геннади, В. Межова и другие. В библиотеке имеются также все издания, иллюстрированные замечательным советским художником Н. Кузьминым.

На квартире И. М. Кузнецова часто собираются любители книги. Он один из активных членов клуба книголюбцов при книжном магазине «Буревестник».

В 1974 г. в Минусинске была проведена большая выставка сибирского экслибриса. Первый раздел выставки содержал дореволюционные книги с экслибрисами и штемпелями их владельцев. Посетители выставки увидели экслибрисы ученого-просветителя И. Т. Савенкова, ссыльного И. Н. Рожанского, минусинского фотографа Н. В. Федорова. Были представлены на выставке в этом разделе экслибрисы и штемпельные знаки учебных заведений дореволюционного Минусинска и уезда — учительской семинарии, библиотеки реального училища и т. п.

Второй раздел выставки включал работы современных сибирских

художников-профессионалов — А. Аносова, Л. Гимова, Н. Домашенко, Ф. Шлюнда (Иркутск); В. Андрианова, Р. Берг, А. Гордеева, П. Драгунова, О. Красова, Н. Кофанова, М. Панькова, Т. Печериной, Г. Писаревской, О. Пинаевой (Кемерово); В. Павленко, И. Пирожникова, Н. Сальникова, В. Свалова, С. Турова (Красноярск); М. Петрова, И. Кузнецова (Кызыл); В. Марьина (Томск); Е. Крутикова (Омск); В. Тодыкова (Абакан); В. Дубинского (Ачинск).

Третий раздел экспонировал работы художников-любителей из Красноярского края.

Выставка проходила в старейшем сибирском музее, основанном замечательным ученым-естествоиспытателем Н. М. Мартыновым. К выставке была выпущена брошюра, содержащая большую статью об истории и современном состоянии экслибриса в Сибири, а также иллюстрации — книжные знаки, представленные на выставке.

Около пяти лет уже существует в Красноярской школе-интернате кружок юных экслибрисистов (КЮЭ), членами которого могут быть и учащиеся других школ города. Устав КЮЭ гласит, что члены кружка знакомятся с великим культурным наследием советского народа, активно популяризируют книгу среди юношей и девушек, изучают достижения советских художников-графиков, собрания коллекционеров и библиофилов. В школе организован постоянный кабинет экслибриса, периодически устраиваются выставки книжного знака. Кружок имеет эмблему: раскрытая книга — источник знаний и подсолнух — символ жизнелюбия и стойкости. Библиотека школы-интерната имеет свой экслибрис работы харьковского художника Н. Молочинского. Члены кружка — обычно школьники старших классов. Занятия посвящены биографиям отдельных книголюбов, владельцев тех или иных экслибрисов, творчеству художников-мастеров книжного знака, тематическим подборкам экслибрисов и т. п.

У КНИГОЛЮБОВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Клуб книголюбов создан по инициативе библиотеки им. А. И. Герцена, Литературного музея и областной организации общества «Знание». Участие этих организаций в клубе обеспечивает его работе солидную книжную, документальную и справочно-библиографическую базу.

Фонды библиотеки им. Герцена (на 1 января 1975 г. — 1 млн. 817 тыс. томов), одной из старейших в Российской Федерации (основана в 1837 г. при участии А. И. Герцена), позволяют наглядно проследить все этапы истории отечественной книги. Особой полнотой отличается в них подбор местных изданий. Много в библиотеке и иностранных книг.

Литературный музей существует с 1968 г. Инициатором организации музея и бессменным председателем его совета является писатель Е. Д. Петряев — известный исследователь культурного прошлого Сибири и Вятского края, автор многих работ, среди которых и книга «Кировский литературный музей» (Киров, 1972). Музей размещен в старинном доме, в котором, находясь в ссылке в 1848—1855 годах, жил М. Е. Салтыков-Щедрин. В бывшем кабинете писателя восстановлена бытовая обстановка, собраны иллюстративные и документальные материалы — ранние фотографии Салтыкова-Щедрина, первые издания его книг. Есть в музее разделы с материалами вятских литераторов дореволюционной поры, небольшая экспозиция «А. И. Герцен в Вятке», экспонаты, свя-

занные с В. Г. Короленко, Ф. Ф. Павленковым, А. С. Грином, с событиями и деятелями литературной жизни края в советское время (комсомольские журналы «Зарево», «Новая молодежь» и другие уникальные издания первых лет Советской власти, фотографии, рукописи, книги, письма, рисунки писателей).

Первое заседание клуба состоялось в марте 1973 г. Но корни его уходят глубже, к началу 60-х годов, когда областная библиотека начала регулярно проводить так называемые «краеведческие четверги». На этих собраниях краеведов вопросы культурного прошлого и настоящего Вятского края занимали и по-прежнему занимают видное место (из 144 собраний им посвящено 76). О книгах и книжниках на «четвергах» не без основания говорилось всегда, так как у книги в Кировской области богатая история и интересное настоящее. Но со временем стало очевидно — в рамках универсальных по своей тематике краеведческих чтений книговедческим темам тесно. Так появился клуб книголюбов, в работе которого уклон в краеведение не случаен.

Уже первые заседания привлекли внимание значительного числа библиофилов и книголюбов. Сейчас в клубе свыше 100 членов. В правлении 12 человек: писатели, журналисты, библиотекари, инженеры, педагоги, учащиеся. Председателем избран Е. Д. Петряев. Интересными, глубоко содержательными были его сообщения: «О книжных редкостях и частных библиотеках» (1-е засед. 30. III. 1973), «М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. К 125-летию начала вятской ссылки» (2-е засед. 18. V. 1973), «Библиофилы старой Вятки» (6-е засед. 25. I. 1974), «Писатель и библиофил. К 80-летию В. Г. Лидина» (7-е засед. 22. II. 1974), «Вятка и Пушкин» (10-е засед. 31. V. 1974).

Особое значение правление клуба придает рассказам библиофилов о своих собраниях и редкостях в них. Часто эти сообщения вносят новые сведения в книжную историю не только Вятского края.

Доцент педагогического института И. М. Сметанин имеет замечательную философскую библиотеку, в которой особенно полно представлены произведения русских философов. Большой интерес собравшихся вызвал в его выступлении рассказ об истории издания «Метафизики» Аристотеля (М.—Л., Соцэкгиз, 1934), в подготовке которого он принимал участие (3-е засед. 29. VI. 1973).

Доктор биологических наук Э. А. Штина говорила о книжных впечатлениях, полученных во время поездок за границу, о роли книги в ее пути в науку. В том, что она стала ботаником, во многом «виновата» научно-популярная книга А. С. Серебровского «Биологические прогулки» (М.—Пг., 1923) (4-е засед. 28. VIII. 1973).

Старейший юрист области К. А. Палкин сказал о своих книгах: «Это дни моей жизни: они говорят о работе, о встречах с интересными для меня людьми, напоминают об авторах, которых я знал лично». Среди таких авторов П. И. Стучка, Н. В. Крыленко и многие другие. К. А. Палкин поставил вопрос о необходимости создания каталога своей библиотеки каждым книголюбом. Только так можно фиксировать неповторимость частных собраний (5-е засед. 30. II. 1973).

Богато интересными сведениями было сообщение известного кировского краеведа, ботаника и музейного работника А. Д. Фокина, владельца библиотеки, в которой особенно полно представлены разнообразные определители растений и животных. А. Д. Фокин поделился также воспоминаниями о своем друге-земляке, выдающемся художнике книги М. И. Пикове (9-е засед. 26. IV. 1974).

Выступления библиотечарей С. В. Снигиревой «О реставрации

книг» и С. М. Матлиной «Враги книги» вызвали оживленный обмен мнениями; отмечалось, что сегодня общественные библиотеки почти не защищены законодательством от «книжного браконьерства» (5-е засед. 30. XI. 1973).

Гости из Москвы — главный редактор издательства «Книга» А. Э. Мильчин и сотрудница «Книжного обозрения» В. Г. Шитарева — рассказали о делах и планах издательства и газеты (8-е засед. 29. III. 1974). Известный ленинградский книговед А. В. Блюм сообщил о вновь открытых страницах издательской деятельности Ф. Ф. Павленкова в Вятке (7-е засед. 22. II. 1974).

Регулярно на всех заседаниях с обзорами новинок и, в частности, новинок книговедения выступали сотрудники библиотеки им. А. И. Герцена З. П. Вотинцева, Г. Д. Скольная и В. В. Кононенко. К каждому заседанию правление издает памятку, содержащую фактические и библиографические сведения по существу рассматриваемых вопросов. Большинство выступлений записывается на магнитофон. На одном из последних заседаний интересный доклад о «Вятском товариществе», издавшем за 1902—1918 гг. около 300 книг русских и зарубежных авторов, сделал В. Г. Шумихин.

Центральные темы очередных заседаний — «Редкости областной библиотеки», «О вятском переплете», «Библиотека и издания Луки Гребнева».

* * *

Клубы книголюбов созданы и в других местах области (города Яранск, Луза, поселки Лебяжье, Кикнур, Оричи и др.). Направленность их работы различная. В одних — содействие распространению книги через торговлю, в других — пропаганда книговедческих, библиотечно-библиографических знаний и лучших произведений в библиотеках.

На базе центральной городской библиотеки работает клуб в г. Кирово-Чепецке. Ведет его местный библиофил, владелец значительной коллекции экслибрисов В. А. Метелкин.

Недавно начали собираться в своем клубе при профсоюзной библиотеке меховой фабрики «Белка» книголюбы г. Слободского (состоялось 3 заседания). Первое заседание прошло при участии Е. Д. Петряева. Председателем правления избран писатель Е. А. Кузницын.

Рубрика «Клуб книголюбов» появилась в районной газете «Знамя» (пос. Подосиновец), где ее ведет коллекционер и библиофил А. Я. Косов. Н. Ф. Бельтюков выступил в газете «Сельский труженик» (пос. Уни) с полезными статьями (22. XII. 1973 и 17. I. 1974) о книжности своего района, о редких старых изданиях.

У КНИГОЛЮБОВ ОМСКА

Дочь известного сибирского писателя Феоктиста Березовского (1877—1952) З. Ф. Березовская принесла в дар областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина личную библиотеку отца. В ее составе редкие дореволюционные издания, книги с дарственными надписями, произведения писателя — всего около трехсот книг. Дар оформлен как личный фонд Ф. Березовского и снабжен специальным каталогом.

«Достоевский в Омске» — так называется библиографический указатель, выпущенный областной научной библиотекой имени А. С. Пуш-

кина. Предисловие к нему написал известный сибирский краевед и библиофил, автор ряда книг по истории Западной Сибири, Омска, культурных традиций в Сибири, ныне покойный, А. Ф. Палашенков. Указатели, выпускаемые библиотекой, пользуются большой популярностью у книголюбов Омска и посетителей библиотеки, служат ценным подспорьем в работе историков и краеведов.

С 1964 г. в школе села Больше-Могильное Люблинского района Омской области существует литературно-краеведческий музей. В музее много ценных и интересных экспонатов. Есть подлинные письма организатору музея И. С. Коровкину советских писателей — М. В. Исаковского, А. Т. Твардовского, письма О. Л. Книппер-Чеховой, книги с дарственными надписями многих писателей — В. Лидина, Л. Мартынова, А. Пришельца, П. Васильева и других. Интересен иконографический фонд музея, в нем представлены документальные фотографии — портреты многих советских писателей, а также редкая фотография ящика Колейкина, который вез по Западной Сибири А. П. Чехова во время путешествия писателя на остров Сахалин. Музей пользуется большой известностью, в нем побывали сотни посетителей из окрестных населенных пунктов, из районного центра, из Омска. Музей существует на общественных началах.

Стихи
о книгах
и книжниках

Лев Озеров

НАДПИСИ НА КНИГАХ

НА КНИГЕ ВИЙОНА

«Сижу на месте я, бродяга.
Не болен, но иду к врачу.
Бегу, не делая ни шага.
Беседую, хотя молчу.
Пою от горечи отпетой
Не раз, а десять раз на дню.
Любя, борюсь с любовью этой,
Ее зову, ее гоню», —
Так за меня сказал бы он,
Неразговорчивый Вийон.

НА ТОМЕ КОСТА ХЕТАГУРОВА

Какою горечью напоены чернила,
Какими бедами навеяна строка,
Строка, в которой дерзостная сила,
Та сила, что душевностью крепка!
Какой удар для каждого алдара,
Какой урон для каждого князька —
Строка Коста, в которой столько дара,
В которой дружат радость и тоска.
Строка Коста — суровость и певучесть,
Свирель и горн, проклятье и мольба.
В ней — одного особенная участь
И двух Осетий общая судьба.

НА ТОМЕ ТЫЧИНЫ

Песенно течет река
И безмолвствуют равнины,
И проходят облака
В духе раннего Тычины.

Тени по земле бегут —
Видно, снится сон природе,
И на несколько минут
К нам бессмертие приходит.

Озирается земля
Без опаски, без причины.
Ветер клонит тополя
В духе раннего Тычины.

НА КНИГЕ ЯНА «БАТЫЙ»

Летает коршун времен Батыя
Над русским полем, круги крутые
Зловеще-дики.
Но травы-пики
Готовы встретить его удар.
Летает коршун, зловещ и стар.
Летает коршун, к его полету
Привыкла неба седая синь.
Но поле знает одну заботу —
Готовить пахоту и пехоту
Для обороны своих твердынь.

НА АНТОЛОГИИ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Я услышал в Болгарии говоры древней Руси,
Клокотанье согласных и гласных открытые взоры.
За погудкой студентов, детей и шоферов такси
Мне всхолмленного Киева виделись всюду просторы.

«Ден денувам» — мне Яворов пел, как певал Святослав.
Мне у Ботева слышались вещи струны Бояна,
И казалось, что к корню славянства влюбленно припав,
Ощутил я всем сердцем далеких веков обаянье.

И гайдуцкие песни, как сабли звенели в горах,
И червонными винами наполнилась чаша долины,
И начальные корни, сплетаясь в далеких веках,
Гнали жизнь по стволу, по ветвям несказанной былины.

И широкая крона шумела зеленой листвою,
И согласные щелкали так упоительно щедро,
Что казалось, язык каждодневный, вот этот, живой
Обнажает истории необозримые недра.

Франсуа Фертио

СОНЕТЫ КНИГОЛЮБА

ЖАЛОБА

Страдает книга от мороза,
Дождь губит нежные листы,
Беда от пыли, тесноты
В лотке, где и стихи и проза.

Туман ложится — ей угроза;
До желтизны, до черноты
Зной иссушает с высоты,
И вянет книга, словно роза.

Да, путь ее порой тернист,
И корчится она, бедняжка,
Смят переплет — ее рубашка.

Пыль, солнце, ливень, ветра свист...
Нет слов, приходится ей тяжко...
А что же терпит букинист?

МОЕ ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ

Неутомимым санитаром
В полях сражений роковых,
Пылая милосердным жаром,
Ищу я раненых, больных.

Жаль, мало места в доме старом
От книг заслуженных других,
Но потеснились мы недаром
Для инвалидов дорогих.

Сперва осматриваю раны,
Вас очищаю, ветераны,—
Искусство это я постиг.

Оторван уголок — приставлю,
Погнулся переплет — исправлю.
Больница у меня для книг.

*Перевел с французского
М. Гордон*

Вячеслав Куприянов

СТИХОТВОРЕНИЯ

На белых небесах бумаги
Звезды
Букв —
Млечный Путь
Гутенберга —
Светлые головы
Вскормлены
Твоим молоком.

ЧТЕНИЕ ДОМА

Погоди
минуту, не торопи,
сейчас
я дойду до того места, где
будет сказано,
как нам быть, когда
времени
не хватает...

СОВЕТ ЧИТАЮЩЕМУ

Из Рене Швахгофера
Перевод с немецкого

Нелепости
Вычеркни.
Недомолвки
Домысли.
Обдумай,
Что остаётся.
* * *

Книга — дом
из одних дверей —
бесконечно:
открытие,
открытие,
открытие...

СОДЕРЖАНИЕ

Учредительному съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги	5
<i>Е. Осетров.</i> Сражающаяся книга	7

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>А. Маркушевич.</i> Советское библиофильство	15
<i>В. Утков.</i> Перо Жар-птицы	27
<i>А. Лейфер.</i> «Вольность не дается даром...»	45
<i>А. Глухов.</i> «Межпланетные путешествия»	51
<i>А. Палей.</i> Выдающийся деятель книги	58
<i>С. Голицын.</i> Вспоминая «Всемирный следопыт»	61

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>К. Кострин.</i> Всегда со мной...	69
<i>Я. Рабинович.</i> Русская морская библиотека	75
<i>В. Дегтярев.</i> «Мне мил и виноград на лозах...»	89
<i>А. Анушкин.</i> Библиотека В. М. Жемчужникова	92
<i>В. Кунин.</i> Две библиотеки Дмитрия Петровича Бутурлина	106
<i>М. Дроздова, Н. Карпило, А. Макареня.</i> О библиотеке	137
<i>Д. И. Менделеева</i>	147
<i>Б. Шиперович.</i> Тургеневская библиотека в Париже	147
<i>Е. Немировский.</i> Журнал библиофилов ГДР	154

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>Т. Быкова.</i> Издания амстердамской типографии Яна Тесинга	161
<i>С. Долгова.</i> Судьба библиотеки Ф. Каржавина	166
<i>М. Искрин.</i> Кто такой Мартын Задека?	169
<i>Ф. Стеклова.</i> Густав Зелинский и его поэма	177
<i>С. Белов.</i> Об одной книге из библиотеки Ф. М. Достоевского	183
<i>В. Осокин.</i> Заметки об экслибрисах писателей	188

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>А. Блюм, И. Мартынов.</i> С. Минцлов и его библиофильская повесть	201
<i>В. Курбатов.</i> «Художник с умом и чувством...»	217
<i>И. Каганов.</i> Пешеходец Василий Григорович-Барский и книги	233
<i>Е. Петряев.</i> Библиофилы старой Вятки	239
<i>Н. Рерих.</i> Листы	245

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>В. Терновский.</i> Драгоценный автограф	257
<i>С. Алянский.</i> Сценка в книжном магазине	259
<i>В. Глоцер.</i> История одной книжечки	261
<i>В. Манукян.</i> Книжный знак для подземной библиотеки	268
<i>Г. Кизель.</i> Самый маленький в мире экслибрис	271
<i>Г. Фирсов.</i> Библиотека на почтовых марках	272

ХРОНИКА

<i>А. Иваненко.</i> 15 лет клубу любителей книги при ЦДРИ СССР	279
Красноярская хроника	289
У книголюбов Кировской области	291
У книголюбов Омска	293

СТИХИ О КНИГАХ И КНИЖНИКАХ

<i>Лев Озеров.</i> Надписи на книгах	297
<i>Франсуа Фертио.</i> Сонеты книголюбца	300
<i>В. Курриянов.</i> Стихотворения	301

А 57 **Альманах библиофила. Вып. 2. М., «Книга», 1975.**
304 с. с ил. 30 000 экз.

Первый выпуск «Альманаха библиофила» привлек внимание многих любителей книги. Второй выпуск рассказывает о современных книголюбях и знаменитых книжниках прошлого, о библиотеках выдающегося русского ученого-химика Д. И. Менделеева, известного библиофила XVIII века Бутурлина и одного из создателей образа Козьмы Пруткина — В. М. Жемчужникова. Читатель узнает о русской библиотеке в Париже, основанной И. С. Тургеневым, в которой работал В. И. Ленин. В альманахе включены отрывки из библиофильского романа С. Р. Минцлова, публикуются страницы из дневника Н. К. Рериха, посвященные Книге.

В лирическом этюде освещена одна из драматических страниц истории книжной графики — создание иллюстраций А. Агина к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя. Сборник завершают хроники клубов книголюбителей страны.

Издание иллюстрировано. Предназначено для всех кто любит и ценит книгу.

А **61001-049**
002(01)-75 **1-75**

002

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск два

Редактор Э. Б. Кузьмина

Художественный редактор Н. Д. Карандашов

Технический редактор Н. И. Аврутис

Корректор Н. Ю. Семенова

А05923 Сдано в набор 26/XII.1974 г. Подписано к печати 3 VI.1975 г.
Формат бум. 60×84¹/₁₆. Бумага № 1.
Усл. печ. л. 17,67 Уч.-изд. л. 16,0 Тираж 30 000
Изд. № 1713 Заказ 2161 Цена 1 р. 16 к.

Издательство «Книга»
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Государственного комитета Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

